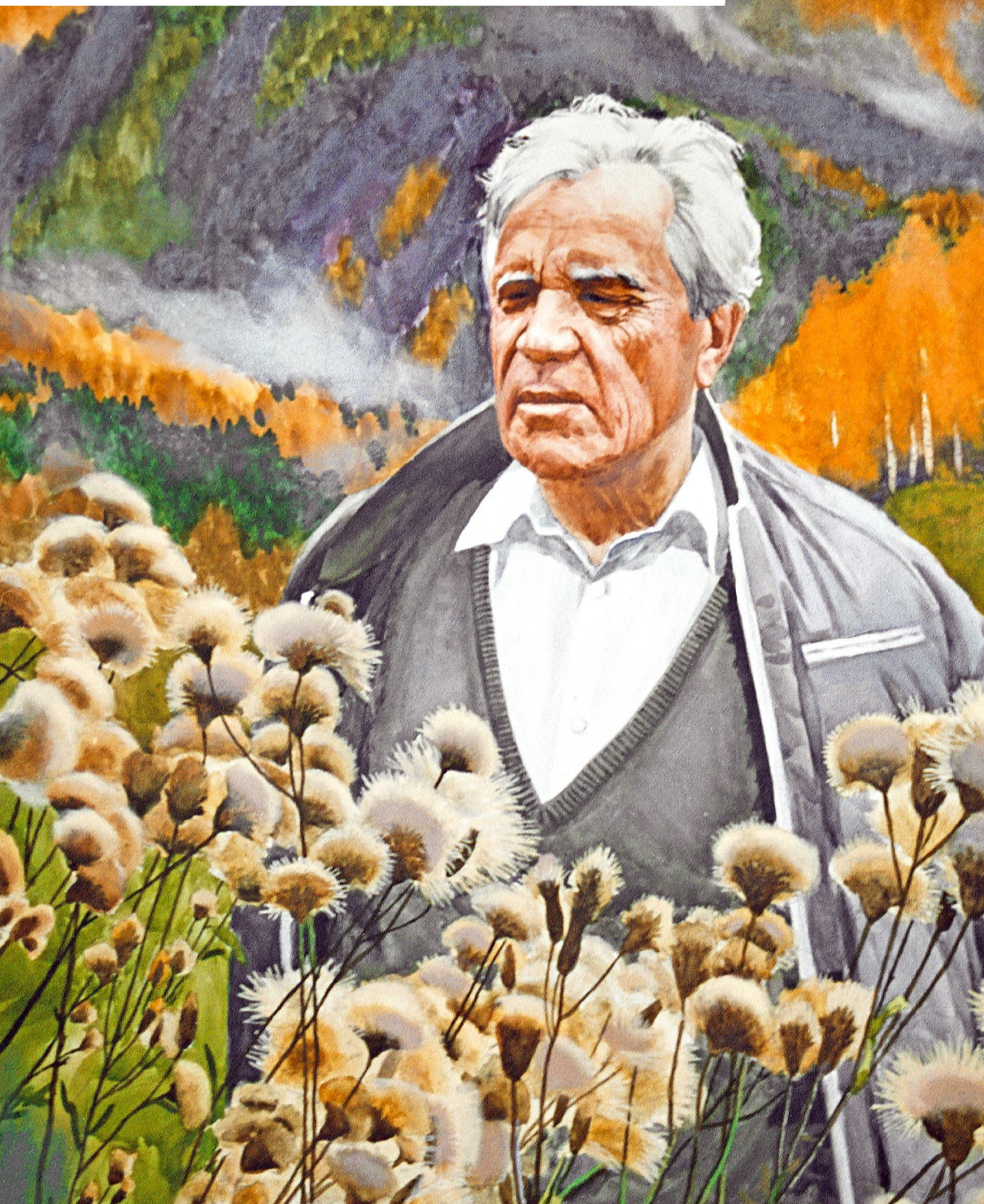

Енисей

№ I
2024

Красноярский краеведческий
и литературно-художественный альманах

Енисей

№1 * Красноярский литературно-художественный
2024 и краеведческий альманах

Михаил Тарковский главный редактор

Александр Ёлтышев заместитель главного редактора

Ольга Гуляева редактор отдела прозы

Сергей Кузнечихин редактор отдела поэзии

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Александр Астраханцев прозаик, член Союза российских писателей

Леонид Бердников краевед, председатель
историко-патриотического
общества «Краевед»

Иван Булава прозаик, первый секретарь
Сибирского представительства
Союза писателей России и Белоруссии

Марина Москалюк Профессор кафедры
социально-гуманитарных наук
и истории искусств Сибирского
государственного института
искусств им. Дмитрия Хворостовского

Марина Панфилова поэт, член Союза писателей России

Михаил Северьянов доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории
России Гуманитарного института
ФГАОУ ВО «Сибирский
федеральный университет»

Александр Щербаков поэт и прозаик, член Союза писателей
России, заслуженный
работник культуры РФ

* Красноярск
«КАСС»

ББК 84 (2 Рус = Рос)

Е 63

*Номер посвящён 100-летию
со дня рождения В. П. Астафьева*

Альманах выходит благодаря
финансовой поддержке министерства
культуры Красноярского края.

Мнение редакции может
не совпадать с мнением авторов.

Редакция не вступает в переписку.
Тексты не рецензируются.

На обложке использованы
фрагменты картины «На Сибирской
земле. Портрет В. П. Астафьева»
из коллекции Красноярского
краевого краеведческого музея.
Художник Валерий Кудринский.

Адрес редакции:
г. Красноярск, пр. Мира, д. 3,
Дом искусств

Вёрстка: Олег Наумов
Корректор: Андрей Леонтьев

Подписано в печать: 17.06.2024

Тираж: 500 экз.

Формат: 70 × 100 / 16

Объём: 16,25 усл. печ. л.

Отпечатано в ООО «Типография КАСС»
г. Красноярск, ул. Маерчака, д. 65, стр. 23;
т. +7 (391) 259-59-60
info@kass24.ru www.kass24.ru

© Дом искусств, 2024

ISBN 978-5-6051514-0-1

Содержание

ВЕНОК ПИСАТЕЛЮ

- Роман Солнцев 5
Анатолий Третьяков 8
Юрий Беликов 9
Ольга Ермолаева 10
Николай Ерёмин 11
Нина Гурьева 12

ЮБИЛЕЙ

- Ольга Немежикова
А сверху всё видно 13
Ольга Ермолаева
Школа имени писателя 21

СТИХИ И ПРОЗА

- Рустам Карапетьян
стихи 26
Виктор Теплицкий
рассказы 31
Игорь Фармазюк
стихи 49
Игорь Герман
Красная линия 53
Екатерина Малиновская
стихи 63

Геннадий Васильев

В сумерках 66

Виталий Овчаренко

стихи 106

Альбина Мамаева

рассказы 109

Сергей Мамзин

стихи 113

Вячеслав Лукьянов

Разлом 118

Николай Тимченко

Призвание 130

Владимир Романенко

стихи 151

Светлана Блохнина

*Волшебный рюкзак,
или Уеду навсегда* 155

Николай Тычинский

рассказы 158

Татьяна Панова

стихи 175

ЖУРНАЛИСТИКА

Николай Юрлов

Ходячий строкомер 177

ТВОРЧЕСТВО ЮНЫХ

Молодые о великих 186

Авторы 194

Роман Солнцев

* * *

В. А.

Сидишь в ночи, в сердцах сломав перо.
Ты с истиною не играешь в жмурки.
Ты видел человеческую кровь
не только в поликлиниках, в мензурке...

Ты видел всё, что может повидать
солдат, пройдя и Русь, и пол-Европы...
Лишь на витринах ты узрел кровать.
А для тебя постель была — окопы...

Пожары ночью мрели до небес,
а вы об угольках в печи мечтали.
Вам вместе со взрывчаткой через лес
везли пудами тусклые медали.

За наименьшем медных пятаков
глаза бы ими закрывать погибшим...
Хотя сегодня этих медяков
дороже нет по нашим пепелищам.

Их не отменит золотой чекан,
с цепочками серебряная плоска...
Свою судьбу ты вновь перечитал —
годится. И перо летит в окошко!

* * *

В дни прощанья поднялась толпа,
тёмная, огромная, как кит,
слышу треск фонарного столба,
слышу, кто-то за дверьми кричит:
мы ценили... он и нас ценил...
А в своих газетах день назад
называли гения: «дебил»,
«враг народа», «старый дерьмократ».
Уговаривали пожилых,
воевавших на большой войне,
написать письмо ему под дых,
позвонить с угрозами жене.
Дескать, любит родину не так,
укоряет — надо же — народ,
мол, народ пьянчуга и дурак...
Только что ж народ-то слезы льёт?
И теперь, когда Россия вся
словно как от грома сотряслась,
новообретённые друзья
не хотели б без вести пропасть.
Что ж, несите ваши все венки,
чёрные, в ошмётках жёлтых роз.
Только бы от вашей от руки
пламя на полу не занялось.
Говорите тихие слова,
так и быть, собратья во Христе,
только б ледяная синева
вдруг не выросла бы на кресте.
Он умел и верить, и прощать.
Только вы простите ли себя
через год, иль два, и даже пять?..
Он во снах вернётся к вам, слепя.
Скажет: я лишь истину искал —
не богатств, не власти, не вина...
Я работал. Кажется, устал.
Тесно мне в земле, и ночь темна...
Но готов, как камень, как металл,
здесь лежать — цвела б моя страна.

* * *

Вот и нет Астафьева Викторá —
так себя он в шутку называл.
И не будет на земле повтора —
это всё же не лесоповал.
Это пострашнее: мир огромный
детских озарений и обид,
а ещё и ненависти тёмной
ко лжецам, — весь этот мир убит.
Фронтowych друзей ночные крики...
красные бинты... голодный год...
Всё ушло навек. Остались книги.
Но прочтёт ли их когда народ?
Он стоит, нетрезвый, оскорблённый
правдою жестокой о себе.
Лестью комиссаров умилённый.
И готовый, как всегда, к борьбе.
Хоть за колбасу, хоть за картошку,
хоть за негритянские права.
Разве здесь сгодятся понарошку
огненные Виктора слова?

* * *

Как заклатье, горестно и кратко,
повторяю я слова для всех
пламенных подонков Красноярска,
что несут на сердце тяжкий грех —
жизнь Астафьеву укоротили
ложью, поношением и злом:
«Дай вам Бог и в памяти, и в силе
жить да жить! Но чтобы вам при том
стыдно было, жизнь текла в мученье,
не давала ночь отдохновенья,
слезы не дарили вам забвенья,
вы-то живы, а его уж нет,
чтоб просили у него прощенья
много-много-много-много лет...»

Анатолий Третьяков

Овсянка

Теперь не замерзает Енисей.
Дороги санной нет до Красноярска.
Овсянка — даже летом не в овсе.
Но те же звёзды так же светят ярко.

Не так они медлительны, года,
Как нам порой бы этого хотелось.
Совсем не там живём мы иногда...
Не это важно. Лишь бы так же пелось!

На языке и сосен, и берёз,
Уснувших деревенок и вокзалов —
И журавлиный крик, и скрип колёс —
Чтоб в этой песне всё в одной связалось.

И вся Сибирь — один огромный дом.
В любой избе всегда ночлег найдётся.
А родина — она не за холмом.
Она с рожденья в сердце остаётся.

..Его Овсянка долгие года
Ждала, как мать, и верила: вернётся.
И он вернулся! Тем она горда,
Что родиной Астафьева зовётся.

Уже давно дома вошли в тома.
Деревня стольким людям полюбилась!
Не сирота — теперь она сама
К нему одной избою прислонилась.

Юрий Беликов

ЗА ОГРАДОЙ

Я, и при жизни его не входивший в ограду,
после успенья неужто в ограду войду?..

Я не Вергилий — водить экскурсантов по аду,
где завывают пииты, как черти, в аду,

машут зазывно: мол, в очередь, будешь за нами,
в чёрном зеркале надгробного камня своих
чушек не чувят, но числятся учениками —
я за оградой уж лучше послушаю их,

здесь, рядом с женщиной, лик погрузившей в гвоздику,
через нечётный, живым лишь несомый цветок
(стебель — антенна!) на связь выходящую — к лику
тайного мужа, в цветах понимавшего толк.

— Знали?.. — кивну. И сладимого груза лишённой
пчёлушкой, взятой на этом и том пополам
свете с поличным, отпрянет она отрешённо:

— Знала ль?.. И спросит: — У вас не найдётся ста грамм?..

И за оградой, достав незаметно из кладки,
я передам ей заметно початый сосуд..

Видно, чем ближе, тем дальше мы к этой ограде —
будьте готовы! — которою нас обнесут.

Ольга Ермолаева

* * *

Валентине Сидоренко

Товарка моя по судьбине и по ремеслу!
В Москве обитаю, как во глубине океана...
А ты-то, а ты-то, царевна моя Несмеяна,
Глядишь с Ангары через тысячевёрстную мглу.

Я бабьего жалкого лепета страсть не люблю.
Царапаю краткие письма, как курица лапой.
Но ты-то ведь видишь меня, как и я тебя зрю —
Какой там к шутам вдохновенной! — свирепой, патлатой...

О, как многодетная мать при стирке белья,
И как санитарка, объятая смертной отвагой,
И как гулеванка, спустившая всё до копыя, —
Такие мы есть по ночам пред честною бумагой!

У вас — нет! у нас! — скоро выйдет в лугах черемша,
Пойдёт на покосах расти валерьяновый корень...
В единой-то боли душе отзовется душа.
Единым трудом свои сельские руки неволим!

Товарка моя, это нам с тобой стыд и укор,
Что в наших гнездовьях донине — где густо, где пусто...
Добро, что выходим мы на всероссийский простор,
И чувство народа затмило любовные чувства.

У нас телевизоров больше, чем дойных коров,
И много транзисторов — да не сыскать гармониста.
И так-то сведён санитарною вырубкой чисто
Кедровый лесочек, который был чист и здоров!

Как поле картохи, возделывая времени пласт!
Даст Бог, и напишем, и на ноги деток поставим.
И нам, словно в школе, сурово отметки раздаст
Высокий учитель наш, Виктор Петрович Астафьев.

Николай Ерёмин

ПЕРВОМАЙСКИЙ СОНЕТ

Помню развесёлые гулянки —
Берег Енисея у Овсянки...
Как вокруг Астафьева народ
Собирался в дружный хоровод...

Всё, о чём мы пели, что любили,
Боже мой, о чём ни говорили, —
В мемуарах издано давно,
Много раз показано в кино...

Вот — часовня... Вот — библиотека...
Есть где помолиться... И опять
Вспомнить дорогого человека
И его «Царь-рыбу» почитать...

На дворе — желанный Первомай.
Жди, Петрович, нас, не забывай!

Нина Гурьева

СКОРЬБЬ

Укрылась матушка-природа
Вся в белый саван декабря.
И Дух Великого народа
По весям шёл и шёл, скорбя.

Лишённый зимнего покоя,
Дымился молча Енисей.
А в нём «царь-рыба», будто стоя,
Со свитой двигалась своей.

В осиротевшей вдруг Овсянке
Какой свечи огонь угас!
Но словно слышится в пространстве:
«Астафьев, не оставьте нас...»

Простой мужик, знаток живого
Покинул проклятое зло
Его отточенное слово
Колючей правдой совесть жгло.

Минуту скорбного молчанья
Нарушил колокольный звон.
А люди шли отдать прощальный,
Последний трепетный поклон.

Ольга Немежикова

А сверху всё видно

Статья о спектакле «А сверху всё видно» (24.02.2024). Трагикомедия по рассказу В. П. Астафьева «Бабушкин праздник». Красноярский драматический театр имени А. С. Пушкина. Режиссёр-постановщик — Борис Плоских.

Облака плывут по небу...
Вспоминайте про меня...
Да про меня...

Спектакль «А сверху всё видно» — событие для красноярских зрителей волнующее, потому что основа родная, своя: инсценировка главы «Бабушкин праздник» из повести В. П. Астафьева «Последний поклон». Мы по праву гордимся нашим земляком, большим русским писателем двадцатого века Виктором Петровичем Астафьевым (01.05.1924—29.11.2001), столетие которого отмечается в текущем 2024 году. Его книги — высочайший образец русского художественного слова. «Последний поклон» Астафьева — воспоминания детства, признание в любви к малой родине, к односельчанам, живущим на вольных сибирских просторах. Астафьевскому литературному стилю в целом свойственно пронзительное, простосердечное и одновременно возвышенное переплетение сермяжной народной правды и трепетной поэзии родной природы, родной земли.

Спектакль поставлен в жанре литературного театра с опорой на живое слово писателя, и мы, в свою очередь, попытаемся передать колдовскую прелесть этой праздничной постановки, украшенной богатой мозаикой характерных типажей. Лирический повествователь, молодой Витька (*Михаил Яценко*) — сценический прототип автора — с большим участием, восторженно и страстно рассказывает о минувшем, поскольку сам в то время был уже в памятных годах.

Начинается история под фольклорную заповку и сказ о траве любке, настой которой вкупе с заговором способен вызвать сильнейшую, неодолимую любовь. Ведь «любить и страдать любовью и есть человеческое назначение или веление Божие». С чего у Астафьева начинается Родина? «Впереди... открываются просторы, от которых у меня и по сей день заходится сердце... Хочется сидеть и сидеть на вершине утёса, смотреть и плакать. <...> Леса, горы, перевалы... А главное, вот эта, притиснутая ими к Енисею деревенька... Такая тихая и такая смиренная, что стоном хочется стонать от любви и жалости к ней...»

Спектакль до краёв наполнен энергией — первозданной, от земли, от тайги, от Енисея с его рыбами, от неба с летящими по нему мужиками, довольными, счастливыми — и самыми что ни на есть земными! (Фонем спектаклю служат живописный коллаж из картин художника *Леонида Баранова* и песня «Облака» группы «Яхонт», близкие по духу замыслу постановочной группы.)

Перед нами раскрывается уникальный мир — сердце сибирской деревни, горячо любимой В. П. Астафьевым. Этот мир очень разный, но всегда деятельный и жадный до жизни. Он умеет работать и отдыхать, радоваться дару жизни, новому её пополнению. На сцене атмосфера деревенской интимности — и в то же время распахнутых ворот, потому что ворота постоянно то открываются, то закрываются. Сибирская душа — открытая, всё пропускающая через себя без всякого удержу, простая, однако без цинизма и ханжества. Всё, что имеет место быть, называется точным словом, ибо даже самое распоследнее непотребство — одна из неисчислимых сторон непростой народной жизни.

Деревенский психологический ландшафт — самый разнообразный, непредсказуемый и неистово витальный. В иных семьях девки замуж могут не выйти, однако детей рожают с завидным постоянством — так земля весной просыпается и каждый сезон родит. Семья всех детей неизменно считает своими.

Если на радость вместе все собрались, то и в беде один никто не останется — всем миром на помощь придут. В суровом краю быть иначе просто не может. Богатый рыбой, полноводный Енисей, случается, берёт страшную дань с рода: утонула мать рассказчика Виктора, когда был он мальчиком. Но сиротой, Богом обиженным, он себя не чувствует — его вырастили Бабушка (*заслуженная артистка РФ, лауреат Государственной премии Галина Саламатова*) и Дедушка (*заслуженный артист РФ Владимир Пузанов*). Виктор свой, и своих вокруг много — чувство единения буквально пропитывает постановку.

День Бабушкиного рождения, вскоре после Ильина дня (двадцатое июля), семьёй справляется раз в два-три года — чаще накладно. Готовятся к нему загодя, с чувством, с толком, с расстановкой. Так и в этой истории нам для начала поведали о семейных нравах и, соответственно, ссорах в семье ладной и неладной.

Бабушка, будучи не отягощённая аккуратностью в выражениях и крайне взбаламученная предстоящим сбором и угощением уймы людей, понапрасну обидела Дедушку. Тот выслушивать самотёк её мыслей не стал. Запряг коня Ястреба да смотался, громыхая телегой, подальше, на таёжную заимку.

Время бычка колоть, делов полон двор — Дедушки нет. Как быть? Оплошность случилась у Бабушки... Отправила Витю, внука, созвать нравного Деда обратно. Это непросто — у Деда характер-то будь здоров, он хоть человек и разумный, однако фордыбачить его не учи. Витю Дедушка встретил, впрочем, с досадой деланной: не дают ему

даже в дремучей тайге побыть в гордой уединённости! Что же ему, в землю теперь закапываться?! Но праздник Бабушкин, и Дедушка, принимая обстоятельства, но исполняя ритуал праведного возмущения, гордо-непроницаемый, на рысях въехал во двор. И надо было видеть, как помолодела, встречая его, Бабушка: ворота открывала, коня под уздцы брала, по двору не ходила — летала, на Дедушку смотрела заискивающе и говорила всё, говорила... Конечно, выражая свою любовь! Ведь как ни крути, а Дедушка для Бабушки, не менее, — светоч! Опора он ей и отрада, во всём они друг друга поддерживают. И что бы ни выговаривала по своей «нервенности» Бабушка, а без Деда ей свет не мил, как и Дедушке без неё.

Дед ответа пока не давал... Тогда она поднесла Дедушке шкалик, он «вылил водку в фарфоровый бокал, опрокинул, крикнул одобрительно и принялся за щи». В доме сразу дела пошли по-прежнему споро, в ладу и в согласии.

Всё иначе в семье тётки Авдотьи (*Елена Качкалова*), младшей сестры Дедушки.

Злополучная Авдотья — особая статья в родове. Жизнь её — как растрёпанный льняной сноп. Стоит попасть Авдотье в чёрную полосу жизни, пуститься во все тяжкие, как начинает она безобразничать, доходя до исполнения при всём честном народе разудалых матерных частушек. Поёт, да ещё и приплясывает! Непотребные слова тонут в дружном хохоте улицы.

Муж её Терентий (*заслуженный артист Красноярского края Дмитрий Корявин*) живёт с нею набегами. Краткими, внезапными, яростными. Встреча с мужем, объявившимся в сполохе блатного напева, раскинувшим было руки для долгожданных объятий, взорвала Авдотью, считай, до светопреставления довела! Зайдясь в пронзительном крике, в визге и вое от звериной тоски и ненависти к человеку, обрёмшему когда-то добрую бабу на позор и злую нужду, топтала она мужнину шляпу, словно змею подколенную, словно судьбину постыльную...

Душу вынула из Авдотьи встреча с Терентием, опустошила. Увы, не дано ей бабьего счастья — про её беду только в песнях складно поётся. Однако как мы очарованы до боли убедительным сценическим образом — да, непутёвой, но семижилной русской бабы, даже устойчивой под плёткой судьбы. При всех своих слабостях Авдотья надолго чувство реальности не теряет, понимая, что если она пропадёт, то и дочкам её беспутным несдобровать, и что тогда с внуками будет — бог весть... А потому некому, кроме неё, нести этот крест — она в семье старшая, за всех ей ответ держать перед Богом; и Авдотья по-христиански, смиренно, но без всякой молитвы, будет тянуть ляжку до последнего вздоха. Тот распространённый на Руси уклад, когда Бог правит душой без участия разума.

Терентий из тех, про кого говорят: простота хуже воровства. Бывалый бродяжка, подлость для жены и детей, мелкотравчатый фраер.

Мужичонка-праздник, все должны радоваться его появлению, он ждёт, не менее, ликования и фейерверков в свою честь! Живуч лишь игрой воображения. Несёт дичь в оправдание почти незлобиво; кается с жаром, привычно, выносив на этом пути... И на этот раз растопил Авдотьино сердце, вселился в дом-пристань свою. Как всегда, ненадолго.

Деревенские на одной примерно волне, лишь Терентий здесь не в дугу; ходит козырем, пока в сапогах, в шляпе и с часами. Через пару недель все доспехи Терентием будут пропиты, и улетучится он, словно печной угар. Быть другим, как бы Терентий ни калялся, как бы ни клялся, ему не с руки. Не приживается он со своей легковесностью к размеренному деревенскому тяглу. Но и такие, как Терентий, семьёй принимаются — камнями никто не побил. Братья не бросают Авдотью: дом правят, дровишки готовят — сестра! Родная! Какая ни есть — своя!

После аннигиляции Терентия Авдотья с дочерьми стоически бодро расппевают шансон-назидание «А за девицей матрос гонится сдалёка...» про историю любви и утопления брошенки с матросёнком, про матроса с корабля, со смехом созерцающего трупы, несомые быстрым течением. Во как! Пускай всё, до самой последней крайности, народ видит как на ладони, пускай оно спето-перепето — жизнь и любовь продолжаютя!

Вступительная часть закончена, теперь мы приблизительно представляем накал бытия, местные нравы и ценности. Съезжаются гости, под балалаечный наигрыш вспоминают прошлое, знакомятся. Ворота закрываются, открываются. Бабушка — семейный центр притяжения, совесть семьи, упрёк нерадивым, защита для всех, пример навсегда. Праздник — краткий миг безмятежной свободы среди рутины без выходных, а потому сейчас все в заботах по устройству стола и почти пьяны от предвкушения праздника!

Но первым делом — дети. Перед маленькими новожителями умиляются все женщины без исключения. По традиции младенца сначала представляют Бабушке: как старшая рода, своим осмотром она младенца словно благословляет.

Миленькая, «с ба-а-антами, в матро-о-оске, при якоря-я-ях» малышка, забавно «сконструированная» в четыре руки дочерьми Авдотьи, Агашкой (*Екатерина Мишанина*) и Катенькой (*Татьяна Чубаро*), «очертив сандалей землю», с таким декламационным вывертом прочла незамысловатый, «подхалимский» стишок про сороку-белобоку, что не только Бабушка, но вместе с гостями все зрители ахнули! А то и смахнули слезу от восторга и умиления!

«К полудню в горнице накрыты столы. <...> Столы накрыты по сибирскому закону: всё, что есть в печи, в погребке, в кладовке, всё, что скоплено за долгий срок, теперь должно оказаться на столе. И чем больше, тем лучше. Поэтому всё на столах крупно, нарядно, всё ядрёно, всё зажарено и запечено с красотой, большим старанием и умением».

Студень, капуста, огурцы. Петух отварной. «Рыжики с луком по всему столу на мелких тарелочках радужно улыбаются пёстрыми губами». Зажаренные ельцы. Рыбный пирог из тайменя. «Шаньги, печенюшки, мясо так, мясо этак. Малосольная стерлядь, верещага-яичница, сладкие пироги, вазы с брусникой... вазы с вареньем черничным... хворост, печенье, сушки, орешки, из теста нажаренные!.. Всё горой, всего много, всё со стола валится».

Нарядные гости расселись — казалось бы, начинай! Но не тут-то было! Вдруг за столом Бабушки не оказалось. Таков ритуал: старшие сыновья вышли и бережно, с почтением, «дальним путём, мимо ребятишек», провели Бабушку под локти, усадили в передний угол рядом с Дедушкой. «Мама, тебе почёт и место!» — «Спасибо, дети мои, спасибо за уважение». Очень проникновенная сцена, казалось бы, такая простая... Но в эти минуты величания Матери не просто перехватывает дыхание — словно просыпается древняя память, поднимается из земных недр, полнится, нарастает, и вот уже мощная сила наполняет нас ощущением единения всех, здесь находящихся... Сила проникает насквозь, дышит, и ты вместе с нею. Как с песней! В такие моменты чувствуешь себя настолько несоизмеримо легче, сильнее, что, кажется, можешь летать!

Дедушка, настала его очередь, из-под стола сноровисто вынул четверть с водкой — четверти хватило на первый разлив. «Ну, ребята, со свиданьем, за здоровье старухи!»

Все начали чокаться, как тут в горницу робко вошёл младший сын Бабушки, горький пьяница дядя Митрий (*Борис Плоских*) и обречённо притих поодаль на табуретке. Неуютно ему, неловко. Сидит, ничего в рот не берёт... Чувствуется, этот человек за слабость свою сам себя и гнобит. Однако он точно знает: могила снова сделает его близким, равным, родным — мёртвые сраму не имут. К запойному алкоголизму здесь относятся как к наваждению: отпаривают в бане, брызгают с помела водой — зелёных чертей отгоняют, чтобы вернуть человека к труду и семье. Если несчастный болен пьянством неизлечимо — что ж, судьба оказалась сильнее, остаётся лишь пожалеть: в семье не без урода...

«После второй застолье всколыхнулось смехом, говором — Бабушкин праздник начался!»

Скоро мощно возникло и колыхнулось над столом «Славное море, священный Байкал»! Его дружно подхватил лужёными глотками весь наличный мужской хор, да скоро запутался, сбился в пафосе ухарском. Пронзительным, до звона в ушах, женским визгом была пресечена какофония — бабы, как быка за рога, взяли паузу и складно повели протяжную «Реченьку» про безродную сироту, жалостную лирическую народную песню, «после которой началось повальное целование и объяснение в вечной любви». Все рванули друг к другу в объятия, к маме, к тяте, всех охватило слёзное умиление общим семейным

счастьем, родным домом-гнездом, лучше которого быть ничего никогда не может. Очень трогательная сцена, сразу вспомнились слова Виктора о том, что «нет плаксивей народа, чем сибиряки в гулянке».

В какой-то момент под забористые присказки в горнице оказались соседи Леонтий (*заслуженный артист РФ Андрей Киндяков*) в тельняшке и напарник его Михаил (*аккордеонист Евгений Цветков*). Им тут же поднесли по гранённому стакану водки, и началась весёлая плясовая: шум, визг, топот, «гулянка вошла в самый накал», павловские платки яркими бабочками летают — плясали все!

Следом за мужем объявилась тётка Васенья (*заслуженная артистка Красноярского края Галина Дьяконова*) — упрекнуть Леонтия: мол, вторгся, не обошлось без тебя, — но её быстро втащили за стол, она не противилась.

Танцы до счастливого изнеможения снова сменяются застольем, над которым уже разлились «Ромашки спрятались, закрылись лютики». «Страдания от той любви» заставили было утихнуть шумные разговоры, да больше одного куплета в постановку никак не вместить. Звон стаканов, перекрёстные реплики... Однако Михаил не зря клавиши перебирает, мехи тянет — ухнул: «Скушно! Грустно! Мне, девчонке! На чужо-ой! Чужой сторонке-е!» Вновь пляска с выходом, под дружный хор. У всех языки развязаны, у каждого своя побасёнка... «Верила, верила, верю, верила, верила я-а! Но никогда не поверю, что ты разлюбишь меня!» — мерно покачивались за столом гости, наслаждаясь слаженным пением и некоторым отдыхом от выражения экспрессивных музыкальных чувств.

Следом пошли косяком разговоры, в том числе не совсем удобные. Задели тётку Авдотью намёком на многочисленных внебрачных внучат, и как рубанула она неожиданно грубым и сильным голосом: «Люби меня, детка, покуль я на воле», — да с притопом, прихлопом...

И всё бы ладно, но тут накатило на Леонтия: «Я вор! Я бандит! Я преступник всего мира! Я вор! Меня трудно любить...» Чуть тельняшку свою не порвал, с остервенением бия себя в грудь громадным кулачищем. Оказывается, в молодости, будучи моряком, Леонтий сбросил кого-то за борт и за это год отсидел. Поддеревни прошли через места не столь отдалённые, но только Леонтий в подпитии обострённо переживал по этому поводу. Народ напрягся... Налившиеся кровью бычьи глаза словно искали сквозь время и пространство того далёкого виновника... Не укатали Сивку крутые горки, да смогут ли когда? Праздник, как всякое русское застолье, стремительно мчался к извечному русскому риторическому вопросу, обречённому зависать в интервале густой космической тишины...

«Что такое жись?! Я вас спрашиваю, что такое жись?!» — взревел Леонтий.

Дальше медлить было нельзя, каждая секунда на счету. «Так мы тебя вожжами-то свяжем, да под скамью положим, тогда узнаешь,

что такое жись!» — со знанием дела отозвался Дедушка. Бабушка попыталась увещевать, но Леонтий был уже в изменённом состоянии, хватил скатерть, раздался звон стекла, вилок, фарфора... Однако разойтись ему не позволили, «после непродолжительного сопротивления он уже лежал в передней и грыз ножку стула, да так, что летело щепь!» Над ним исступлённо причитала Васеня: «Ой, сколько мне мама говорила! <...> Да разве мы родительское слово слушаем? Брови у него соколиные! Чуб огневой! Голос за рекой слышать! Вот и запелись, завеселились! Ой...» Бабы подхватили: «Пять раз тонул — не потонул! В лесном пожаре горел — не сгорел! Ни вода, ни земля его не принимает!» (Чем не портрет былинного богатыря?!) Бабушка успокоила: «Ну будет вам, будет. Ну угомонится же когда-то же! Ну не железный же, не каменный!» Напоследок Леонтий успел так рыкнуть на Васеню, едва пути не разорвал, проявив неожиданный для стреноженной позиции норов, что все от греха отскочили — как бы на самом деле по дури-то не вырвался да всё вокруг не разнёс!

Пока угомоняли Леонтия, Бабушка, заметно страдая, тихо поставила стакан перед оцепенелым Митрием: «Не майся, выпей! Поешь!» Как только она отвлеклась, Митрий очнулся, цапнул стакан, другой, третий... Его понесло: «Ой, рябина кудрявая, белые цветы...» Только и хватило, что на пару строк, — Бабушка подхватила и упрягала бедного сына в кладовку. Гулянка мирно шла на убыль.

Убедившись, что никому не худо, Бабушка облегчённо перекрестилась: «Слава тебе Господи, отгуляли благополучно, кажись?» И лишь в ночной деревенской тишине раздавалась гармошка — Михаил всё никак не мог успокоиться, тревожил ночь...

Ранним утром Леонтий, раздираемый головной болью, затёкшим телом и совестью, простонал Виктору: «Вчера наделал что? — Не успел, связали тебя. — Хорошо. Значит, порядок на корабле!» Распутанный, выпил стакан водки, предусмотрительно оставленный Бабушкой, и отплыл по Енисею. Остальные гости постепенно, в несколько дней, разошлись.

«Праздник кончился.

И никто ещё не знал, что праздник этот во всеобщем сборе был последний.

В том же году не стало дяди Митрия, он поместился в одной ограде с моей мамой. С того тихого, ничем не приметного лета оградка над Фокинской речкой всё пополняется и пополняется. <...>

Старые и малые — все опять вместе, в тишине, в единстве и согласии — «там, где нет ни болезней, ни печали, ни стонов, но жизнь бесконечная...»

А сверху всё видно:
Реки и поля...
Только обидно —
Слезть никак нельзя!

Колдовство в том, что все до единого персонажи спектакля воплощены с удивительно точной астафьевской тональностью и бесконечно нам симпатичны. Здесь нет центрального конфликта, есть большое семейное событие — Бабушкин праздник. Вокруг него — неторопливое, обстоятельное театральное бытописание, живые самобытные характеры, всякий со своей изюминкой-перчинкой, со своей историей.

Люди от корней на своей земле обычно живут в согласии с соседями и с природой. Пускай люди эти небогаты, но свободные, стойкие духом. По большому счёту, именно им доступно простое человеческое счастье, как бы ни была трудна их повседневная жизнь, иной день которой запросто может обернуться борьбой за выживание. При этом у каждой женщины обязательно найдутся в сундуке павловский платок, новые туфли на выход, праздничное платье, яркие бусы. И конёк Ястреб живёт на дворе, и скотина, и птица, и собачка всегда уживается с кошкой. В лесу за околлицей — ягоды-грибы, обилие дичи, в реке знатная рыба.

Если есть такая трава любка, такая природа, люди такие вокруг, так отчего же, восклицает Виктор, так много зла на земле? Вечный вопрос... Ответ? Сверху всё видно!

Я бы спустился,
Только высоко.
Значит, простился,
Еду далеко...
Ой, далеко...

Ольга Ермолаева

Школа имени писателя

Жизнь без Астафьева стала скучной и плоской. Как чадонские дети кидались на свежую черемшу, на шаньги с молотой черёмухой, на кедровые орехи, как обожали жевать эту так называемую «серу» — шоколадные, глянцевые брусочки отваренной в молоке живичной смолы лиственницы, — так я, как волчонок на материнскую добычу, бросалась на каждую новую прозу Астафьева, понимая: это самый мощный из современных мне писателей, самый полнокровный, по-царски непредсказуемый, то яростный, то нежный, и при этом не изменяющий ни вкусу, ни такту, ни природной скромности и достоинству...

Мне повезло: долгие годы мы были знакомы, при первой встрече он сказал: «Как же, знаю тебя, читал! *(он читал!)* Только не становись похожей на эту...» (тут он произнёс фамилию, которую я, разумеется, не назову...)

Мы переписывались, я всегда берегла его открытки, календарики, письма, написанные от руки. При случае — переговаривались, случаев было немного: один раз я прилетала в Читу на «Забайкальскую осень», вот оттуда как раз эта фотография, где я сияю за спиной Астафьева от радости, что его вижу! — а то Виктор Петрович прилетал в Москву на писательский съезд или пленум, мы с мужем подходили к нему, всегда окружённому толпой, восхищённо и почтительно здоровались — и скорей уходили, чтобы лишний раз не лезть ему в глаза... Он когда-то сказал мне: «Эх ты, салага! Ты в школу там бегала в своём Подтёсове, а я когда-то мимо Подтёсова по Енисею на судах матросом ходил... туда, вверх, на Игарку».

Да что говорить! В посёлке Подтёсово, что в двадцати километрах от Енисейска Красноярского края, уже того времени, когда я там училась аж до четвёртого класса, нищета была привычным и необременительным сопровождением нашей жизни. Первое время у нашей семьи не было даже колодца, и мы набирали на огороде снег, топили его на печке в кастрюлях и эту снежную талую воду пили, на ней варили, ею мылись. У нас все силы тогда были брошены на постройку насыпной землянки, чтобы перезимовать жестокую зиму на Енисее... И домик наш, со стенами, набитыми землёй, где щели были укунопачены болотным мохом, — оказался на редкость тёплым, уютным, с желанными для меня вечерними чтениями вслух — у нас всегда вечерами читали вслух книги, — иной раз, когда не было света, при

двух керосиновых лампах. Тепло, блаженно, моя бабушка молодая (она когда-то училась в гимназии в Чите) правильно и точно читает книгу «Овод», а я начинаю вдруг неумеренно бурно рыдать от жалости к герою, ждущему казни, и бабушка смотрит неодобрительно: она всегда была очень красивой, стройной, хорошо воспитанной (у нас говорили: «культурной!») — с волнистыми волосами, прекрасным и в поздние годы лицом, и я иной раз, наглядевшись на неё, налюбовавшись, замечала: «Баба, какая ты красивая!» — «Ой, Оля, не смей меня!» — говорила она своим чистым, нежным голосом, а сама смеялась...

Мы были раскулаченные, нас гоняло и носило то в Среднюю Азию, то в Сибирь, то на Дальний Восток... В Подтёсово мы приплыли тогда по большому знакомству с речным капитаном на шикарном пароходе «Валерий Брюсов» с красным бархатом и множеством зеркал в белой каюте (но моя любовь к этому поэту Серебряного века в течение дальнейшей жизни никак не усилилась).

Я была довольно неловкая от страшной стеснительности девочка, росла как зверёк, мама-учительница вечно в школе, замотанная проверкой тетрадей, всегда усталая, не очень счастливая... и я, представленная себе, даже не знаю, какой бы стала, если б не мои дед с бабушкой молодой. Помню, как я, бестолковая, отстояв длинную очередь, громко спросила у продавщицы в тёмном, похожем на склад-сарай, магазине, куда принесла большую авоську пустых бутылок (сдавать!): «Вы бутылки *сдаёте?*» Очередь захохотала.

На вырученные деньги я в ту же самую авоську купила несколько килограммов карамели «Пуншевая» — в пёстрых обёртках, с жёлтыми, красными и зелёными волнистыми полосками фантики, а внутри жевательной и сосательной карамели что-то типа джема. Несу я домой эту полную авоську «Пуншевой», заправляю вылезавшие из ячеек конфетки — обратно, и встречается мне по дороге ещё более бедная, чем я, девочка, с которой мы играли не играли — так, слонялись, шалались да ротозейничали, и девочка просит: «Дай мне конфетку!..» Я дала. Девочка говорит: «Дай ещё, для моего братика!» — и тут я сухо отвечаю: «Мы не миллионеры!..» Эту фразу я помню всю свою жизнь.

Рассеяннo-наглый лайка Кучум, вечно стоящий на своей будке и кого-то высматривающий, деревня Чермянка в двенадцати километрах от Подтёсова, куда мы зачем-то ходили смотреть старую школу, походы в барак, где жила другая девочка, с ней мы опять ротозейничали и шалались по улкам, по тротуарам... Игрушек у меня не было, к самодельной кукле с чулочным лицом, сшитой для меня моей бабушкой молодой, превосходной портнихой, я не испытывала никаких чувств, предпочитая играть дедовыми плотницкими инструментами: рубанком, фуганком, уровнем, коловоротом, угольником... В этом гигантском девочкином бараке, вероятно, когда-то служившим каторжникам, затем ссыльнопоселенцам (Подтёсово

на Енисее стояло уже триста с лишним лет!), всё пространство было разграничено цветастыми засаленными занавесками, и за каждой обитала семья. В этих деревянных, повидавших невесть какие виды стенах вечно витали запахи жареной картошки, варёной капусты, горящих керосинок, там стояло много помойных вёдер под разнокалиберными рукомоиниками, но барак не был для меня ни противным, ни дурно пахнущим — он был очень притягательным со своими фотокарточками в рамках, зеркальцами, тюбиками жирной красной помады на вязанных из грубых дешёвых ниток салфетках, покрывающих тумбочки и этажерки. . . Ссылнопоселенцев тут поджидало не то, так другое: не лютовавший здесь всю туберкулёз, так страшные зимы с бешеным морозякой, который только мне, дикошарой дурочке, казался нарядным и радостным.

Помню, меня перевязали крест-накрест белой в алых розанах шалью поверх мальчуковой шапки на моей вечно стриженной под машинку (причёска под мальчика!) голове. . . Я вышла из дверей в очень глубокую, синюю от теней траншею — так отрывали вход в дом, после того как нас заваливал по самый верх двери каждый прошедший буран. Стенки снежной траншеи были в два моих роста высотой. Я изумлённо взглядывала на сверкающий, резкий и острый мир, ликуя невесть от чего, по своему обыкновению. . . В деревянной школе нашей было пусто, солнечно, непривычно тихо, и техничка сказала с улыбкой, оглядев меня, завязанную гарусной шалью: «Девочка, что ты пришла? Сорок градусов мороз. В сорок градусов дети не учатся!»

Эта школа потом была перестроена, она сделалась в более поздние годы кирпичной, и вот какие виражи закладывает судьба (нашла заметку в Интернете про нашу школу, начало заметки, цитирую!): «Подтёсовская средняя школа №46 имени Астафьева.

27 февраля 1998 г. в школу приезжал известный сибирский писатель В. П. Астафьев. Это было большое событие не только в жизни школы, её учителей и учеников, но и для всех жителей посёлка, встреча с писателем проходила в очень тёплой обстановке.

Поначалу ученики стеснялись задавать вопросы, но через некоторое время обстановка стала настолько естественной, что ученики задавали самые обычные вопросы: как он понимает слово «счастье», что бы он загадал, если бы у него была волшебная палочка? На что писатель ответил: „Первое — здоровья побольше для моей жены, второе — чтобы дети рано не умирали, третье — чтобы все сидящие в этом зале были счастливы!“ Наша школа тогда находилась в стадии строительства, и неизвестно, когда бы её закончили, если бы не В. П. Астафьев. С ходатайством о завершении стройки он выходил к губернатору А. И. Лебедю, в Законодательное собрание края.

При встрече с писателем у него попросили разрешения назвать школу его именем, на что Виктор Петрович категорически не согласился, считая, что при жизни делать себе памятник — неэтично. Когда

Виктор Петрович умер, вдова писателя, Мария Семёновна, дала разрешение. Так школе присвоили имя Виктора Петровича Астафьева. В 2002 г. был открыт литературный музей В. П. Астафьева» (конец цитаты!).

А рядом со школой был розовый, с колоннами, Дом культуры, где меня буквально грозно заставили быть «снежинкой» на школьной новогодней ёлке; у всех других девочек были нарядные марлевые накрахмаленные пышные платица с блёстками, а у меня было ничем не украшенное простое бедняцкое платишко из колена, совсем без складок, и руками я не могла от печали и стеснения правильно двигать — в то время как остальные девочки изображали руками плавные лебединые взмахи: я мёрзла и тупо делала руками что-то похожее на школьную зарядку... Видать, не было у меня никакой возможности отвертеться от этой глупой роли, а ведь я больше всего всегда любила просто сидеть и просто смотреть во все глаза, запоминая на долгие годы...

Да, ещё вспомнила: за каким-то шутком мы вечно с девочкой заходили после школы в аптеку, ага, там продавались бруски гематогена, он был нам вместо шоколадок...

С другой стороны, жили в Подтёсове и люди богатые, это были речные и морские капитаны (например, капитан Лобадзе!), у них в домах даже стояли пианины-фортепьяны, на которых никто никогда не играл, но сам факт...

Была ведь и поездка с дедом и бабушкой молодой на пароме через Енисей — на остров, сплошь заросший рясной и крупной смоляной черёмухой: она нужна была нам для шанег, потому что ни творога, ни сметаны, ни молока у нас не было — вследствие того, что нас всегда тайно обуревали идеи насчёт вечной смены жительства, мы не могли завести корову: во-первых, не скопить было на неё денег, а во-вторых, она бы нас прочно закрепила на месте... Чего никто в нашем семействе раскулаченных, вечно гонимых ветром по свету, особенно и не жаждал... На острове с черёмухой какие-то лесные дружинники вдруг привязались к деду: что да что у тебя в мешке? А у деда был завернутый в тряпицу скальпельно-острый плотницкий топор. Долго лесные молодцы приставали к деду... Господи, пожалели бедняку бросовой ягоды! Но дед мой был не бедняк, а унтер-офицер царской армии, он воевал, мой красавец, певун, всё на свете умеющий делать, бывал в Хайларе на действительной службе... Хотя, правда, у нас тогда на многое не было средств, говорю же — бедно, как все кругом, жили...

Виктора Петровича я любила за многое: за широту натуры, за тонкое чутьё и понимание поэзии, за неколебимую внутреннюю суровую мужицкую справедливость... Виктора Петровича — я его величала именно так! — окружающее его немалое кольцо молодёжи не называло ни «шеф», ни «наш-то», ни «старик» — он не был ни

шефом, ни нашим-то, ни стариком... Его называли ласково «Витя»... Ох, вспомнила, как мы с ним пели в притихшем большом застолье в каком-то таёжном посёлке — в домике над рекой — песню «Под окном черёмуха колышется», причём он не все куплеты помнил, а я помнила все куплеты... А он давай себе подливать в гранёную, грубого стекла, рюмку на ножке — из запотевшей бутылки, только Мария Семёновна всё больше и больше тревожно хмурилась... И голос хороший какой у него был...

Как же я любила и люблю его «Царь-рыбу», а там почему-то более всего «Уху на Боганиде» — дело доходило до того, что мы с дочкой, знающие эту вещь почти наизусть, даже называли друг дружку «пана»: «Ты спишь, пана?» — «Нет, пана, я не сплю!..»

Наступает зима, в Подтёсове в мою школу имени Астафьева, как прежде, идут дети, в библиотеке имени Астафьева пышат теплом батареи, пахнет глаженными шторами, стоят ряды стеллажей с затрёпанными книгами... А в затоне, потупясь, как мне представляется, вмёрз в лёд пароход «Виктор Астафьев», совсем не парадный, речной енисейский трудяга...

Виктор Петрович написал в «Завещании», когда уже сильно болел: «Пожалуйста, не топчитесь на наших могилах и как можно реже беспокойте нас. Если читателям и почитателям захочется устраивать поминки, не пейте много вина и не говорите громких речей, а лучше молитесь. И не надо что-либо переименовывать, прежде всего — моё родное село... Желаю всем вам лучшей доли, ради этого жил, работал и страдал. Храни вас всех Господь!»

Вот так. Жил. Работал. Страдал. Он умер семидесяти семи лет. А в этом году первого мая ему бы исполнилось сто.

Надеюсь, я не слишком побеспокоила...

Рустам Карапетьян

* * *

Ты слегка неправильный пророк,
Выползший из зарослей порока,
Чтобы лечь дороги поперёк,
Вдруг решив, что кончилась дорога.

Отползай-ка в пыльный свой кювет,
Чтоб глазеть на тряские повозки,
Что в небесный тащатся Завет
Через все земные перекрёстки.

* * *

Становясь с каждым днём мудрей,
По залитому тьмою свету
То спешит Магомет к горе,
То гора ползёт к Магомету.

Им не сразу сойтись дано,
Как бы раньше в них Бог ни верил,
И горчит на зубах зерно,
Понабравшееся от плевел.

И, отчаясь найти ответ,
Упахавшись по бездорожью,
Спит измотанный Магомет
У истёртого в кровь подножья.

* * *

Человеку нужно понимание,
Чтоб не раствориться в пустоте.
Человеку нужно обнимание,
Чтоб не заблудиться в темноте.

Есть на свете малое, Гораций,
Что на тьму вещей не обменять:
Понимать — и крепко обниматься,
Обнимать — и этим понимать.

* * *

Читай по губам, по буквам, по красным строчкам,
По книгам читай, ридбукам, тире и точкам,
По непридорожным и придорожным знакам,
По сорной траве, по скудным плодам и злакам.

Читай по глазам, по ветру, ну сделай милость,
И я в тебя так поверю, как и не снилось,
И буду читать по строчкам, губам и буквам.
И будут шуршать листочки, прощаясь будто.

* * *

Корабль мой — дырявая бадья,
Приманка всех немислимых аварий.
Разбив его о рифмы бытия,
Плыву на свет глубоководных тварей.

Я знаю сам, что холоден и глуп,
И потому мне верный путь неведом.
Меня всегда тянуло больше вглубь,
Чем в высоту, пронизанную светом.

Но хоть раздавлен тьмою зим и лет,
Впусти меня в свой донный оригами,
Пока закат впивается в рассвет
Распухшими от жадности губами.

* * *

Хоть я неважный капитан,
Но всё ж, от бед храня,
Твой нулевой меридиан
Проходит сквозь меня.

Хоть не проложены пути,
А ветер парус рвёт,
Но прочь вовеки не уйти
Мне из твоих широт.

Корпели мы с тобой не зря
Над списком кораблей,
И стала плоская Земля
Немножечко круглей.

* * *

Вот город. В нём человек живёт.
И много других людей,
Но лишь один из них самый тот,
Что всех остальных родней.
Точнее, так: человек живёт,
А город вокруг дрожит.
И путь любой то в любовь ведёт,
То прочь от неё бежит.
Хотя точнее: плетут пути
Сошедший с ума узор,
В котором надо скорей найти
Ту улицу, дом и двор,
В котором тот человек живёт.
Хрустит под ногами снег.
Вот город. Вот в нём дорога. Вот
В конце её — человек.

* * *

Осенняя женщина входит в мой дом
И быстрый наводит уют.
И пахнет не снегом ещё, а дождём,
И листья по ветру снуют.

Но зимняя женщина в двери стучит,
И взгляд её словно бы лёд,
И холодно смотрит она и молчит,
А снег всё плывёт и плывёт.

И крыши, и души, и время в снегу,
Лежит он совсем непочат.
И нужного слова найти не могу,
И невыносимо молчать.

А женщине хочется капли тепла
И в общие небо и сны.
Сквозь осень и зиму она пронесла
Осколки нелепой весны.

И с каждой новой встречей видней,
Как наша обитель тесна,
Как женщина разная входит — и в ней
Намешаны все времена.

* * *

Внезапно грянет потепление,
И, наплевав на все преграды,
Вдруг переходят в наступление
Промокших ангелов отряды.

Не зря нам свет с теплом пророчили
В студёном снежном бездорожье.
И щедрой каплей долбит очередь
Вниз по ледовому подножью.

А мы, как олухи нетрезвые,
Забыв про дольные мытарства,
Вползти пытаемся в небесное
Непрозябаемое царство.

* * *

На плёнке старой и засвеченной
Уже давно простыл и след,
Где та единственная женщина
Уходит от меня на свет.

Как много в памяти заплат ещё
На дырах, где в помине нет,
Как я за женщиною плачущей
Срываюсь торопливо вслед.

И нет ни реверса, ни аверса,
Лишь только маленький пустяк,
Что всё никак мы не расстанемся
И что не встретимся никак.

* * *

Слова последние угасли,
Оставив пепел да золу.
И темень, вязкая, как масло,
Дождём стекает по стеклу.
И, неразборчив, словно почерк,
Лежу и слушаю во тьме,
Как сердце каменно грохочет
И задыхается во мне.

* * *

Одежда ветхая наденется,
Дорога под ноги нырнёт,
Но время есть ещё надеяться,
Что нас куда-нибудь вернёт,
Чтоб за неспешной тёплой чашкою
Договорить не сгоряча,
Как наша жизнь хоть и с натяжкой,
Но удалась по мелочам.

* * *

Нас выгнали с праздничных улиц
В проулки, где воздух свинцов.
И тропы кривые тянулись,
Смыкаясь в двойное кольцо.

А мы, покурив напоследок,
Смахнули морщины с лица
И вышли к окраинам света,
Которому нету конца.

Виктор Теплицкий

ТЁМА

— Иди уже, старый, иди, — дядю Гошу не выгоняли, просто легко подталкивали к двери.

Синяя от наколок рука мирно и даже по-свойски влекла его к выходу. Из собственной квартиры.

— Ну чё тебе здесь пыль глотать? — голос Олега рассыпался мягкими, словно поролоновыми, шариками. — Приедешь — баньку натопишь, фуфырь раздавишь. Супер!

— Для бани дрова нужны, — упирался хозяин. — Мне надо помыться...

Слова уже не раскатывались поролоном, цеплялись, как репей:

— Я в курсе. Работаем. Завтра, край — послезавтра, подгоню грузовик с досками. Всё будет норм, — губы Олега неестественно выгибались на почти обездвиженном лице, глаза — две серые холодные пуговицы — следили, как дядя неохотно суёт ноги в ботинки. — Выручи сегодня, не обламывай. Лорик обещала заскочить, сам понимаешь, дело молодое...

— Ты вроде про Люду говорил.

— Я, как это... в активном поиске. Ищу где причалить, ну ты понял.

Племянник объявился месяц назад «перекантоваться на пару дней». Когда через неделю ему предложили пожить на даче, начались отговорки: «на работу мотаться, у мусоров отмечаться, бабла на билет накопить...» Ещё через неделю Гоша позвонил Димке. Сын ответил по обыкновению коротко: «Смотри, батя, сам». Младшего отец беспокоить не стал. Хватало того, что Володя платит за коммуналку. Когда братья решили продать семейную трёхкомнатную в центре, Георгий Алексеич не возражал. Переехал в однушку, которую оформили на старшего. В принципе, ему много не надо, дети не обижены. Димка живёт в другом городе. Володька на другом берегу... ещё б звонил хоть иногда... И вот Олег.

Худой, с тёмными, словно вырубленными из гранита скулами, посверкивая железным зубом, племянник ловко запихивал Гошу в куртку. «Родственничек, нашёлся! — кипел внутри Алексеич. — Гнать его пора!» И, дёргая плечами, судорожно застёгивал пуговицы. Да, он решил уступить и съехать на дачу. Разумеется, только до сентября. Но август выдался дождливым, и дрова уходили быстрее обычного. Чтобы не тратить их на баню, приехал домой. А тут Лорик...

«И хрен с ним! — думал Гоша, выходя из подъезда.— Всё лучше, чем глядеть на отключки и замороженные глаза. Ни выпить с ним, ни закусить, ни поговорить толком. В чём тут радость?» Перебросив сумку через плечо, Алексеич потихоньку двинул к остановке. Давить на таких нахрапистых он не умел. Хотя сам тоже не подарок. Ладно, пусть будет как будет. Главное, чтобы пришёл Тёма, без Тёмы как-то не очень.

Участок находился в черте города. Вокруг расползались многоэтажки, подминали холмы и рощицы. Власти грозились снести все садовые общества подчистую. Но пока угрозы оставались только на словах, люди, по большей части пенсионеры, продолжали копать на крохотных огородах.

Перед тем как свернуть к себе в проулок, Алексеич нырнул в павильон за чекушкой. На крайний случай в шкафчике на веранде стояла початая бутылка «Старого Мариинска». А на самый-самый в предбаннике за тахту воткнут пластик первача. Когда-то эти смешные — только рот ополоснуть — нычки исчезали влёт, сейчас хватает чекушки. Вполне. Всё течёт, всё меняется...

Звякнул шпингалет на калитке, оповещая о приходе хозяина. Ветер с упорством школяра из музыкалки трепал кусок полиэтилена на створке теплицы. На сухих плетях дозревали пупырчатые огурцы. Доски кряхтели под ногами, пока Гоша обходил свой обитаемый остров. Не заброшен, хотя и ухоженным не назовёшь. Ксюша бы такого не допустила. Маленькая, кругленькая, юркая, родившая ему двух толковых молодцов, Ксюша уже пять лет как покоится под белой сиренью. Белый — её любимый цвет. Где-то там оградка, надгробье с табличкой. А здесь — пусто... Раньше она удобряла и подпитывала деревья, теперь деревья питаются Ксюшей, земля-то одна. Если земля даёт всему жизнь, значит, она — живая, и все корни в ней — живые, и всё кругом — живое; попробуй отдели тут одно от другого — не получится... только рвать. У него зачем-то взяли и вырвали. Гоша оглядел участок, огороженный редким штaketником. Неужели Ксюша сейчас во всём этом? Гнутся ветки черноплодки, по траве рассыпаны яблоки, тянется к небу ирга. Где ты, Ксюша? Огурец, упав на дно ведра, издал надсадно-тоскливый звук. Звук пустоты и одиночества.

Огурцы Алексеич продавал. Оставлял немного на еду и засолку, насыпал с горкой два пятилитровых ведра, надевал рюкзак и плёлся на дачный базар перед супермаркетом. В рюкзаке лежали книги. Зачем они ему теперь? В своё время их ещё достать надо было; он носился по книжным, выменивал у букинистов и мастрячил полки, загромождая квартиру. Читал запоем. Жена только ворчала, когда Гоша приносил талон на следующую подписку: ставить уже некуда. Ничего! Перевезём на дачу... Нынче библиотека изрядно поредела.

На деревянном прилавке разложены старинные тома — цена грошовая. Иногда берут. Но чаще просто листают, спрашивают. Алексеич всегда отвечает, расхваливает, как родных детей. Торговаться

не любит, а побеседовать — всегда пожалуйста. Пока народ читает, страна будет худо-бедно жить. Однако лишняя копейка тоже не помешает. Так обычно Гоша разъясняет Тёме. Но Тёмы пока нет. Впрочем, приходит он не сразу, надо сперва накрошить что-нибудь вкусненькое. Шуметь бесполезно: Тёма глух на оба уха.

Ящик стола открывался туго. Гоша достал нож, поцокал языком: пора бы наточить,— и полез в сумку...

Недели три назад, так же вечером, Алексеич расположился на веранде. Замысловато разложил на тарелке ветчину, присовокупил несколько пластиков сала, выдал горчицу, рассёк малосольный огурец на равные части. Рифлёная стопка, чёрный хлеб, под кольцами лука селёдка — классика жанра. И вот, когда в груди потеплело, а во рту приятно хрустнуло, к ступенькам крыльца подошёл Тёма. Раздалось протяжное мяуканье, и внизу показалась рыжая морда.

— Здравствуй, жопа — Новый год,— проглотив огурец, сказал Алексеич.

Кот снова громко поздоровался.

Гоша не любил животных. Ни собаки, ни кошки, ни какая другая живность не вызывали у него умиления. Когда Ксюша предложила «завести котика», он быстро закрыл тему: «Хочешь, вскопаю новую клумбу, засади её чем хочешь». Сейчас на него смотрел большой, но страшно худой кот. Судя по облезлой скатавшейся шерсти, очень старый. На шее комком болтался не то колтун, не то опухоль. Кот медленно вскарабкался на крыльцо с намерением потереться о Гошину ногу. Хозяин отодвинул непрошеного гостя:

— Ошибся адресом, приятель.

Тот как мог упирался.

Алексеич налил ещё, опрокинул в один взмах, ткнул вилкой в рыбу. Кот внимательно наблюдал за ним. В блёклых глазах ни заискивания, ни ложной преданности.

— Ладно. Шут с тобой. Угощайся,— Гоша бросил на пол ветчину.

Кот не накинута на еду, но осторожно понюхал и аккуратно съел. Подняв морду, мяукнул — коротко, благодарно.

— Пожалуйста,— ответил Алексеич.— Ты, я вижу, интеллигент. Ещё будешь?

Управившись с куском селёдки, кот расположился возле кресла, на котором сидел Гоша, подобрал под себя лапы и громко заурчал.

— Нет, нет, музыку я не заказывал. Иди домой,— он взял рыжего и понёс к калитке.

Под шкурой прощупывался каждый позвонок. Кот был настолько лёгким, что Гоше казалось, будто в руках у него не живое существо, а ветхая тряпка. Рыжий жалобно скрипел, пока его несли за штатетник. Стараясь не оглядываться, Алексеич вернулся к бутылке.

Оставалось почти на дне, когда возле крыльца снова раздалось «мяу». Теперь кот робости не проявлял. Взобравшись по ступенькам,

качался в наползающих сумерках и печально глядел на Гошу. А Гоше уже было в лом шевелиться, он намахнул последнюю рюмку и бросил мясо коту. Отправляясь спать, закрыл дверь на крючок.

Утром на веранде никого не было, мясо лежало нетронутым. Алексеич закинул за спину рюкзак с романами Дюма и отправился на базар. Он бы и забыл о вчерашнем госте, но через несколько дней тот появился снова. Сидел послушно у нижней ступеньки, всматривался в закрытую дверь, пока сзади не подошёл Гоша. Кот до последнего не слышал шагов человека. «Глухой пень», — улыбнулся Алексеич и, наклонившись, погладил животное.

Ужинали они вместе. Гоша читал, пока не стемнело, а кот дремал, свернувшись на коврик. Проснувшись, выгнул спину, потянулся и стал медленно, словно на чужих лапах, спускаться.

— Мог бы и попрощаться, — сказал Гоша, но без обиды.

Как звать кота, Алексеич узнал от Петровны — соседки, торговавшей самогоном. Она была в курсе всего.

— Шуркин это. Ему годов больше, чем нам с тобой. Если на человеческий возраст-то переводить.

— На шее что-то. Может, заразный?

— Рак, наверное. Вот и привёз его подышать. Всё лучше здесь, чем в квартире. Сам-то Шурка только на выходных появляется. Еды вроде оставляет, вода есть. Чего это Тёма шастает? Скучно, наверно?

— Тёма? Звать, что ли, так?

— Ну да. Догуляется на свою голову. Тут собак полно. Кобели чуть не с меня ростом, колбасу в сумке таскаю. На всякий случай.

— А хозяин кто? Пусть на цепи держит.

— Со стройки они, — Петровна кивнула в сторону города. — Какой там хозяин? Сейчас бардак везде...

И она начала по-старушечьи жаловаться на современную жизнь.

... В сумке, кроме продуктов и водки, лежала коробка кошачьих витаминов из ветаптеки. Тёме эти серенькие таблетки очень нравились. Алексеич достал одну и положил на стол — не забыть. И позвонить сыну — обозначить проблему. Олег, похоже, намерен зимовать в квартире. Вопрос на засыпку: где буду зимовать я?

Он вынул из кармана кнопочный телефон. Современным технологиям Алексеич не доверял. Мобильник купил ему Димка «для связи», и вот сейчас аппарат не работал.

Гоша надел очки. Куда запропастились чёртовы контакты? Заподозрив неладное, снял заднюю крышку — сим-карты не было. В груди ёкнуло. Полез в другой карман — опасения подтвердились: ключей от дома тоже нет. Номер сотового он, конечно, не помнил. Приплыли! Ну, Олег... Алексеич выругался. И тут раздалось протяжное «мяу».

— Явился — не запыхался! Проблем выше крыши, а ты где-то шляешься, — крикнул Гоша коту.

Тёма махал хвостом, не решаясь подняться. Глаза на исхудавшей морде казались неестественно огромными. Всё — от хвоста до усов — в этой животине было изношенным, только острые уши победно возвышались ровными треугольниками. Алексеич опустился в кресло. Кот воспринял это как приглашение и начал подниматься на веранду. Долго примеривался, потом тяжело запрыгнул на подлокотник. Такого он себе ещё не позволял. Первым порывом было сбросить кота на пол, но Гоша продолжал сидеть. Тёма осторожно перебрался к нему на колени, улёгся и громко замурчал. От кота шло тепло. Алексеич гладил рыжий клубок, слушая таинственную песнь, что поют кошки от начала времён. Так они и грели друг друга, два старика, в одном кресле. И то, что на брюки липнет шерсть, Гошу совершенно не волновало...

Алексеич расстелил на полу несколько чистых альбомных листов, налил в блюдце молоко. Себя тоже не обидел: накрошил помидоров, залил горячую картошку нерафинированным маслом, кухню наполнил запах жареных котлет. На сковороде шкворчал окорочок — на последнее без сдачи. Пируем, старый! Гулять так гулять — и Гоша поставил на стол бутылку «Старого Мариинска». Смешав, как положено, водку с бальзамом, кивнул Тёме:

— Твоё здоровье.

Затем разломил вилкой котлету, положил на бумагу:

— Угощайся. Я бы тебе валерьянки плеснул — извини, брат, нету.

Кота, по-видимому, устраивала трапеза и без возлияния. Промурлыкав что-то в усы, он принялся за угощение.

В груди и в комнате теплело. В печи потрескивал огонь, за окном моросил дождик. Гошу тянуло на разговор. Он повернулся к Тёме, погладил за ушами:

— Странные люди существа — пьют по любому случаю: и когда радостно, и когда полная задница. Жить в одного вроде стрёмно, а вместе и того хуже — ругаются, врут... из дома выгоняют. У нас с Ксюшей всякое бывало, но чтоб дверь перед носом захлопывать — ни разу. Любила она меня. Верить?

Скрипнули половицы, печь растворила широкий рот. Гоша пошевелил кочергой дрова, по полу пробежали отблески пламени. Кот, слушая человека, следил за огнём.

— Кстати, о птичках: Гошей — это она назвала. Как только меня не величали: Егором, Жорой, Георгием, хотя по паспорту Юрий, прикинь. А Ксения Владимировна сразу — в точку, без промаха. Ну, думаю, коли я Гоша, ты будешь Ксюшей. Так и повелось. Ещё по одной?

Тёма был не против. Алексеич выпил и, покопавшись в салате, продолжил. Он рассказал коту о кульмане, шрифтах, рамках чертежей, авторских свидетельствах, ТРИЗе, методе «маленьких человечков»,

заточке карандаша «лопаточкой». Тем для разговоров нашлось много, и Гоше пришлось сходить в баню за самогоном.

Язык во рту тяжелеет, но память легко, как студент-отличник, вынимала из загорелого кубика Гошиной жизни: конструктор, механик, завхоз, сторож, дворник... Вытянувшись на коврик, Тёма спал.

— Вы, зверюги, молодцы, на лету схватываете, а человек учится медленно и на собственных ошибках. Я тебе открою по секрету: люди — глупые, на одни и те же грабли норовят. У меня уже лоб трещит, а толку-то? Сижу, хрыч старый, кукую да горькую наяриваю. Думаешь, я своих не учил? Ещё как! И где они? Один носа не кажет, разобиделся на папу-алкаша. Другой умотал к чёрту на кулички, звонит раз в пятилетку. Нормально? Ну, побухиваю слегонца. А что, все прям у нас трезвенники? Главное — норму знать. Стандарты и форматы — слышал про такие? Была бы сейчас Ксюша...

Тёма открыл глаза и принялся намываться. Длинный розовый язык ловко скользил по шерсти. Гоша нетвёрдой рукой поставил рюмку на стол. Отломил половину котлеты и кинул на пол.

— Угощайся. Не хочешь? Наелся, котяра. Я тоже. Во как... — Алексеич чиркнул по горлу большим пальцем. — По самое не хочу. Завтра с племянником буду разбираться. Урка хренов. Пойдёшь со мной? За компанию. Да шучу я, шучу, не бойсь, — хрипло рассмеялся Гоша. И снова погрузился.

Кот подошёл к стулу, чтобы запрыгнуть на колени, но Гоша резко выставил руку:

— Стоп! Соблюдай, как его там... личное пространство, старая ты калоша. Тебя ведь сюда подыхать привезли. Се ля ви, Тёма. И мне, по ходу, предстоит та же канитель. Никому мы не нужны.

Грусть превратилась в тоску. Тоска закрутила на груди стальную проволоку. Гоша чувствовал, как увлажняются глаза, как тяжело перекачиваются чугунными шарами мысли. Загудеть на неделю, печь не топить, замёрзнуть, сдохнуть от голода; только бухла взять побольше. Ксюше бы такой расклад не понравился. Но Ксюши больше нет.

— Врёшь! — вскричал Гоша.

Тарелка с грохотом шлёпнулась под порогом. Тёма метнулся в сторону и поковылял к двери. Но Гоша не замечал кота. По щекам катились слёзы. Гоша не замечал и слёз. Он качался на стуле и, словно гвозди, вбивал в нагретый воздух слова:

— Она есть... есть... где-то есть. Зачем тогда вообще жить?! Зачем любить?! Чтобы потом мучиться? Не верю. Она должна — быть. А не в землю зарыта. Она — там. Нутром чую. Там... Кто-то должен быть! Не знаю Кто, но должен. И такие, как она, идут туда... к Нему. Не могут они взять и исчезнуть. Такие не исчезают. Никто не исчезает. Никогда!

Гоша поднялся, стул шумно отъехал в сторону. В тёмном стекле поднялась мутная растрёпанная фигура.

— Это что же, — спрашивал он отражение, — жил, значит, человек, жил и хлоп — типа лампочку выкрутили? И всё?! Привет родным?! Хрень полная. Ладно, пусть меня не будет, я — бухарик конченный, но она-то... Ксюшенька моя... Будет!

Алексеич сел и дальше пил молча. Когда бутылка опустела, он с размаху воткнул нож в столешницу: завтра посмотрим, кто в доме хозяин.

Назавтра ему было плохо. Так плохо, что он решил «полечиться». Алексеич знал: если сейчас доползёт до Петровны — загул неизбежен. «От трёх до пяти», — криво улыбнулся Гоша, натягивая истоптанные ботинки. А дальше? Да похер мороз!.. Он посмотрел на торчащий в столе нож: вот же дурак... Открыл дверь и долго провожал взглядом уходящего кота. Спускался с крыльца Тёма тяжело, будто тоже был с похмелья. Петровны дома не оказалось, пришлось ковылять до магазина.

Все дни, пока Гоша пил, кот был рядом. Отлучался на короткое время и возвращался снова. С интересом слушал Ремарка и Паустовского, даже когда Гошин заплетающийся язык путал фразы, и кое-как терпел занудные рассуждения о превратности жизни. Иногда Гошу сносило на своё «былое». Скорее всего, Тёма верил и этим невероятным рассказам. По крайней мере, дослушивал до конца и только потом сворачивался на покрывале или громко мурчал, выказывая одобрение.

Пятый день шёл на убыль, когда Алексеич вернулся от Петровны с последней бутылкой. Давать в долг ему больше не собирались — ни соседка, ни продавщица. Вопрос стоял непростой: как сохранить остаток на утро? Ведь если не опохмелиться, то можно вполне бросить кони. А может, ну её, эту никчёмную жизнь? И Гоша решил ничего не прятать. И не топить печь. И не закусывать. Да и еды, кроме огородной, не осталось — кружок засохшей колбасы и заветренное печенье, которое забыл раскрошить птицам. Колбасу Гоша отдал Тёме.

Ночью его рвало. Выворачивало так, что казалось: вместе с жёлчью выскочат последние внутренности.

...Гоша как одержимый заливаает в себя алкоголь и снова исторгает его обратно — здесь же, не сходя с крыльца. Вертит головой, передёргивается и глотает из горла вонючую смерть...

На ощупь нашёл кровать. Рухнул. Стены поползли вверх.

Кружится волчком потолок, постель обращается в яму — бездонную, тёмную, холодную...

Утром его разбудил громкий стук, раздирающий барабанные перепонки. Гоша нащупал за кроватью топор. Шатаясь и налетая на мебель, добрался до двери, упёрся лбом в косяк. Горло давила тошнота, в голове трещал и разламывался бетон. Кое-как нащупал крючок,

сбросил и замахнулся... Перед ним стоял не Олег, кто-то другой. Этот другой быстро выхватил топор и толкнул Гошу в кресло. Алексеич узнал голос. Володя говорил быстро, проглатывая окончания:
— Капец. Допился. На людей кидаешься. Собирайся. Едем.
— Куда? — прохрипел отец.
— Домой.
— Там Олег...
— В курсе, — сын бросил на стол ключи; Алексеич узнал свой брелок. — Вчера съехал со всей своей шоблой наркоманской. Варил ханку прямо в ванной. Ну ты и срach устроил!
— Сынок...
— Мало времени. Собирайся, — повторил Володя.

Через два дня Гоша окончательно пришёл в себя. Ещё через два вспомнил о Тёме. Когда они уходили, кота вроде уже не было. Сын дал денег раздать долги, купил смартфон. Вечер у них ушёл на то, чтобы с ним разобраться. И всё же Гоша прикрепил к стене тетрадный лист с Володиным номером. На всякий случай.

И сейчас беспокойно ёрзал на сиденье автобуса, считая остановки. В груди противно скребла тревога. Приходил ли кот? ждал у двери или на ступеньках? хватило ли еды?

Как распознаешь в таком бардаке? Прибираясь в доме, Алексеич часто выглядывал на веранду, напрягал слух, ожидая знакомого «мяу». Перед уходом накрошил колбасы, оставил блюдце с молоком.

Колбасу склевали птицы, а молоко оставалось нетронутым. Петровна о нём тоже ничего не знала: Шурка забрал или сам подох. Или собаки — поди разберись.

На выходных сосед не приехал; всё-таки закрыл сезон. И Гоша положил на сердце ездить на дачу до снега. На снегу хорошо видны следы. По следам вполне можно найти, откуда приходит Тёма. Не мог же он взять и исчезнуть. Те, кого любишь, не исчезают. Или какой тогда смысл и жить?

БЕСКОНФЛИКТНЫЙ РАССКАЗ

Жизненный нерв литературы — конфликт. Нет борьбы — нет ни рассказа, ни романа. А что есть? Этюд, зарисовка, набросок — короче говоря, бесхребетная плоть. Скелет любого произведения — конфликт. Скучно без него читающей публике, вяло, кисло. Хотя на деле мало кому хочется выяснять отношения. Разумеется, есть на свете любители помахать кулаками, но от них стараются держаться подальше. Читать — это всегда пожалуйста, чинить разборки — увольте. Я не конфликтный человек. Я — литератор, и для сюжета приходится искать какие-нибудь противостояния. А если рискнуть? Собраться с духом и создать текст без бряцания оружия, без надрыва. Что-то чудесное, красивое, чистое, как утренние облака, что ползут...

На последнем слове доцент кафедры термеха Георгий Яковлевич Яхновский поморщился: «Рождённый ползать... Почему ползут? Куда?..» Но через мгновение он просветлел и застучал по клавишам: *... в тиши зарождающегося дня.*

Яхновского окликнула жена:

— Гоша, заканчивай. Нам пора.

Они всегда перед глазами — и вечно ускользают от взгляда. У них свои пути, от нас сокрытые. Что им — седьм мудрецам — наша вечная погоня за ветром? Отдав себя в его волю, они созерцают людские судьбы. И молчат.

— Да-да,— ответил из кухни Яхновский и, пробежав взглядом написанное, закрыл ноутбук.

Лариса примеряла у зеркала платье. В треугольном вырезе на спине темнела загорелая кожа.

— Ну как?

— Начало вроде ухватил. Хочу что-нибудь неординарное, бесконфликтное...

— Я вообще-то про платье.

— А? Нормально.

— Всё с тобой ясно,— ответила Лариса, поворачиваясь к зеркалу боком.

— Тебе в самом деле идёт.

— Ладно, бесконфликтный ты наш, одевайся. Я надену другое, это топорщится на груди.

— Угу,— хмыкнул Георгий Яковлевич и отправился в кладовку.

Вдевая ремень в джинсы, Яхновский невидяще глядел в стену.

А почему, собственно, молчат?

В голове крутились наставления из мастер-класса: в коротком тексте не должно быть случайных слов, каждое работает на образ или динамику... ружьё на стене, в общем... Его снова окликнула жена. Подтянутую фигуру фитнес-тренера облегалo чёрное короткое платье.

— Шик! — вырвалось у него.— Теперь вечер испорчен: придётся строить жуткие рожи мужикам вокруг.

— Не беспокойся, там и без меня хватит на кого поглазеть,— улыбнулась Лариса, поправляя платье на бёдрах.

Яхновские любили театр — драматический. К балету относились прохладно. И ровным счётом ничего не понимали в опере.

Сначала он не поверил, думал, розыгрыш. Потом расстроился. Жалко было терять воскресный вечер. Штука в том, что его литобъединение решило выпустить альманах. Тексты короткие, темы свободные, жанры любые. На всё про всё — неделя. Яхновский же тяготел к длинной прозе. Но попытка — не пытка. В ожидании выходных он прокручивал в голове все виды словесного искусства и остановился

на эссе. Идея ему казалась смелой. Руки просились к бумаге, клавиатуре... И тут эти билеты. Да ещё в оперу!

— Нужно пробовать, — отвечала Лариса. — Если что-то не понимаешь, дело в тебе. Ты сам говорил, помнишь?

— Не помню.

— Говорил-говорил. Да тут и не спектакль. Это концерт. Три отделения, три дирижёра, двое, кстати, приезжих. Ты ведь любишь классику.

— Музыку! А эти завывания, гримасы...

— Слушай, если не понравится, поставим крест. Искать что-то новое — разве это не здорово?

— Ты рассуждаешь прямо как мужчина, — вздохнул Георгий Яковлевич.

Автобус потряхивало, сквозь шум мотора слышались раскаты грома. Яхновский одной рукой висел на поручне, другой поддерживал Ларису. «Скорей бы кончилась эта болтанка... Следующий кусок начнётся с вопроса. Хотя вопросы уже указывают на конфликт. Не всегда. Важен контекст, а у меня...»

— Выходим.

Небо было разделено надвое. Одну половину ярко освещало июньское солнце, другую заволакивали чёрные низкие тучи. Ветер раскачивал дорожные знаки, висевшие поперёк дороги, зло хватал одежду.

— Зонтик-то мы не взяли, — придерживая волосы, сказала жена.

— Прорвёмся.

В фойе толпился народ. Пенсионеры, дамы бальзаковского возраста, немного молодёжи... Яхновские сразу поднялись в буфет. Лариса встала в очередь за кофе, Георгий Яковлевич поспешил к свободному столику. Вынув карандаш с блокнотом, застрочил:

А впрочем, молчат ли? Нам неизвестно их наречие, и слух не воспринимает их тональность. Между тем облака не безмолвны. Не фальшивя... Яхновский резко зачеркнул последнее слово; потом замену — пообещал он себе... хором и порознь тянут свои бесконечные песни. Им вторят птицы. Их слушает синь; очарованная белым пенцем, погружена в саму себя, в молчание и покой. И так глубока её тишина, что передаётся даже нам — запыхавшимся бегунам, когда мы вдруг поднимаем головы.

Георгий Яковлевич оторвался от блокнота.

«Во куда меня вынесло — к хорам и птицам. Однако. Главное — избегать конфликтных союзов типа „но“ — это почти всегда противопоставление...» Звякнула чашка. Лариса поставила перед ним кофе.

Слушая вполуха жену, Яхновский вспоминал про скрепы текста, про необходимость подмечать любые детали... Он перелистнул страницу и перечитал абзацы.

Бронзовые классики недовольно шурились при ярком свете. Девушка с зелёными волосами и чёрным маникюром, забыв о пирожном, не отрывалась от электронной книги. Две старушки, болтая, смаковали коньяк, закусывая долькой лимона. Коротко стриженный парень в спортивном костюме возбуждённо сообщал подруге: «Сейчас начнётся!» — словно впереди был финал Кубка НХЛ.

«Может, что-нибудь интереснее будет в антракте?» — обнадёжил себя Георгий Яковлевич, протягивая руку жене.

«Зал напоминает теплоход, который сейчас отойдёт от пристани. Пассажиры в предвкушении... Не забыть этот образ».

Погасили свет. На сцену вышел дирижёр. Высокий, худой, почти мальчик. Воротник узкого чёрного пиджака как бы небрежно поднят. Георгий Яковлевич недовольно вытянул губы. Позёрство выделось даже в походке. Дирижёр взмахнул палочкой, и... на Яхновского лавиной обрушилась музыка. Она захватила с первых аккордов и понесла, безжалостно погружая в себя, без надежды вынырнуть, перевести дыхание.

Но вынырнуть ему пришлось — рядом возникла женщина с ребёнком. Мама — совсем юная особа — села у прохода, дочка, лет пяти, — возле Яхновского. Девочка с огромным бантом держала в руках тряпичного зайца. Пристроив игрушку на коленях, она внимательно следила за палочкой дирижёра. Следил и Георгий Яковлевич. Когда смолкли первые аплодисменты, откуда-то сбоку появился артист. Над сценой побежала надпись: «Шуберт, Гёте, Песнь Маргариты». Такого Яхновский не ожидал. Фауст, завораживающий, мистичный, немецкий, и... голос — настолько мощный, что Яхновский тут же забыл про «завывания и гримасы». Краем глаза посмотрел на жену. Лариса, прижав ладони к подбородку, сидела не шевелясь.

Что-то мелькнуло слева. Опять. Девочка безостановочно трясла зайцем, да так, что у Георгия Яковлевича запестрело в глазах. Нахмурившись, Яхновский отвернулся. На сцене молодая актриса, поблёскивая обнажёнными плечами, исполняла Гайдна. Однако Гайдн рушился, словно башенки домино, докатываясь до уха жалкими обломками, — девочка увлеклась игрой. Мать одёрнула, ребёнок замер, но ненадолго — вскоре заяц принялся скакать по спинке кресла. На соседних рядах недовольно зашикали. Женщина, строго шепнув дочери, забрала игрушку. Теплоход, нарисованный в голове Георгия Яковлевича, уже преобразовался в «Титаник». Айсберг вот-вот продырявит обшивку...

Мальчик в чёрном костюме уверенно вёл музыкантов, дирижируя всем телом.

А девочка с бантом вертелась, резко взмахивая руками — она лихо управляла своим невидимым оркестром.

Яхновский нервно барабанил пальцами по подлокотнику.

Римский-Корсаков, Чайковский, тенор, альт, сопрано... всё это мимо. Георгий Яковлевич наконец поймал взгляд ребёнка. Девочка ответила взрослому по-взрослому — спокойно, чуть насмешливо.

Мажорную глинковскую про народ и поезд артисты промчали хором. На этой «попутной» ноте закончилось первое отделение. Зажёгся свет, люди потянулись к дверям. Георгий Яковлевич открыл было рот, но рядом уже никого не было.

Супруги вышли в коридор. Отовсюду слышались тревожные голоса: с люстры капало, по ковру растекалась огромная лужа. Народ толпился у окон, за которыми стояла непроницаемая стена воды. Метроном капель звучал почти зловеще. Театр поглотил сумрак. Иногда плотный занавес разрывали вспышки молний и воздух сотрясал оглушительный раскат грома. Сквозь шум дождя прорывались жалобные завывания сигналок. — Представляешь, в театре протекает крыша! — кричал кто-то в телефон.

— Ну как тебе? — спросила Лариса.

— Жуть!

— Я про концерт.

— Концерт... Как сказать... эта девочка с дурацкой игрушкой. Зачем её привели?

— Мне тоже мешало, но я так увлеклась. Не зря билеты купила. Мне очень понравилось. Очень!

— Замечательно. Как до дома будем добираться?

— На такси, конечно. Да не будь ты как туча! Поговорим с мамой девочки, попросим, чтобы пересадили. Там есть свободные места. Во втором отделении дирижирует Мариус Стравинский. Из Англии приехал!

— Не будет второго отделения, — Яхновский показал на люстру. — Проводка. И вообще, пора искать спасательные круги.

— Вечный пессимист, — улыбнувшись, Лариса, прижалась к мужу.

Они вернулись в зал. Пустые кресла напоминали проплешины. На сцене работники, лавируя между струй, торопливо убрали инструменты и пюпитры.

— Приносим извинения. Концерт будет перенесён ввиду погодных условий, — печально сообщил администратор.

— Что они сказали? Я не расслышала, — место девочки занимала старушка с обесцвеченными волосами и большой чёрной заколкой.

На мгновение Георгию Яковлевичу показалось, что у неё в руках тряпичный заяц. Но это была выдавшая виды дамская сумочка. Наклонившись, он пересказал горькую новость.

— Абсурд! — вскричала старушка, тряся головой. — И это краевой театр! Позор! Нет и ещё раз нет, — взметнулась грозно сумочка.

«Да и ещё раз да!» — мысленно ответил Георгий Яковлевич, провоя взглядом заколку, чёрной шляпкой ускользящую по бордовому морю.

В зале погасили свет, мерцающие указательные таблички настойчиво намекали, что пора покидать театральное судно. Согбенные тени обречённо тянулись по проходам. Супруги влились в поток. Спустились к гардеробу, словно в трюм. Здесь былолюдно. Лица, выхваченные из сумрака экранами телефонов, казались неживыми. Глухо звучали беспокойные голоса.

Лариса тоже пыталась вызывать такси. Георгий Яковлевич опустился на банкетку. Какие тут скрепы и детали...

Снова что-то неприятно-знакомое мелькнуло рядом. Подняв голову, Яхновский увидел перед собой девочку. Не отрываясь, она глядела на преподавателя-литератора. Затем, как-то торжественно подняв игрушку, начала её трясти. Уши зайца мельтешили перед стёклами очков Георгия Яковлевича. И чем яростнее они колотились, тем сильнее нарастал шум ливня. Пятилетний дирижёр управлял стихией не хуже приезжей звезды.

Нет и ещё раз нет — отодвигаясь, прижимался к стене Яхновский.

Да и ещё раз да — недобро улыбалась девочка.

— Она не хотела концерта, и он закончился, — проговорил Георгий Яковлевич, обращаясь то ли к себе, то ли к жене.

— О чём ты? Ерунда, — отмахнулась Лариса. — У нас проблемы. Свободных машин нет, а цены — бешеные!

— Надо добираться до остановки. Накинь мой пиджак. И рванём...

Перед тем как покинуть театр, Яхновский оглянулся. Ни ребёнка, ни мамы. Да и была ли девочка?..

Но всегда ли спокойна и прозрачна эта синева? Вот меняется ветер с южного на северный. И уже не ленивые кучевые сони, а стая чёрных стремительных туч заполняет пространство, словно орда кочевников. Дикие крики недоступны нашему уху, но слух потрясают раскаты грома, по глазам бьют плети молний. Это отголоски жестокой схватки, в которой нет ни победителей, ни побеждённых. Война ради войны. Синь срывает яркое платье, облачается в тёмное вретущее и начинает плач — долгий, нисходящий потоками дождей.

Но если неизбежен разлад на небе, что говорить о земле? Человеческая история — история войн. Люди непрерывно создают и разрушают, рождают и убивают, бесконечно спорят, готовясь к новым схваткам. Так возможен ли этот мир без войны?

Я глядел в небо — мрачное, тяжёлое, низвергавшее страшные потоки, — и уже не помышлял ни о мудрецах, ни о хвalebных гимнах, ни тем более о тексте без надрыва. Ветер хохотал и швырял воду

в лицо. Холодную пелену вспарывали кривые ножи молний, и всё живое пыталось укрыться от безумия стихии.

Я тоже искал прибежища. Дрожа всем телом под узким козырьком, вслушивался в себя: звуки военного горна, крики раненых, клич победителей, которые вскоре сдадут отвоёванные позиции...

Иногда, в перерывах между боями, на меня находит музыка, от которой смирятся беспокойное сердце и в душе воцаряется мир. Надолго ли?

Яхновский поставил знак вопроса. Завтра он перечитает, добавит, вычеркнет, а пока... Захлопнув ноутбук, Георгий Яковлевич выглянул из кухни. Но Лариса, уже погасила лампу и спала.

КАК Я БЫЛ КОНЁМ

Я увидел её после третьей рюмки. Водка ещё не нагрелась, хотя мой столик заливало послеобеденное солнце. И — да, была пятница, не подумайте чего, просто снова удалось пораньше освободиться.

Галя стояла наискосок от окна, копалась в телефоне. Чуть расплелась, другие причёска, цвет волос, но я узнал её сразу. Шарф, сумочка, плащ — всё подогнано одно к другому. Картинка!

Когда мы познакомились, она тоже была в плаще. Только с пояском. И тоже на остановке. Намного скромнее и без телефона, с колечком. Я помню его — тонкое, витое, с зелёным камешком. А что сейчас? Вытянув шею, я упёрся лбом в стекло, но так ничего и не разглядел. Моё обручальное давно пылится где-то в серванте. Может, Гале повезло больше и дома её ждут муж и дети? Суши из ресторана, свежие цветы в вазе, два билета в театр, воткнутые в трельяж. Или она пополняет свою конюшню?..

Теорию о конях мне как-то изложил Юрчик. На кухне, среди пустых тарелок и бутылок портвейна.

— У каждой биксы (он почему-то любил это устаревший жаргонизм) всегда имеется несколько коней. Один содержит — барахло всякое дарит, по кабакам водит. С этим она шпилится без удовольствия. С другим — каким-нибудь реальным жеребцом — с превеликим удовольствием. А с третьим — вообще ничего такого.

— На кой он тогда сдался?

— Это конь, так сказать, для души. Потрещать о чём-нибудь этаким. Или вдруг романтизму захочется, а постель и звёзды — вещи несоместимые.

— Сам придумал?

— Народная мудрость, брат.

— Домыслы, — отмахнулся я.

— Наблюдения, — упорствовал товарищ. — Кстати, трема обычно не ограничиваются. Кони могут быть для учёбы, для работы...

— Чистой воды теория.

— Не скажи, — ответил Юрчик, выпуская в потолок ровные кольца сигаретного дыма.

... Тот апрельский день был ветреным. Бутылка «Агдама», вырванная из магазинной амбразуры, приятно оттягивала карман. Я прослужил до вечера по городу и направил шузы в дискотечный подвал общаги. Пить в одного я ещё не любил, а в пятницу сюда обычно заглядывали наши.

Торчать среди уханья басов и мелькания цветомузыки — дело не из приятных, но куда денешься с подводной лодки? Найдя укромное местечко, погрузился в созерцание потной колыхающейся массы... Хоть бы одна знакомая рожа!

С настроением хуже некуда поплёлся на остановку...

Я сидел на скамейке, подняв воротник, ёжился от ветра и решал непростой вопрос: пить или не пить?

Гладко отполированной яхтой, волнуяще покачиваясь, мимо проплыла Галя, остановилась в двух шагах под расписанием автобусов.

Я отметил все округлости и вогнутости и поставил отметку «хо-рошо».

Она окинула меня оценивающим взглядом и отвернулась.

Это задело.

Поймите, я не кидаюсь на первых встречных девушек. Я весьма застенчивый мэн. Но тут был вызов. Стопроцентный!

Пустая остановка и мой прикид не располагали к общению, но зачем так демонстративно воротить нос?

Я процитировал Иосифа Александровича. Старина Бродский ещё не выветрился из головы, и я бессовестно присвоил его меланхолические строки.

Повезло, что был трезв. Стоит лишку выпить, начинаю заикаться. Так что рулил во мне лихо Боян вещей, я ж летал сизым орлом под облаками... короче, почти все слова попали в яблочко. Галя сменила фокус настройки. Я чувствовал, как увеличиваюсь в её окулярах.

Подошёл автобус. Мы сели, познакомились. Я вовсю расточал комплименты прекрасной незнакомке, облокотившись на блоковский фонарь, аптеку... Невелика хитрость для студента филфака. Александра Александровича, кстати, люблю до сих пор и, самое удивительное, помню.

Галя оказалась местной, училась в торговом, жила в квартире брата, укатившего на заработки на Север. Я предложил её проводить, но она отказалась. Впрочем, телефон я записал.

Через неделю я ждал Галю возле памятника художнику.

Скверы, набережная, пирожковые, киношки — скучно нам не было. Говорил больше я. Плёл глагольные кружева, жонглировал словечками, декламировал чужое, иногда — своё. Не то чтобы её

совсем не интересовали стихи, скажем так — она их не понимала. У подъезда чмокала в щёку, и мы расставались до следующего звонка.

Куда меня несло? Чего я хотел? В фантазиях много чего. Но дело не только в них. Галя умела слушать. Её молчание вдохновляло, да и с чувством юмора тоже всё было в порядке.

Вечерами в сторожке у Юрчика под пиво я получал наставления опытных, съевших не одну собаку. Всё сводилось к одному: не тормози, лови намёки, не будь лошарой. Схема предлагалась обкатанная и простая до безобразия. Как бы нечаянный повод зайти, как бы нужная пластинка, случайно открытое вино, ненароком разобранный диван — дальше пойдёт само. Я слушал тёртых калачей, и всё во мне переворачивалось.

— А нельзя без выкрутасов? — спрашивал я. — Обязательно нужны ужимки и прыжки?

— Попробуй, — отвечали мне. И снова объясняли, чуть ли не по слогам: — Да она сама только этого и ждёт.

Мне почему-то не верилось в эти дурацкие правила, и мы продолжали бороздить улицы, оседая в душных видеосалонах. К себе я пригласить не мог, а от мысли напроситься на огонёк язык мгновенно деревенел. Проводив Галю, возвращался домой, перебирая в голове слова и жесты, на что-то надеясь...

Калачи потешались, советовали прочитать ей Баркова. Юрчик молча качал головой.

Галя позвонила в начале недели. Сама! Приходи в пятницу с тортиком... про остальное я понял без намёков.

«Ну что, сценаристы, выхватили?» — гремело во мне под звуки «We are animals» любимого «Назарета». Одна беда — я был на мели. Но может ли это остановить неистового Микки Рурка? В предвкушении девяти с половиной недель сладости я выцыганил денег у тех, у кого и рубля обычно не выпросишь, и бросился в винно-водочную очередь.

В назначенный вечер, секунда в секунду, я стоял у той самой двери. Начищенный, выбритый, залитый одеколоном, с тортом, букетом хризантем и пакетом, в котором проглядывались очертания «огнедушителя».

Когда я переступил порог, взгляд споткнулся об огромные стоптанные ботинки. В одной из комнат громко разговаривали.

Хорошая подруга попросилась отпраздновать день рождения, спешно разъясняла Галя, пока я разматывал шарф, а ей негде, вот мы и решили тесной компанией.

«Понял», — хмыкнул я, косясь на ботинки.

Мы прошли в зал. Из-за стола поднялся Димон — парень с нашего района, протянул руку, улыбнулся, сверкнув золотой коронкой:

— Здорово, Санёк!

Я знал только его имя и что он играет за город в баскетбол. Рядом сидела виновница сего мероприятия — хрупкая, будто стеклянная, куколка с чёлкой и коротким хвостиком — Катя. По телеку гнусавил переводчик. Между салатами теснились неприлично пустые рюмки. Я нырнул в пакет. . .

Вроде как было весело. И мы вроде как общались. Галя сдержанно улыбалась, Катя тоже изгибала губы, Димон острил, я поддакивал, время тикало. С экрана за нами следил печальноглазый Рэмбо. Едва мы уговорили бутылку под треск пулемётов, спортсмен, хитро улыбувшись, протопал в коридор. «Три семёрки» вплыли победным кубком. Вечеринка продолжалась.

До танцев, к счастью, дело не дошло. Катя вдруг засобиралась, хотя кубок опустел едва наполовину. Ей завтра на смену, дома голодный кот. . . Никто особо не уговаривал.

Мы вышли втроём: я, чемпион и кукла. Через гаражи выбрались на освещённую улицу. Чемпион принялся голосовать, мы с куклой неловко молчали. Ждать пришлось недолго. Пока Катя усаживалась, Димон торговался с водилой. Подозвал меня:

— Такое дело: у неё ни копейки.

Я выгреб последнее. Димон захлопнул дверцу. Когда машина отъехала, он спросил:

— Чё не поехал-то?

— Я?

— Ну не я же!

— Так. . . разве ты не с ней?. . . Я думал. . .

— Ты реально тупанул, что ли?! — развеселился Димон. — Блин, вас как бы, это. . . познакомили. Догоняешь?

Честно говоря, я не догонял. Не мог. Не хотел.

Димон развёл руками:

— Сочувствую.

Снисходительно похлопал меня по плечу.

— Ладно, давай, — в мёртвом фонарном свете мелькнуло вставное золото. — Мне ещё тут до утра пахать — не перепахать. . .

Тряхнув гривой, он поспешил к подъезду, возле которого меня нежно чмокали в щёку.

Я возвращался домой кружным путём. И мне было всё равно, набьют ли морду, снимут куртку, пером ли попишут местные. В ту минуту я бросился бы на толпу, не раздумывая. . . но ничего такого не случилось.

Я тащился под дождём, а в голове, словно бобина катушечника, крутилось похотливое ржанье. . .

Галю больше не видел. Бросал телефонную трубку, как только слышал её голос. С Юрчиком мы отметили истинность его наблюдений и неправоту моих притязаний. Я, соответственно, проставился.

И вот сейчас — наискосок, в нескольких шагах от меня. Выйти, пригласить за столик: привет, я — твой конёк-горбунок, помнишь?..

Возле Гали остановилась иномарка. Спрятав телефон в сумочку, поправляя на ходу причёску, она поцокала в широкий салон. Ничего не изменилось. Классик ошибся: рукописи горят, и время стирает порывистые строки — начисто...

Жизнь болтлива, скучна и бестолкова. Миром правит пустота. И нечем её заполнить.

Хотя как посмотреть — я налил из графина, подцепил вилкой лимон, — как посмотреть.

Игорь Фармазюк

(позывной — Кобзарь)

Автор — участник специальной военной операции.

НЕ ЖДИ МЕНЯ ИЗ УКРАИНЫ

Памяти всех павших и без вести пропавших

Не жди меня из Украины,
Я растворился там в ничто
Среди травы её и глины,
Среди туманов и кустов.

Нас много, тех, кто безвозвратно —
В один натоптанный тупик.
Встречь лица дядьки или брата,
И с двух сторон безумный рык.

Вернусь грозой, приду слезами
От горя очумелых баб
Над равнодушными гробами
И справкой, что напишет штаб.

Приду в ТГ последним фото
Среди живых ещё друзей,
Рассказом жутким про пехоту,
Печальным криком журавлей.

Вернусь, приду из Украины
Во многих ликах и стократ
В различных звуках и картинах,
Но только не живой солдат.

Отцом не стал, не буду сыном,
Осиротела мною Русь.
Не жди меня из Украины,
Не жди. Я, мама, не вернусь.

6 апреля 2023

ЕДИНАЯ ДУША

Бессмертная душа играет с телом в прятки,
Проворно улетев, запряталась в кустах.
Укромные места для нас в лесопосадке,
«Душевные» места: туман войны и страх.

Здесь призраки живут, здесь бродят наши тени.
В разбитых блиндажах пьём бездну, точно чай:
Он — «мобик» из Днепра, я — «мобик» из Тюмени,
И на часах у нас один сентябрь и май.

Нам время нипочём, его остановили,
Мы властвует над ним, вся вечность — ерунда.
Мыкола из Днепра и Коля из Сибири —
Мы в этой полосе сроднились навсегда.

Разорваны тела, но слились наши души,
Назло приказам всем теперь в одном строю.
Мыкола и Колян — одному Богу служим
И в очереди ждём у врат в одном Раю.

21 ноября 2023

ВОРОН

Не вздрогнув, крутится планета,
К ней тенью пепельной прижмусь,
Своим помечу графаретом,
Где начиналась прежде Русь
И где кончается сегодня
В грязи израненных полей,
Среди забвения Господня,
Его разрушенных церквей.
Услышь меня. В дурную пору
Приметы скопом, на беду.
Не ворон каркает с забора —
Моя душа, что не приду.
Чернее чёрного сгорел я —
Сжёт украинский солнцепёк.
Взлетевшим вороном от тела
Тебе шлёт весточку сынок.
Нет, стаи воронов по весям
Не остановят ход вещей,
Но крики их — бессмертье песен
Твоих, Россия, сыновей.

9 февраля 2024

ОДА «БУХАНКЕ»

Фактурою — махновская тачанка,
Где вмятины — что прожитые дни.
Ты — хлеб войны, ты — мать дорог, «буханка».
Спаси, старушка, нас и сохрани!

Лошадкой от Бахмута до Рубежной,
От Крынок до Авдеевки гони
По бездорожью и углам медвежьим,
Спаси, «буханка», нас и сохрани!

Четыре колеса, как у телеги,
Молитва в счёт кевларовой брони,
На лобовухе — Сталин, оберёги.
Спаси, «буханка», нас и сохрани!

Паёк, снаряды, шмурдяка полтонны,
Ты дроны обмани и дотяни.
Ремень с карданом одичало стонут.
Спаси, «буханка», нас и сохрани!

Пригнувшись от разрывов и шрапнели,
Трёхсотых тащишь, жили чтоб они.
Рессоры плачут, шины охренели,
Спаси, «буханка», нас и сохрани!

Из жести, чугуна и слов цветастых,
Ты — базис и надстройка у Руси,
Ни времени, ни моде неподвластна,
Храни тебя, «буханка», и спаси!

27 января 2024

ПРОВОДЫ

На дворе стояла стужа,
Провожала Ира мужа.
Молча, сухо, делово,
Слёзы пряча от него.
Самолёт завыл натужно...
Не война, а СВО.

25 января 2024

Жители Попасной

Катя с Юрой салят зелень
И вскопали огород.
Где-то «сушки» пролетели,
А в соседний дом — прилёт.
Месяц май — пора такая,
Дорог каждый день в саду.
Ждут в Попасной урожая
Катя с Юрой. На бегу
Им кричит солдатик: «Здрасьте», —
Убегая в небытие.
Катя вслед мальчишку крестит
И по новой — за своё.
Каждый день она и Юра
Пашут, полют и растят.
Прёт у них сельхозкультура,
А вокруг — войны натура
Много месяцев подряд.
Ничего, уже привычно,
Стёкла — скотчем, душу — тож.
«Всё... (здесь фраза неприлична)...» —
Юра точит острый нож.
А потом ножом, что бритвой,
Щепки режет для печи.
Катя на устах с молитвой
Лепит с теста калачи.
Будет хлеб, и будет пища,
Урожай и огород.
«Вся Попасная — кладбище,
Не схоронен есть народ
Под завалами, в квартирах:
Кто их, бедных, собирал?
Чай? Варенье из инжира?
Сахар вагнеровец дал...
А куда уже податься?
Тут родились, тут померём.
Свету нет, воды?... Эх, братцы,
Мы уж вечность так живём».
Юра Катю взял за руку,
Тихо молятся в эфир.
Не винят судьбину-суку,
А ведут борьбу за мир.

24 октября 2023

Игорь Герман

Красная линия

— Понимаешь, Витян, у каждого человека должна быть своя красная линия, — говорил на кухне сыну отец, когда они после ужина остались вдвоём.

Мать помыла посуду в раковине и ушла в комнату смотреть телевизор.

Сорокапятилетний моложавый Евгений Павлович, глава семейства, расслабленный и довольный сытным ужином, традиционно задымил сигаретой.

— Окно открой! — крикнула из комнаты жена. — Уже сюда несёт.

Евгений Павлович нехотя поднялся с насиженного стула и откинул раму окна, впустив в кухню свежесть тёплого сентябрьского вечера. — Дверь тырхни, чтобы матери не мешать... — он заговорщически подмигнул сыну. — Давай-ка.

Пятнадцатилетний Витя, сидевший на стуле с виноватым выражением лица, потянулся к кухонной двери и прикрыл её.

— Что такое красная линия? — уже чуть громче продолжил отец. — Красная линия — это, Витян, понимание человеком того, что ему можно делать, а чего ему, брат, делать не можно. То есть у человека должна быть граница, заступать за которую он запрещает самому себе. Понимаешь?..

Витя уныло кивнул опущенной головой.

— Не слышу, — строго повысил голос отец.

— Понимаю, — послушно ответил сын.

— Хотя понимаешь — уже хорошо, — Евгений Павлович удручённо вздохнул. — Так вот: врать — это никуда не годится, сынок. Враньё — последнее дело. Особенно для мужчины. А ты — будущий мужчина. Уже вон какой дылда вымахал, выше отца стал. Враньё вообще унижает человека. Оно мельчит его и совсем не красит. Даже женщине можно простить враньё... хотя и не всякое, конечно, но можно. Мужу — нет.

Отец сквозь струю табачного дыма внимательно посмотрел на пристыжённого сына.

— Вот скажи мне: зачем ты соврал? Какая была в этом необходимость?

Витя, не поднимая головы, пробурчал что-то невнятное.

— Что-что?.. — переспросил отец. — Скажи громко и чётко, так, чтобы я услышал и понял.

— Ты бы денег не дал, — чуть громче повторил сын.

— А почему ты думаешь, что не дал бы денег?
— Ну... не дал бы, и всё... — Витя поднял на отца быстрый виноватый взгляд. — А что, дал бы, что ли?
— Честно?... — затянулся сигаретой Евгений Павлович. — Смотря на что.
— Вот видишь.
— Всё равно надо говорить правду. Дал бы или не дал бы — какая разница? А врать — лучше, что ли?.. «Папа, у меня телефон сломался...» Ага... Сломался у него... Хорошо, что я сегодня проверил, блин. У отца всё-таки хватило тьма на это. И — опа! — а телефончик-то у сынули исправен. Значит, сынуля обманул отца. Так?..
Витя попытался неуклюже оправдаться:
— Да это... я не...
— Не юли! Прямо говори! — строго потребовал отец. — Обманул?..
Ну, говори: обманул?
— Обманул, — нехотя сознался сын.
Отец покачал головой.
— Ай-ай-ай... Нехорошо... Хоть стыдно?
— Стыдно.
— Ладно. А теперь говори: зачем тебе понадобились эти три тысячи?
— Папа...
— Не папкай!.. Отвечай как есть. И не вздумай врать!
Витя совсем сник.
— Говори! — требовал отец.
— Надо было, — быстро и тихо ответил сын.
Евгений Павлович усмехнулся.
— Да это я понимаю, что надо было. Объясни, для чего именно ты выцыганил у отца три тысячи.
— На подарок.
— На какой подарок?
— Для девушки.
— Для какой девушки?
— Для моей.
— Опа! — поразился отец. — Вот так и открываются семейные тайны. У тебя, оказывается, уже девушка есть?
— Ну...
— Что — «ну»?
— Мы дружим.
— И как зовут её? Девушку твою?
— Иришка.
— Молодец. Шустрый сынок у меня. А не рановато ли?.. В пятнадцать?
— Нет. Нормально.
— Ладно. Тебе видней, — Евгений Павлович едва заметно улыбнулся. — Ну, и дальше?..
— Что — дальше? — Витя поднял на отца глаза и тотчас опустил их.

— Значит, ты взял у меня эти несчастные три тысячи и сделал ей подарок?

— Да.

— Что именно?.. Купил что-нибудь или вручил наличкой?

— Нет.

— Чего — нет?.. — раздражился отец. — Ты можешь нормально сказать, по-человечески?!.. Да — нет!.. Другие слова-то знаешь?

— Знаю.

— Вот и говори по-русски, а не блей, как ягнёнок!.. — видя, что совсем запугал сына, отец смягчил тон. — Ладно, давай начистоту: как мужик мужику. Только прямо, а не финти — не люблю этого. Говори, на что потратил деньги.

— На татушку, — чуть слышно сказал Витя.

— На что? — не понял отец. — Громче.

— На татушку, — повторил сын.

Евгений Павлович сосредоточенно свёл брови над переносицей.

— На какую татушку?.. На катушку, может быть?

— Нет. На татуировку.

— На татуировку!.. — наконец-то понял Евгений Павлович. — Во как!.. Значит, на татуировку?

Он посмотрел на крайне смущённого сына строгим отеческим взглядом, и сын, кожей чувствуя осуждение в молчании отца, сидел, сжавшись в испуганный комок, и не поднимал глаз.

— Это значит, — продолжал рассуждать Евгений Павлович, — ты обманул отца, вытянул из него деньги на то, чтобы какая-то соплюха сделала себе наколку?.. Ай да сынок у меня!.. Ай да молодец!.. — от огорчения Евгений Павлович строил брови «домиком» и закурил вторую сигарету. — Курить-то хоть не куришь?..

— Нет, — коротко и уверенно ответил Витя.

— Или опять врёшь?

— Нет. Не вру.

— Ладно... — сквозь выдуваемый дым Евгений Павлович, как опытный психолог, взглядом изучал сына. — И куда она её налепила?

— Кто?

— Катюшка твоя.

— Иришка.

— Ну, Иришка... Куда она накололась?.. На пупок? Или ещё куда хлеще?

— Там бы я не смотрел.

— Ну, я надеюсь, сыне. Рановато ещё там смотреть... Так куда?

— Рука... — Витя показал на своём предплечье.

— На руку? А зачем на руку?

— Духов отпугивать.

— Кого? — поразился Евгений Павлович.

— Злых духов, — не очень уверенно повторил сын.

— Серьёзно?..

— Да.

— Это... что?.. Это... — у Евгения Павловича от внезапно нахлынувшего возмущения не хватало ни дыхания, ни слов.— Это мы в какое время живём, люди добрые? Дети духов отгоняют татуировками!.. Так скоро молиться начнём деревянным идолам!.. А потом, глядишь, и в пещеры полезем!

— Сейчас все так делают,— оправдывая подругу, коротко буркнул Витя.

— Ну и дураки! — резко ответил отец и, подумав, добавил: — Не знаю, как духов, но парней она точно отпугнёт этими наколками. Посмотрит на неё, дурёху, перекрестится и отойдёт.

Сын несогласно промолчал.

— Разве только попадётся такой дуралей, как ты,— безжалостно продолжал отец.— Но я всё-таки надеюсь, что ты поумнеешь. В пятнадцать лет и я был таким же балбесом... — он немного подумал.— Хотя...

— Пап, извини... — тихо проговорил сын.

— Что?.. — будто не расслышав, переспросил отец.

— Извини, пап... — чуть громче повторил Витя.

— За что извинить?.. Ну, говори: за что?..

— За то, что обманул...

— Так.

— Я больше не буду. Честное слово.

Отец сделал вид, что мучительно решает: прощать сына или нет.

— Ладно,— сдался он наконец.— Матери ничего не скажем. Это наше мужское дело. Но... сынок... запомни: врать, воровать, предавать — это нарушение не только красной линии, красной черты, но и христианских заповедей. Враль, вор и предатель — самые ненадёжные люди. Не пополняй их число и сам не верь таким. Я знаю, что говорю. За сорок пять лет я встречал в жизни всяких, поэтому и говорю тебе... Знаешь, что Тарас Бульба сделал со своим младшим сыном?.. За его предательство?.. Проходили в школе?..

Витя уныло покачал головой:

— Знаю. Читал.

— Конечно, это преувеличение, литература... но показательно как пример. А татуировки делать не годится — раньше накалывались только уголовники. Этот ляпсус ведь останется на всю жизнь. Она же не вечно будет подростком-дурочкой, когда-то повзрослеет. Ветер из головы вылетит, а наколки останутся. А на взрослой женщине всё это смотрится ой как некрасиво. Если не сказать — безобразно. Так и скажи своей Валюшке.

— Иришке,— опять поправил сын.

— Ну, Иришке... — отец сурово раздавил окурок в пепельнице.— Как девчонка-то?

— В смысле?

— Симпатичная хоть?

- Нормальная.
- Познакомь при случае.
- Ладно.
- Женится-то не собираешься?
- Да пока нет.
- И на том спасибо... Ох, молодёжь...

Евгений Павлович покачал головой, вздохнул и ушёл в комнату, к супруге, смотреть телевизор.

В субботу во второй половине дня, Евгений Павлович вдруг начал куда-то собираться.

Супруга выглянула из комнаты.

- Ты куда?
- В гараж.
- Зачем?
- Боковушку левой дверцы хочу посмотреть.
- А что такое?
- Да стекло плохо опускаться стало. Где-то заедает, где — не пойму. Посмотреть надо.
- Поздновато собрался.
- Забыл. Днём хотел, да из головы вылетело. Дурака провалял весь день.
- Завтра утром же за грибами собрались, — напомнила жена.
- Ну... — Евгений Павлович натянул на себя кожаную куртку и покрыл начинающую лысеть голову кожаной кепкой.
- Не «ну», а хорошо посмотри машину, чтобы в лесу не сломалась, а то там же и останемся.
- Хорошо, посмотрю. Только на это дополнительное время надо.
- Супруга окинула его с головы до ног оценивающим взглядом.
- А чего вырядился, как на танцы?
- Вообще-то я всегда так одеваюсь.
- Испачкаешь куртку новую.
- Не испачкаю. Я там переоденусь.
- Когда вернёшься?
- Когда всё сделаю.

Из своей комнаты вышел Витя, тоже одетый не по-домашнему.

- А ты куда, малой? — удивилась мать.
- Да так, по делам, — нехотя ответил сын.
- По каким делам?
- Погуляю пойду.
- Ишь вы, деловые какие, — взглянув на серьёзные физиономии мужа и сына, сказала мать. — Ну-ну... Идите, идите, я хоть отдохну без вас.
- Евгений Павлович и Витя вышли из квартиры, и мать замкнула за ними дверь. Спустились на лифте вниз.
- Тебе куда? — спросил отец, когда они вышли на улицу.

Витя махнул рукой в сторону дворов:

—Туда.

—Ну а мне в гараж,— похлопал сына по плечу отец.— Здесь наши пути расходятся, Витян.

И отец с сыном разошлись в разные стороны.

Витя прошёл во двор соседней девятиэтажки. Там присел на одну из пустующих скамеек возле песочницы, где играли дети. Достал из кармана курточки свой телефон, активировал его, поводит пальцем по сенсорной поверхности. Приложил к уху.

—Привет... Я у тебя во дворе... На лавочке сижу... Жду... Ок.

Он отнял телефон от уха и, сгорбившись, продолжил пальцем сосредоточенно что-то искать в нём. Нашёл, почитал, рассмотрел, полистал. Не заметил, как сзади подошла молодая девушка в джинсовой юбке и джинсовой куртке. Она дружелюбно окликнула его в спину:

—Привет!

Витя вынырнул из Интернета.

—Привет, Иришка! Садись.

Девушка присела рядом с ним на скамейку.

—Я уже полчаса трусь на улице, тебя жду,— с некоторой обидой в голосе сказала она.

—Мы же договаривались в четыре,— удивился он.

Она махнула рукой:

—Ай! Мама отправила: иди, говорит, погуляй.

—Везуха. Обычно мамы, наоборот, из дома не выпускают.

—Не в этом дело. Она опять познакомилась с кем-то. К ней мужик какой-то нахаживает. Не хочет, чтобы я с ним виделась. Поэтому и гонит на улицу.

—Что за мужик?

—Не знаю. Очередной хмырь. Она же в магазине работает. Там к ней и клеятся всякие. То одного приводит, то другого. И ни с кем у неё ничего не получается. Один алкаш, второй дебил, третий женатый. Говорю: мама, ты достала меня с мужиками своими!.. Ну, этот, говорит, неженатый. Она верит. Я — нет. Скольких она ни приводила — морда то наглая, то хитрая.

Витя вынул из кармана потёртый стандартик жевательной резинки в подушечках. Протянул Ирине:

—Будешь?

—Давай.

Она подставила ладонь и поймала две выпавшие мятные подушечки. Забросила их в рот.

—Достала уже со своей личной жизнью. Я сейчас сказала ей: ухожу на два часа. Укладывайся. Я что, собачка, что ли,— под заборами отираться?

—Ладно, не парься.

—Да потому что запарила, вот и парюсь!

— Идём прошвырнёмся. Может, в кино поторчим.

— Пойдём, поторчим хоть где-нибудь, — она энергично поднялась со скамейки. — Надоело!..

Витя с Ириной целенаправленно двинулись к кинопарку, взяли билеты на ближайший сеанс, поели мороженого за столиками кафе, посмотрели обычный зрелищный фильм. После того, как кинозал выплюнул отработанных зрителей на улицу, Ирина заглянула в свой телефон. — Ни фига, уже седьмой час! — поразилась она. — Всё, ходу домой. — Я тебя провожу.

— Ну, проводи.

Всю дорогу до Иришкиного дома они зависали в своих телефонах, изредка перебрасываясь односложными фразами. Когда дошли до подъезда, Иришка вдруг вспомнила:

— Слушай, ты обещал мой компик посмотреть. Глючит. Задолбалась уже с ним.

— Прямо сейчас, что ли?

— Ну а чё?.. Мама одна. Мужик уже стопудово ушёл. Там делов-то для спеца: дунул-плюнул — всё. Это я не шарю, — она кивнула в сторону подъезда: — Пойдём, чего мнёшься?

— Ок, — согласился Витя.

Пока поднимались на лифте, Иришка говорила:

— Хотя посмотришь, где я живу. Ты ведь у нас ещё ни разу не был.

Жующий жевательную резинку молодой человек согласно кивнул головой.

— Ну вот. В гости тебя, значит, заманила.

Вышли на шестом этаже. Иришка поискала в кармане курточки и вынула ключи.

— Прикол! — удивилась она, когда они вошли. — Мужик этот ещё здесь... — и указала на пару мужских туфель, стоявших у порога.

Витя дёрнулся, намереваясь уйти.

— Куда?.. — удержала его Иришка.

— Да я пойду.

— Никуда ты не пойдёшь, — шёпотом сказала девушка.

— Неудобняк.

— Нормально, не гони. Мы пришли вовремя. Это уже их проблемы. Его время давно истекло.

— Ладно, — не очень охотно согласился Витя.

Они разулись и прошли на кухню мимо комнаты, дверь в которую была прикрыта.

— Чаю попьём да пойдём ко мне, — сказала Иришка, щёлкнув кнопкой электрочайника. — Идём мыть руки.

Они прошли в ванную, помыли руки.

— Посиди на кухне, я сейчас, — попросила Иришка и прошла в открытую дверь своей комнаты, снимая на ходу джинсовую куртку.

Паренёк вернулся в кухню и присел у стола. Осмотрелся.

Иришка с мамой жили простенько и небогато. В квартире чисто, но скромно. Квартира Витиных родителей намного солидней в смысле как обстановки, так и мелочей антуража. Ну, у него ведь оба родителя деньги приносят, а у Иришки одна мать, да и та продавщица в задрипанной «продуктушке». И что с неё взять? Поэтому так и живут люди.

Сквозь рычание греющегося чайника Витя услышал, как открылась дверь в комнату Иришкиной матери, и вслед за этим разобрал обрывок фразы: «...покурить на кухню», — сказанной мужским голосом. Этот голос словно электрическим разрядом отозвался в мозгу юноши, и прежде чем Витя успел что-либо сообразить, в кухню бодрым шагом, в своей расстёгнутой кожаной куртке, прикуривая на ходу сигарету, вошёл его отец.

Если бы в эту минуту прямо над городом взорвался метеорит, то взрыв вызвал бы у отца и сына меньшее удивление, чем их неожиданная встреча на этой кухне.

Евгений Павлович на несколько секунд превратился в окаменевшее изваяние с дымящейся сигаретой в приоткрытых губах. Он в полной растерянности смотрел на изумлённого сына, так же как и сын не мог оторвать взгляда от опешившего отца.

Первым попытался выйти из состояния шока Евгений Павлович. — Витька?.. — задал он удивлённый вопрос, не вынимая сигарету изо рта. — Ты что здесь делаешь?

— Я?.. — переспросил Витя, соображая, насколько виноватым нужно чувствовать себя в этой ситуации. — Я это...

— Зашёл в гости?.. — помог отец.

— Да... — только и смог ответить сын.

— Понятно.

Евгений Павлович наконец оторвал прилипшую к нижней губе сигарету, подумал, потом затянулся ею, опять подумал и опять затянулся.

— Так, — сказал он. — Так.

Что отец имел в виду, Витя не понял, потому что в этот момент в кухню вернулась Иришка. Щёлкнул автокнопкой вскипевший чайник.

— Здравсьте... — Иришка тоже не ожидала встретить здесь маминогo гостя.

— Здравствуй, — уверенней ответил Евгений Павлович. — Ира, если не ошибаюсь?

— Да, я Ирина.

— Ну, что же, приятно познакомиться: Евгений Павлович, отец Виктора.

Иришка сначала не поняла:

— Какого Виктора?

— Как какого? Вот этого балбеса... — он взглядом указал на сына.

Видно было, что девушка не поверила, слишком уж невероятным показалось ей такое совпадение. Она перевела недоумённый взгляд на своего молодого человека.

— Да, это правда, — тихо подтвердил Витя.

— Я вот по какому делу... — кашлянув, добавил строгости в голосе Евгений Павлович. — Тут мы с Мариной Петровной вдруг выяснили, что наши дети дружат между собою. Решили поговорить по этому вопросу... с Мариной Петровной. В смысле, как уберечь детей от неверных шагов... — он обратился к Иришке: — Ира... для Марины Петровны стало новостью то, что ты сделала себе наколку... в смысле татуировку. Она этого не знала, а то не разрешила бы тебе этого делать. Видишь, это уже, так сказать, нехорошо. Во-первых, без разрешения матери, во-вторых... — он подумал, — ...вообще.

Заслышав разговор на кухне, вышла из комнаты мама Иришки, симпатичная женщина до сорока, в домашнем халате, затянутом в талии.

— Познакомьтесь, Марина Петровна, это мой сын Виктор, — тут же ввёл её в курс дела Евгений Павлович. — Мы только что с вами говорили о нём. И об этих татуировках тоже, — он указал взглядом на изрисованное цветным Иришкино предплечье.

— Да?... — не очень уверенно произнесла Иришкина мама, но тут же уверенней добавила: — Да, конечно.

— Витя, это — Марина Петровна, — растерянность в голосе Евгения Павловича исчезла, уступив место привычно-строгой отцовской интонации. — Наше, если можно так выразиться, небольшое родительское собрание, по крайней мере, нам, родителям, пошло на пользу. Мы поняли, по крайней мере, что нам надо держать друг друга в курсе относительно наших детей... так, Марина Петровна?

— А как же, Евгений Николаевич...

— Павлович... — поправил маму Ирины Витин отец.

— Евгений Павлович, я попрошу вас и дальше информировать меня о поступках наших детей... ведь это для их же пользы. Ира, — обратилась она к дочери, — ну а с тобой мы ещё поговорим об этих твоих наколках.

— Татуировках.

— Хорошо — татуировках. Но мы поговорим. Я не намерена допускать и дальше подобных глупостей с твоей стороны.

Дети ничего не смогли возразить категоричному тону родителей. Оба опустили глаза и помалкивали.

— Ну что же, Марина Петровна... — бодро обратился к Иришкиной маме Евгений Павлович. — Как я уже говорил, наш сегодняшний разговор пойдёт на пользу и нам, и нашим детям.

— Совершенно согласна с вами.

— Ну-с... — шумно выдохнул Евгений Павлович. — Думаю, нам с Виктором пора идти.

— Да, пора, — согласился сын.

— Ну что же... всего доброго, Марина Петровна. Ирина, до свиданья, приятно было познакомиться. Пойдём, сынок...

Отец с сыном, провожаемые матерью и дочерью, прошли к входным дверям, обулись. Евгений Павлович застегнул на замок свою новую кожаную куртку, снял с крючка вешалки кожаную кепку и вслед за Витей вышел за дверь.

Они в молчании спустились на лифте.

Когда вышли на улицу, бодрячком шагавший отец остановился. — Ты домой? — спросил у сына.

— Да.

— Ну ладно... — кашлянув, отец прочистил першившее горло. — А я в гараж слетаю. Не успел там доделать кое-что.

Витя ничего не ответил. Евгений Павлович похлопал его по плечу. Они пошли в разные стороны, но отец вдруг остановился и окликнул сына:

— Да, Витян!.. забыл сказать... — он поднял указательный палец вверх, будто вспоминая что-то. — Это... Витян... маме не надо знать, что я разговаривал с Мариной Петровной.

Сын опустил глаза.

— Ничего особенного. Просто она может неправильно понять. Договорились?

— Договорились, — чуть слышно ответил Витя.

— И ещё... Помнишь, мы с тобой говорили о красных линиях?.. Позавчера, на кухне?..

Сын молча кивнул головой.

— Так вот, сынок: всё это в силе. Запомнил?

— Да.

— Вот и славно. Я скоро...

И отец зашагал туда, где за девятиэтажными домами, на городском пустыре, до самого моста через речку располагалось гаражное общество «Мотор».

Екатерина Малиновская

НА-НА-НА

Е. Мамонтову

Слёзы ехали в такси
Кто-то в небо улетал
В такт я дёргало ногой
А на небе танцевали
Женя, папа и Денис
Мёртвых выбеленных лиц
Больше нету нету нету
Только танец только птиц
Острокрылые сердца
Да моё сердчишко здесь
Я хочу туда где лето
Я хочу туда где это
В это вечное лететь
Петь прозрачными руками
С вами-облаками

* * *

Молчание — свеча
Веками воск томится
И наша схима длится
Молчанием сочась

Молчи меня сейчас
Всё молча повторится
И снова жизнь приснится
Коль сможем промолчать

Наложена печать
Она не отворится
Молчи, моя темница
Молчи, моя свеча

* * *

*...Как ни грустно, нам с тобой придётся
обживать грядущее поврозь.*

И. Волгин

По углам у меня паучки.
Пусть живут и других сожрут
Насекомых.
Напрасный труд —
Невесомое сделать весомым.
Обнаружить и обнажить
Всё, что было когда-то с нами,
Или будущее обжить.
Застревая меж временами,
Каждый миг — только он и есть —
Всё жалеть или ждать кого-то.
Невесомо кружится взвесь,
Вхолостую идёт работа.
Только светлая тишина
Спальни голое видит тело —
Тьма, заботливая жена,
Паучков накормить хотела.

ДИСКОТЕКА В ЛИПКАХ

А. Егорову

Что-то поцелуется,
Что-то шарф забудет,
Будет что-то танцевать —
В нём меня не будет.

«Зомби, зомби», — будут петь
«Продиджи» с «Нирваной».
Будет на меня смотреть
Только гость незваный.

В зале тусклом и пустом
Вечной дискотеки
С мертвецом одни вдвоём,
Дружные навеки.

Говорят, не знать стихов
Наизусть, мол, стыдно.
Вам не видно мертвеца.
И меня не видно.

* * *

С неба несутся бесы,
Падают на сетчатку.
С бесами интересно —
Бомбы, тела по чатам.

Как бы не обернулось...
Чем бы ни обернулось,
Шапка грибочка сдулась,
А я и не обернулась.

С маленькой чахлой розой,
С миниатюрной кошкой
Звёздную ловим россыпь,
Да и урчим в окошко.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

С днём рождения, отец
Маленький мертвец
Этим непутёвым днём
Будем мы вдвоём

Расскажи чего да как
В тёмных небесах
Что там, свет иль вечный мрак?
Радость или страх?

Звёзды добры или злы?
Кто там твой сосед?
Тянут звёздные узлы
Ворох прошлых бед

Ты хотел сидеть в тюрьме
Эком ты не стал
Но сидишь теперь во мне
Звёздный арестант

Я давно тебя спросить
Обо всём хочу
Но удел — в молчанье жить
Вот лежу молчу

Лишь глазами тихо я
В тёмное нигде
Па-па, с д-нё-м ро-ж-де-ни-я!
Выведу тебе

Геннадий Васильев

В сумерках

I.

Сумерки в этом маленьком, почти крошечном, кафе наступали сразу, без прелюдии. Здесь не было стёкол величиной с витрину, это был полуподвал, маленькие окна — только на высоте чуть больше человеческого роста. Как только солнце уходило за высокие дома на улице, в кафе включали люстры на полную мощность. Наступало то время суток, когда назначают свидания. Оно и называлось: кафе «Сумерки». И ранние сумерки, и малое количество столиков — всего девять, три — на двоих, шесть — на четверых, но за ними всё равно сидели всегда по двое, — и окраинное расположение привлекали сюда тех, кто очень не хотел, чтобы его видели в это время где-то в другом месте. Ну а здесь — не видели в любое время. В сумерки — тем более. И приходили потому завсегдатаи, случайные посетители забредали редко, разве — на рюмку вина или кружку пива.

Сумерки были осенними, ранними. Люстры зажглись раньше, чем это бывало летом. Люстры старые, давали матовый свет, становилось светло, но не досадно ярко. Хозяин Ростислав этими люстрами очень дорожил, говорил, что теперь таких не бывает или бывают редко, все норовят ослепить посетителя с порога. Или убирают люстры вовсе и вешают по стенам светильники, которые «света не дают — зато как смотрятся! Не хочу следовать моде. Не хочу соответствовать». Скорее всего, врал, просто жаль было тратиться на современный свет. Но такой, старый, даже старомодный, завсегдатаев устраивал.

Как раз наступили сумерки, когда деревянные остеклённые двери распахнули обе створки. Вошёл человек лет сорока пяти, в плаще, шляпе, кивнул бармену (он же администратор и хозяин) как старому знакомому. Да они и были старыми знакомыми уже почти два года. Вошедший повесил плащ на вешалку, туда же отправил шляпу, сел за столик, с которого улыбнувшийся ему официант убрал табличку «Столик зарезервирован».

— Как всегда? — привычно спросил официант.

— Как всегда, — привычно ответил гость.

Он взглянул на часы. Было около семи вечера, без нескольких минут. Гость коротко улыбнулся своим мыслям.

Как сказано, на вид ему можно было дать лет около сорока пяти. Стройная фигура, чисто выбритое узкое лицо, мягкий взгляд серых глаз... что ещё важно для портрета? Достаточно и сказанного.

Из одежды — синие джинсы, серая водолазка, чёрные туфли с мягко закруглённым носком.

Не прошло и пяти минут, как официант принёс бокал с мохито. Мужчина кивнул. В это время створки дверей снова распахнулись. Гость встал навстречу, улыбаясь. «Она не опаздывает. Никогда».

— Добрый вечер!

Он помог женщине снять плащ — она тоже была по-осеннему в плаще, — повесил его на плечики. Осторожно поцеловал ей руку. Она сняла берет, аккуратно повесила его на рог — вешалка представляла собой оленьи рога, не стилизованные — настоящие, привезённые самим хозяином когда-то давно с Севера. Извинилась, исчезла в дамской комнате наводить красоту.

Раз уж мы описали его, так и её следует хотя бы немного описать. Моложе спутника лет на пять, одета в дорогой, но не броский брючный костюм светло-серого цвета, тёмные туфли на низком каблуке. Карие глаза смотрели умно и проникательно. Лицо, такое же узкое, как у спутника, чуть бледновато — выдавало человека, который по роду деятельности большую часть времени проводит в помещении и которому редко удаётся вырваться на солнце тогда, когда хочется. Волосы — тёмные, густые — тщательно уложены.

Мужчина сделал знак официанту, тот понимающе кивнул. К возвращению женщины на столе стоял бокал с мартини.

Улыбнувшись друг другу, они молча чокнулись, выпили по глотку. — Как ты прожила этот месяц? — спросил он.

Постороннему в вопросе и в том, как он был задан, послышалась бы некоторая театральность. Для этих двоих никакой театральности не было.

— Прожила, как всегда, в ожидании, — улыбнулась она снова и снова отхлебнула из бокала.

Официант принёс меню в одном экземпляре. Мужчина внимательно изучил перечень блюд, сказал ей:

— Рекомендую сегодня...

Ну, вдаваться в гастрономические подробности мы не станем. Они заказали, и этого достаточно.

Пока несут заказ, пора, кроме внешних черт, придать героям какие-то имена. По задумке автора, имена эти должны быть не вполне обычными, не из тех, что встречаются на каждом углу. Такие, например: Богдан и Виолетта. С другой стороны, история простая, и почему имена должны быть редкими, вычурными? Да ещё и следующими друг за другом по алфавиту. Автор с лёгким презрением к самому себе уже хотел вычеркнуть оба имени, да призадумался. Во-первых, имена Виолетта и Богдан не такие уж редкие по нашим временам, встречаются пусть не на каждом углу, не в каждом подъезде даже небоскрёба, но и не только на кладбищенских памятниках и в архивах. Во-вторых — и это главное! — история не просто простая

(простите за тавтологию), но правдивая. Их так и звали: Виолетта и Богдан. И ничего мы (я по старинной привычке, говоря от автора, пишу «мы», а не «я», хотя потом могу и срываться на «я») с этим поделаться не можем.

Да и не надо ничего делать. И в этом месте автор отступает, оставляя сцену целиком героям.

Итак, Богдан и Виолетта не спеша выпили по аперитиву.

—Хорошо! — она повертела в руках бокал. — О том, как жила и что видела. Знаешь, я всё время наблюдаю людей, которые приходят к нам за покупками. Покупателей. Они все разные, но они как-то... синхронно меняются. Они перестали улыбаться. Все, независимо от уровня доходов, от того, постоянный это наш покупатель или он случайно сюда забрёл и охнул, глядя на цены. Все, все перестали улыбаться. А если и улыбаются — настороженно, будто боясь кого-то обидеть. Отчего это, Богдан?

Богдан помолчал, поставил свой бокал. Внимательно посмотрел на Виолетту. Улыбнулся.

—Какая же ты всё-таки красивая!

Она в ответ послушно склонила голову. Compliment был привычным, потому и не был комплиментом, а признанием заслуг.

Он стал серьёзен.

—Люди боятся жить, Виолетта. Люди боятся жить... Я рад теперь, что у меня в своё время ничего не сложилось с бизнесом, что не тот я человек, не системный, эмоциональный, не рациональный. Не совсем трезвый, в конце концов. Я смотрю на жену — и поражаюсь её шефу. Я его очень уважаю, но он... он ведёт себя как мальчишка-романтик. Все знают, и он сам знает, что его обязательно посадят. И он продолжает как заклинание повторять: «Я не купил остров в океане, потому что хочу жить здесь, я хочу, чтобы здесь, на моей родине, мне было хорошо и комфортно!» И знает при этом, что не будет здесь комфортно никогда ни ему, ни его детям, ни детям тех, кого опекают его дети. И он... впрочем, чего это я? Занесло опять.

—Да нет, — вздохнула Виолетта и отпила. — Ты просто отвечал на мой вопрос.

Она снова улыбнулась.

—Лучше о другом, о приятном. О личном. Как вообще жена, семья?

Он поставил бокал, улыбнулся ответно — не дежурно, искренне.

—Да хорошо всё, в общем. Жена, конечно, переживает за всё, что происходит с шефом, что грозит компании. Но на семье это не сказывается, она молодец. Дочь заканчивает в следующем году школу, сын только пошёл — ты же помнишь, разрыв возрастной у нас такой, порядочный. Я — всё так же, всё там же, пишу сайты, по заказам верстаю книги.

Он вдруг озорно усмехнулся:

—Ну, ещё одно ремесло начал осваивать недавно. Угадай!

Виолетта махнула рукой, допивая коктейль:

— Не стану. Говори!

— Печь на даче сложил. Своими руками, представляешь! И работает, горит, греет — и не дымит!

Он рассказывал об этом так, как мальчишка рассказывал бы о том, что научился кататься на велосипеде или поймал первую рыбу в жизни. Она невольно рассмеялась — громко, рассыпчато.

— Вот точно от тебя не ожидала, никогда бы не подумала, что ты можешь быть ещё и печником!

Он развёл руками:

— Ну вот... А у тебя? Что ты?

Она пожала плечами:

— За исключением этих скучных... нет, неправильно. За исключением физиономий, от которых в магазине всё время ждёшь извержения, всё, в общем, хорошо. У мужа бизнес крепко прислонён к власти, и он вроде никаких гроз не ожидает. Сын наш единственный давно, как говорили древние, отлепился — и слава Богу. Живёт себе сам, чему-то учится, где-то работает. Иногда имеет наглость делать подарки родителям — не то чтобы дорогие, но какие-то... с намёками. Например, подарил на Новый год картину одного местного художника — фамилию не вспомню, — там двое сидят спиной, перед ними в тумане — силуэт не то собора Нотр-Дам, не то Триумфальной арки в Париже, и подпись: «Двое в парке Тюильри». Были мы там, правда. И улетали из Парижа так, что я плакала. И уж не будем никогда, конечно. И вот он, паршивец, угадал — и настроение, и перспективы.

Оба помолчали. Она тряхнула головой:

— Ну а в остальном всё ведь у нас хорошо, правда?

Он встал, через стол тихонько пожал ей запястье:

— Правда, Виолетта. Правда.

Дождались горячего, Богдан заказал к блюду красного вина. Горячее поедали молча. Оно в этом почти крошечном кафе было довольно традиционным, но невероятно вкусным, готовили его с любовью, и любовь эта передавалась во вкусе, в подаче, её нельзя было не чувствовать. И говорить при этом казалось кощунством.

Они с удовольствием съели мясо, не торопясь запили его остатками вина. Всё было прекрасно, и старинные люстры горели так, как требовалось: сдержанно и одобряюще.

Десерт заказала Виолетта — её прерогатива. Богдан был к сладкому не то чтобы вовсе равнодушен, но разбираться в нём не пытался. А вот ликёр к десерту — это уж, конечно, он.

Они съели десерт, запивая его ароматным крепким кофе и сдабривая ликёром. Допили ликёр. Посидели ещё, поговорили. Прошло почти два часа с того момента, как он раскрыл двери заведения.

— Пора? — без всякого оттенка грусти спросил он.

— Да, пора, — так же ответила Виолетта.

Богдан подозвал официанта, рассчитался, умеренно-щедро оставив на чай. Официант не удивился и не обиделся. Так было всегда.

Богдан сам вызвал такси, потом помог даме одеться. Оделся сам. — Ты, как всегда, пешком? — спросила она.

— Да, пройдуся.

Он так же осторожно, бережно поцеловал ей руку.

— Что ж, до следующего?

Она, не отвечая, кивнула, послала ему воздушный поцелуй — и ушла в объятия такси. Он махнул официанту, отвесил шуточный поклон хозяйину — и вышел.

«Как, они разошлись порознь? Не целовались? Не мучали друг друга расспросами, тревогами, сомнениями? Они не любят друг друга?» Вопросы естественные. Такие же простые, как история. Хотя... Вопросы, кажется, проще.

Они любят друг друга.

Но они никогда не были вместе в том смысле, в каком вместе бывают мужчина и женщина, любящие друг друга. Они не спали в одной постели. Они даже не были никогда в одной квартире.

Начиналось всё вот как.

2.

Ох и холодно было тогда, в том ноябре! Казалось, уже совсем пришла зима — настоящая, сибирская, лютая. Уже и снег лежал прочно, и столбик термометра обессиленно падал до минус пятнадцати, а то и двадцати — потом, правда, одумывался и карабкался до минус пяти, но, ослабев, до нуля уже не добирался. А главное — ветер. Он резал по живому, брил без мыла, пронизывал то, что обычно считалось бронёй. В такую погоду только необходимость выгоняла из дома — работа, другие дела. Или тоска. Бывает такая тоска, которая гонит человека из дома, даже если дома всё хорошо. А то и тем более — именно когда всё хорошо дома. Необъяснимая, просто так пришедшая тоска. Близким о ней не скажешь — жене или мужу: станут допытываться, что да как, откуда и почему. Тихо улизнуть — погулять, пройтись... да мало ли?

В один из таких ноябрьских вечеров в кафе «Сумерки» вошёл мужчина — тот самый, лет сорока пяти... нет, в то время — сорока трёх, и одет был, конечно, не в плащ, а в пальто. Ещё без зимнего ворота, осеннее, но довольно тёплое. И вместо шляпы — меховая кепка.

С порога ясно: он здесь впервые. Бармен увидел его из-за стойки, махнул рукой: мол, садитесь, сейчас подойдут, — и занялся своим делом. Мужчина не торопясь огляделся, повесил одежду, сел за первый попавшийся столик, стал ждать. Официант не спешил: посетитель новый, даже не гость ещё, можно и помуржигить. Дать понять, что не в столовку пришёл. В конце концов подошёл, положил на стол меню. — Добрый вечер! Вы ведь у нас впервые? Посмотрите меню — дайте знак, пожалуйста, с выбором блюд могу помочь, — и собрался уйти.

Мужчина остановил его жестом. Медленно, почти лениво произнёс:
— Меню я, конечно, изучу. На предмет орфографических ошибок.

Официант видимо растерялся:
— Не понял.

— И не надо. Шучу. Меню почитаю, в блюдах, надеюсь, разберусь без подсказки. А вот аперитив будьте добры — сейчас. И если в меню его нет — пригласите шефа.

Официант напрягся.
— Что же вы хотите такого... экзотического? Виски, коньяк? У нас прекрасный выбор того и другого.

— Никакой экзотики. И ничего крепкого. Мохито.

Официант расплылся:
— Конечно, есть!

Мужчина снова жестом остановил его.
— Только настоящий. Без всяких там спрайтов. Вода — только содовая. Подделку я определю.

И углубился в меню.

Официант помялся.
— Простите, содовой может не оказаться. А если просто минералка?

Гость вздохнул.

— Ну что с вами делать... Несите.

Официант ушёл, растерянный.

Мохито принёс минут через пять. Высокий бокал, трубочка, мята, кружок лайма — всё как должно быть. Мужчина поблагодарил кивком. Показал на меню:

— Скажите, а у вас и правда подают тюрбо? Это не просто черноморский калкан, а на самом деле тюрбо? И вот этот салат с крабами — в нём и правда крабовое мясо, а не дальневосточный минтай под названием «крабовые палочки»?

Официант покраснел от негодования. С полминуты помолчал, потом сказал с ненавистью:
— У нас кухня — одна из лучших кухонь в городе. Позвать шефа?

Мужчина вдруг рассмеялся:
— Да нет, верю вам! Это я так... просто вывеска и антураж немного не соответствуют меню.

— Ну, это не ко мне, — развёл руками всё ещё раздражённый и заметно расстроенный официант. — Так шефа звать не нужно?

— Не нужно, — мужчина попытался улыбнуться примирительно — получилось заискивающе.

Официант, уходя, обернулся:
— Кстати, мохито с содовой. Она оказалась в наличии.

«...Ну вот зачем я так с ним? — думал новый гость, потягивая коктейль через трубочку. — С другой стороны, а он со мной так — зачем? Зачем он начал как хам? Я и разозлился...» И простил официанту всё, даже его «одну из лучших кухонь».

Богдан задумчиво потягивал мохито. В это время вошла она. Он закашлялся.

Как и в его случае, с порога было ясно: женщина пришла сюда впервые. Одета в сиреневого цвета пальто, на ногах высокие ботинки, на голове берет, тонкие перчатки на руках... Она замёрзла и зашла погреться. Кроме них, в кафе в этот вечер не было никого, и он просто не мог не встать навстречу.

— Добрый вечер! Помочь?

Виолетта не возражала. Он помог ей снять пальто, повесил на вешалку из оленьих рогов пальто и берет, пригласил:

— Я один, если не возражаете, составьте мне компанию!

Она согласилась.

Подошёл официант, подал госте меню. Спросил — нужно ли что-то на аперитив. Богдан, опережая его:

— Давайте угадаю: вишнёвый ликёр?

Виолетта улыбнулась, качнула головой:

— Скорее, мартини. Если, конечно, здесь есть хороший мартини.

Официант снова покраснел обиженно, уточнил только:

— Водка? Джин?

Виолетта попросила с джином.

Некоторое время посидели молча. Она изучала меню, он изучал её. Она явилась ему именно такой, как описано в начале. Ну, разве одежда под пальто была другая — это не важно.

Мартини принесли. Коктейль украшали оливки. Она одобрительно кивнула. Заказала утиную грудку в апельсиновом соусе и лёгкий овощной салат.

— Что ж — можно, наконец, и познакомиться, — Богдан приподнял бокал с мохито. — Богдан.

— Виолетта, — подняла и она бокал. — За знакомство!

... Господи, как долго он ждал этого, как давно мечтал об этом! Чтобы вот так, легко, непринуждённо, познакомиться с женщиной, которая тебе интересна, — и ничего от неё не ждать, ни о чём не просить и не спрашивать ни о чём. Просто сидеть напротив — и любоваться. «Любоваться» и «любить» — слова хоть и однокоренные, но разные по смыслу.

Впрочем, не так. Ничего такого он не ждал и ни о чём не мечтал. Всё вышло само собой. В этом и прелесть случившегося.

Ну а что же, собственно, случилось?

Он влюбился. Сразу, с первого взгляда, с первого вздоха. И она — так же. О чём они говорили на первом своём случайном свидании, не помнят теперь ни она, ни он. Но ведь говорили о чём-то. Чем-то делились. И как-то сразу поняли: влюблённость их, их любовь обречена на бесконечные расставания и редкие встречи. И встречи вот такие — в кафе, на улице... не в кино, конечно, не в подъезде. Не тот возраст: не романтический.

У них — у каждого — были семьи, и к началу нашего рассказа были, и к финалу рассказа — остаются. Почти. Такая вот история.

Когда расходились, он спросил:

— Тебя проводить?

На «ты» они перешли легко, почти сразу.

Она улыбнулась:

— Я возьму такси. А тебя подвезти?

Он улыбнулся в ответ:

— Пойду пешком. Переварю.

Они поцеловались — точнее, он чмокнул её в щёчку. И неожиданно покраснел. «Не так бы тебя целовать...» Она засмеялась — ответила как будто его мыслям:

— Что делать...

Села в такси, махнула перчаткой.

Он шёл навстречу семье, навстречу привычному быту. Душа пела — мелодия была неясная, незнакомая, но радостная. Он стал подпевать.

3.

В январе ночь длится до утра, а утро наступает поздно. Богдан проснулся рано, зимой с ним такое случалось редко. Проснулся — и улыбнулся. Сегодня — тот самый день. Темень за окном не мешала радоваться жизни. Жена ещё спала, должна была вот-вот проснуться, и он старался не мешать её предутреннему сну. Радовался молча и неподвижно.

Обычно Галина поднималась раньше него, по будильнику. Не торопясь делала макияж, будила мужа и уезжала в офис. Богдан работал в основном дома. Его дизайнерским занятиям служили кабинет, два мощных компьютера, разная периферия к ним. Заказы он принимал и обсуждал с клиентами, пользуясь «современными средствами коммуникации»: телефон, скайп, прочее. Выезжал изредка, чаще всего это случалось, когда заказы были сложными, многоступенчатыми, а заказчик оказывался капризным. Вообще, больше всего ценил одиночество, любил принадлежать самому себе. В его обязанности, впрочем, входила и отправка детей в школу. Юлия давно не нуждалась в опеке, активно и тщательно складывала фундамент независимого будущего. После школы твёрдо решила поступать в юридический институт. Мечтала не обвинять — защищать. Она поднималась раньше матери, тихонько проделывала всё, в чём люди нуждаются по утрам, снова уходила в свою комнату и включала компьютер. Готовилась к выпускным. Такая устремлённость к цели — Галина называла это одним словом «цельность», называла не без гордости, — была унаследована, конечно, от матери. Богдан отличался, скорее, импульсивностью, запросто мог менять решения, легко переключался с одного занятия на другое. По определению жены — а она очень любила давать определения, ей важно было присвоить каждому явлению

имя собственное,— так вот, она определяла эти свойства мужа как пластичность. И не осуждала. Пластичность, восторженная готовность к новизне позволяла ему проникать в новые сферы, порой неожиданные. Вот недавно и печки класть научился, и уже заказчиков обрёл.

Если дочь вращалась внутри семейной орбиты уже по собственной траектории и вот-вот грозилась выйти за пределы этой орбиты, то сын пока требовал внимания и покровительства. Хотя бы утреннего. Разница в возрасте не то чтобы отдалила детей друг от друга — нет, Юля с удовольствием возилась с Жорой (так она его называла, а родители звали Гошей) и когда он был совсем мелким, и теперь, когда пошёл в школу. Отвечала на его нелепые вопросы, рассказывала о своей давнишней, как ей казалось, младшешкольной жизни, помогала адаптироваться. Но по мере её взросления возрастная дистанция сказывалась всё чувствительнее, да и свободного времени у сестры оказывалось всё меньше, и утренние заботы о младшем ссыпались на папашу. Он, как считалось, был в семье наиболее свободным. Богдан, впрочем, и не возражал. Георгий хоть и отличался некоторой рассеянностью («В папу весь!» — констатировала женская половина), особых хлопот не доставлял. Накормить его завтраком и вовремя передать с рук на руки дочери — учились они в одной школе и одной смене — вот и вся забота. И школа — рядом, значит, и встречать Гошу после уроков не нужно, топал домой сам. Юлины занятия заканчивались позже.

Будильник на телефоне сказал: «Вот и утро! Хватит спать, лежебоки! Шесть часов!» Такую побудку Богдан придумал сам. Весело. Лучше, чем штатное «Ку-ка-ре-ку!» или «Время просыпаться, шесть-ноль!» Сам и голос свой записал.

Галина потянулась, с удивлением уставилась на мужа:

— Ты чего?

Богдан смотрел, улыбался:

— Так... Проснулся что-то рано. Наступающему утру радуюсь.

Улыбнулась и жена:

— Радуетесь — это хорошо.

День начался — и пошёл своим путём.

4.

Виолетта проснулась оттого, что в кабинете муж, Пётр Павлович, громко говорил по телефону. Громко — значит, был чем-то раздражён. Кабинет от спальни отделяла детская, давно пустующая. Квартира была нестандартной планировки, Пётр Павлович сам лично нарисовал — как и что нужно перепланировать под интересы, лично же проследил, чтобы всё сделали в соответствии. Строительная компания принадлежала ему, и проследить было нетрудно. Взмыленный прораб лично отчитывался перед генеральным, а тот ежедневно звонил Петру Павловичу — рассказывал, как идут работы. В картинках рассказывал: снимал на телефон — и отправлял в «Ватсап» или «Вайбер».

Пётр Павлович смотрел внимательно — и делал замечания. Или просто довольно хрюкал. Получилось всё так, как он хотел. Даже смежные комнаты идеально отбивали звук.

Сегодня звук, то есть громкий голос мужа, был слышен отчётливо. Значит, в раздражении просто не закрыл двери кабинета.

Виолетта потянулась — и вспомнила: сегодня — тот самый день. Жизнь сразу показалась ещё как удавшейся. Она улыбнулась, не стала слушать доносившийся из кабинета разговор, ушла в ванную.

Послушать, однако, было что. Если бы услышала — расстроилась. А сделать всё равно ничего не смогла бы. И хорошо, что не слышала.

Разговор же был такой.

— Ну, так, — рокотал Пётр Павлович, — чего ты от меня хочешь-то? У Пляцковского лучшие материалы, он давний наш партнёр, ни разу не было проблем с качеством, сроками, ценами. Даже если мы плату задерживали — он шёл на уступки. Ты чего хочешь — чтобы я теперь взял и отказался от работы с ним? А с кем работать-то? С этими уродами, — он назвал несколько фирм, — с которыми у застройщиков одни проблемы? С кем, тебя спрашиваю?!

Трубка что-то отвечала — он, похоже, почти не слушал, готова решение.

— Так, — тон Петра Павловича стал спокойным и решительным. — Слушай меня, Сергей Максимович. Ну вот даже если у Пляцковского, как ты говоришь, будут крупные неприятности, даже если отнимут у него бизнес, а самого ушлют рукавички шить, — кому-то этот бизнес ведь достанется, так? Заводы-то останутся. Рабочие, специалисты. Надо же быть полным идиотом, чтобы разрушить всё сразу! Ну, голову сняли — к телу-то можно и другую пришить, так? Какой кретин станет уничтожать прибыльное производство?

Трубка, видимо, возразила. Пётр Павлович взорвался снова: — Слушай, я с тобой говорю уже минут пятнадцать — хватит! Надоело! Решение такое. Ни от каких договоров поставок с Пляцковским не отказываемся. Ну, если тебя так устроит — добавлю: пока. Устроит? Всё, давай работай. Я скоро буду.

Виолетта вышла из ванной, встретилась с мужем — он выходил из кабинета. Пётр Павлович успел стереть с лица черты озабоченности и начатков гнева. Улыбнулся:

— Как спала?

— Замечательно! Слышала звуки сильные — ругался с кем-то?

— Да нет, всё хорошо. Так, текущее.

Он поцеловал жену.

— Отвезти или сама?

— Сама, конечно. Пока ещё накрашусь, пока соберусь. Кстати — помнишь, что я сегодня задержусь вечером? Ритуал.

Пётр Павлович помедлил, ответил — в голосе чувствовалось некоторое напряжение:

— Да-да, помню, конечно. Два года уже помню.

Виолетта подошла, погладила мужа по вискам:

— Прости. Расскажу когда-нибудь. Ничего для тебя оскорбительного. Это ведь главное?

Он мягко отстранился.

— Нет. Не это главное. Искренность — главное. Ты искренна избирательно.

Он помедлил, улыбнулся:

— Впрочем, давай сейчас не станем ссориться, что-то выяснять. Особенно если выяснять нечего. Нечего ведь?

Виолетта легко улыбнулась:

— Нечего. Нечего, Пётр Павлович.

— Ну и хорошо, Виолетта Михайловна.

Он ещё раз поцеловал жену, стал собираться.

— Я сегодня в офисе. Там же обедаю. Дел — по горло.

5.

«Здравствуй и прощай! — скажешь мне при встрече», — пел какой-то старый вокально-инструментальный ансамбль в автомобильном приёмнике. Виолетта, остановившись на светофоре, переключила каналы. Что-то ей не понравилось в словах ли, в мелодии, в исполнении. Хотя песню эту помнила с детства. Переключила — и вздрогнула.

«Прощай, колокольчик, и многая лета! Оставим восторги, погрузимся в Фета...» Песня звучала под гитару, и оттого казалось — автор обращался к ней лично. Доверительно так, щемяще.

Она вдруг заплакала. «С чего бы? — удивилась и почти засмеялась сквозь слёзы. — Дура совсем...» И, как ей показалось, успокоилась.

День проходил дежурно. В середине января люди ещё не спешили нести опустошённые за праздник бумажники и банковские карты в магазин, тем более в обувной бутик. Виолетта общалась с продавцами, помогала наводить порядок на стеллажах, сверять ценники, отвечала на звонки, заполняла какие-то бумаги. Законы, регулирующие бизнес, менялись с фантастической быстротой, требовали боксёрской реакции. И бумаг потому было много.

А в голове крутились слова песни неизвестного автора: «Не с Богом, так с Фетом дотянем до лета. Прощай, колокольчик!» Непонятные слова, туманный смысл... Почему её эта песня зацепила так, что даже слова помнятся?

Вечером встретились с Богданом. Как обычно, кафе было полупустым, Ростислав — хозяин и администратор одновременно — принимал их как традиционных, но неизменно желанных гостей, официант демонстрировал привычную предупредительность. Виолетта оттаяла.

— Как новогодние праздники? — Богдан смотрел на неё с удовольствием.

— Как всегда, в кругу семьи. Приехал сын, посидели, в полночь открыли шампанское, полюбовались с балкона на фейерверки.

Виолетта отпила martini.

— Ну а у вас как?

— Точно так! Нерушимый круг семьи, шампанское в полночь, негромкая музыка, тосты и воспоминания. Ну и, конечно, подарки под ёлочкой! Дети сбегали на городскую ёлку, вернулись скоро — неуютно там, говорят, шумно и матерятся уж очень. Примета времени.

Богдан повертел в руке пустой бокал.

— Скажи, Виолетта... Мы с тобой вот так уже два с лишним года встречаемся. Здесь, в кафе, ежемесячно. Ритуал.

Она невольно вздрогнула: именно этим словом она утром обозначила свою вечернюю задержку мужу.

Богдан заметил, спросил встревоженно:

— Что-то не так?

— Нет-нет, всё так. Говори, пожалуйста.

Он снова повертел бокал. Официант принял это как знак, подошёл:

— Повторить? Горячее будет через несколько минут.

— Нет-нет, спасибо! Это я так, привычка.

Он поставил бокал на место.

— Я вот о чём. Тебе не странно, что мы, взрослые люди, со всей очевидностью любящие друг друга... — он невольно смутился. — Вот надо же, какая казёнщина вылезла: «Со всей очевидностью...» В общем, ясно главное: любящие. И вот встречаемся, наслаждаемся присутствием друг друга — и расходимся, чтобы снова вот так же вот встретиться через месяц. И снова так же разойтись.

Виолетта вдруг засмеялась.

— Ты бы предпочёл, чтобы мы с разбегу бросались в объятия друг друга? Снимали квартиру посуточно?

Испугалась невольной резкости, положила свою руку на его:

— Прости, вырвалось.

Богдан посмотрел на неё внимательно:

— Если вырвалось — значит, думала об этом.

Она убрала руку.

— Что уж лукавить... Думала, конечно. Я ведь женщина. Знаешь, я сегодня по радио песню одну слышала — сразу как-то запомнилась, там есть слова:

Прощай, колокольчик! Спасибо за то, что
не стало, не станет романчиком пошлым,
за то, что — сегодня, за то, что — не в прошлом...

Она, эта песня, о такой вот встрече — внезапной, случайной. О любви, наверное.

Виолетта помолчала.

— Мы сейчас с тобой — как юные любовники, которые ещё боятся перейти черту. Но для юных эта черта — желанна, да и неизбежна. Что там дальше — не важно, будут ли эти любовники всегда вместе или жизнь их разведёт, как чаще всего и случается. Но для них это — начало, первый опыт. Мы уже обросли жизнью. Для нас перейти черту — перевернуть всё с ног на голову. Мы повязаны, мы обручены и обречены быть нужными тем, кто с нами рядом. Это важнее, чем наша с тобой физическая близость.

Она снова помолчала. Богдан слушал внимательно.

— Дело не в том, что та жизнь, что мы имеем, уютна, комфортна. Я вполне проживу одна, я не последний человек в своём бизнесе. Ты тоже вполне самодостаточен, даже вон печки научился класть — значит, и фундамент новой жизни сможешь сложить. Но сделать наши отношения другими — значит, предать не только наших близких. Это значит, изменить нашему с тобой сегодняшнему, нашему чувству, которое можно назвать светлым и непорочным. Пока мы не нарушили его непорочность. Пока у нас всё — романтично и... тревожно. Трепетно.

Она опять погладила его руку.

— Понимаешь, для меня вот это — когда я к тебе прикасаюсь, когда ты мою руку целуешь, и мы при этом трепет испытываем, — это что-то из какого-то неизвестного нам прошлого, из тех туманных веков, которые мы знаем по описаниям поэтов. Что-то из Петрарки, из... Фета. Поступим иначе — сломается всё. Другими станем. И всё станет — другим.

Богдан вздохнул — не тяжело, скорее облегчённо. Как будто сбросил груз сомнений.

— Спасибо тебе, — он приподнялся, поцеловал её руку. — Спасибо. Ты права. Да ведь и я... если все мои душевные переживания перевести в слова — эти слова были бы очень похожи на твои. Ты сказала — и мне стало легче. Стало так же, как было все эти два года. А теперь давай ужинать: несут.

После ужина, потягивая кофе с ликёром, она вдруг спросила:

— Ты читал Фета?

Он удивлённо поднял брови:

— Афанасия Фета? Боюсь, только в рамках школьной программы. Не скажу, что это мой любимый поэт. А что вдруг?

— Понимаешь, меня сегодня весь день преследует тема прощания. Сначала дурацкая песенка из репертуара какого-то советского ВИА, название которого и не вспомню. Потом вот это:

Прощай, колокольчик! Перрон покачнётся.
И кончится всё, и уже не начнётся.
Мы, круг разрывая, погрузимся в Фета,
и — многая лета.

Богдан пожал плечами:

— Неплохие вроде слова, надо поискать. Ну а почему тебя это так беспокоит? Я с тобой прощаться не собираюсь, я тебе опять скажу: «До встречи!»

Она улыбнулась:

— Да, конечно. А вот прицепилась почему-то. Наверное, потому, что слова хорошие. Надо и правда поискать.

6.

Геннадий скучал. От скуки запускал какой-нибудь примитивный тетрис, раскладывал пасьянс, читал детективы Стаута или Гарднера. Отечественные детективы не любил: в западных тоже есть социальная подкладка, но она чужая и не цепляет. Отечественная не то чтобы цепляет всерьёз — так нарочита, что вывернута швами наружу.

Январь — месяц для бизнеса провальный, если это — не супер-маркет. Тот, кто ориентирован на корпоративного заказчика, смело может отправлять своих сотрудников в месячный отпуск. Шеф фирмы, в которой Геннадий работал программистом, так и сделал — отправил почти весь персонал, продлил сотрудникам новогодние каникулы ещё на пару недель от законной нормы. А Геннадия, по взаимному соглашению, как самого необременённого (семьи нет, родители в соседнем городе), оставил дежурным. Он должен был отвечать на звонки, принимать заказы. За неделю после окончания официальных каникул звонки случались редкие, а заказов не было вовсе. Геннадий скучал.

На столе, по обе стороны от монитора, стояли обрамлённые фото. Слева — мелкий Геннадий с мамой на руках. Мама улыбалась, держала сына в кадр, гордилась им. Справа — повзрослевшего сына за руку держал папа, серьёзный, внимательный, в летней соломенной шляпе. Они с папой ездили тогда в Египет, мама не могла, занималась переустройством магазина. Ох и наговорились же они тогда с папой! За жизнь говорили, за смысл её... за любовь. Геннадий покраснел — так уж откровенно папа старался его тогда просветить, оградить от случайностей.

Вдруг позвонил шеф:

— Привет! Ну как там у нас на базе?

Шеф когда-то служил не то в авиации, не то на флоте.

— Тишина, — коротко ответил Геннадий. Спыхватился: — Да, здравствуйте!

— И хорошо. Не скучаешь?

— Кофе пью, в игрушки играю, пасьянс раскладываю.

— И хорошо, — повторил шеф. — Слушай, Гена, тут такой заказ поступил. Надо в одном кафе в областном центре нашу систему смонтировать и запустить. Ложки там у них, вилки пропадают иногда, такое время. Кафе не пафосное, и посетители... ну, или как они говорят — гости, — разные случаются. Возьмёшься?

Геннадий немного растерялся:

— Захарыч, я ж не монтажник — программист. . .

— Я это помню, — усмехнулся в трубку шеф. — Помню и то, что ты всю систему как свою квартиру знаешь. Ну не хочется мне ребят дёргать из отпуска, который сам же им предложил. А этот Ростислав, хозяин кафе, мы с ним давно знакомы, — он почему-то прямо мне позвонил. И попросил сделать сейчас, в январе.

— А чего ему так приспичило? — удивился Геннадий.

— Как у нас, пока посетителей. . . ну, или на их языке — гостей, — немного. Пока наплыва нет.

Геннадий вздохнул. Шеф подбодрил:

— Заплачу тебе и как программисту, и как монтажнику. Ну?

7.

Петра Павловича в компании звали за глаза «Два Апостола». И за имя-отчество, ну и за некоторые качества натуры. За пронизательность. Точнее — за нюх. Он точно знал, с кем из потенциальных партнёров можно дружить — и они тогда станут партнёрами настоящими, а с кем ни в каком случае. Кого пускать в свой строительный рай, а для кого ворота на вечном замке.

В офисе его любили — и замы, и секретарши, и те из «нижнего» персонала, кто был с ним знаком по должности. Сегодня он был немного встревожен утренним звонком зама по снабжению, но в офис явился с неизменной улыбкой на лице. Ободряюще кивнул секретарше. Не любил он слова «референт»: ну какой она референт, по-честному? Значение этого слова он знал, она — не докладчик и не уж тем более не консультант. Милая девушка, стучит по клавиатуре, быстро и умело сортирует бумаги и электронные поступления, безошибочно различает посетителей, грамотно отвечает на телефонные звонки. Помощник директора — ладно. «Работник, ведущий деловую переписку отдельного лица или учреждения». Секретарь и есть.

Он ободряюще кивнул секретарю Людмиле, попросил сварить кофе. Прошёл в кабинет, сел — и задумался. Утренний звонок не прошёл без следа. Если над Пляцковским и правда сгустились тучи, если он настолько неуютен, что у него могут отнять и бизнес, ничего хорошего не светит и ему, Петру Павловичу Селиванову. Пляцковский — давний, надёжный производитель и поставщик самых качественных строительных материалов. Компания Селиванова строила хорошие дома с хорошими квартирами, со времени основания не поступало ни одной существенной жалобы на качество строительства — во многом благодаря партнёрским отношениям с заводами Пляцковского. Проблемы у того начались сразу после знаменитого совещания у президента, когда тот собирал ведущих представителей российского бизнеса. Пляцковский резко негативно высказался о новой экономической политике государства, касающейся даже не столько крупного, сколько

мелкого бизнеса, о налоговой системе, гнетущей вообще всякое предпринимательство. Главное — он произнёс вслух слово «коррупция». Президент глянул на него коротко, усмехнулся холодно: «Я услышал вас, Михаил Самуилович. Я обдумаю ваши тезисы».

Обдумал. Пляцковского стали открыто преследовать, в правительственной и официозной региональной прессе регулярно появлялся негатив, вспоминали дела давно минувших дней, почти студенческие времена, когда Пляцковский с однокурсником сперва фарцевали, а потом занимались ростовщичеством. Это были не слухи и не домыслы — факты, но Михаил Самуилович никогда их и не скрывал. Да, так он начинал свой бизнес. Кто-то действовал иначе? Сегодня у него — большая компания, производственная, не торговая, не посредническая, честно платящая налоги и щедро благотворящая — детям, культуре, просвещению. Но благотворитель в России — первый враг народа, потому что прячет своё мурло хищника под маской добренького дядечки. Словом, Пляцковского вот-вот посадят, и помешать этому не сможет никто. И если даже заводы не разорят (что весьма вероятно — Пётр Павлович помнил дело ЮКОСа), а поставят новых руководителей... Государство не умеет управлять.

Людмила принесла кофе.

— Больше ничего, Пётр Павлович?

— Нет, пока ничего.

А через минуту на аппарате Селиванова мигнула лампочка. Людмила немного встревоженно сказала:

— Вам звонят из приёмной губернатора. Сам звонит. Соединить?

— Да, конечно.

Волоконский был лаконичен как никогда:

— Срочный разговор. Давай прямо сейчас. Жду через пятнадцать минут.

В приёмной губернатора его хорошо знали. Оля, секретарь, пережившая уже трёх глав региона, улыбнулась:

— Проходите, Пётр Павлович, он вас ждёт!

Разговор был и правда срочным и коротким. Волоконский даже не предложил сесть — спешил.

— Ситуация такая. Пляцковского посадят не сегодня-завтра. Если хочешь удержать рынок и сохранить репутацию, тебе нужно менять поставщика. Прямо сейчас. Иначе загремишь под фанфары, за компанию. Только здесь получится — не жид за компанию удавился, а наоборот.

Он сделал паузу, чтобы убедиться, что собеседник всё понял. Поднял бровь нетерпеливо:

— Ну?

Селиванов прекрасно понимал, что у губернатора — меченая карта.

— Что предлагаете взамен, Владимир Викторович?

Тот жестом подозвал к столу, показал бумажку, на которой от руки было нацарапано название компании — производителя и поставщика стройматериалов. Пётр Павлович посмотрел на губернатора с недоумением.

— Они? Это ведь жулики, бракоделы, с ними ни один застройщик работать не станет по доброй воле!

Губернатор прошёл за стол, сел, сквозь очки внимательно уставился на Селиванова. Пауза затянулась. Петру Павловичу стало холодно. — Я не ослышался? — медленно произнёс Волоконский и протёр очки. — Ты назвал моих друзей жуликами и бракоделами?

Он поднял руку, будто Селиванов собрался отвечать, а губернатор этого не хотел слышать. Но Пётр Павлович и не думал отвечать. Он оправился и внимательно следил за главой. А тот вдруг спросил:

— Ты, Пётр Павлович, из дерева ведь тоже строишь? Дерево — это лес. А лес кто-то рубит. Валит, по-гулаговски говоря. Или ты предпочёл бы варежки шить? Верхонки строительные? Думаешь, не найду за тобой грехов? Ну-ну... Вопрос техники. Ты, случайно, наркотиками не балуешься?

Ещё через пять минут Пётр Павлович вышел в приёмную, не ответил на улыбку Оли, выскочил на улицу, глотнул морозного воздуха. Сел в машину; водитель, не спрашивая, повёз его в офис. Там Селиванов попросил Людмилу набрать своего зама — того, с кем говорил утром. — Сергей Максимович, вернётся с объекта — зайди.

С замом беседовал недолго. Тот вышел от шефа задумчив и бледен. После этого Пётр Павлович заперся в кабинете, предупредил Людмилу, что его нет и не будет до завтра... или послезавтра... Вынул из бара непечатую бутылку коньяку — и выпил её всю, наливая в мелкую рюмочку. Рюмка предназначалась для гостей, но других, глубже, объёмнее, в кабинете не было.

Два Апостола пил и думал о том, что распахнул врата в строительный рай жуликам и бракоделам.

8.

Юля очень волновалась. Хотя готовилась к этому загодя. Но забыла сделать то, что планировала. Потому что волновалась. Она собиралась на первое в своей жизни свидание. Настоящее, «по-взрослому», без родителей рядом и в чужой квартире. Наверное, с шампанским. А забыла вот что: заранее договориться с подружкой, что она — у неё на дне рождения, что сильно задержится и лучше бы ей остаться у подружки на ночь. Так всё было серьёзно задумано. Без компромиссов.

И вот теперь Юля договаривалась с подружкой по телефону.

— Викуль, твои же уехали, я знаю, ты одна, мои сроду не узнают — когда у тебя день рождения. Да и всё равно им это, они собой больше заняты, — говорила она просяще. — Давай я у тебя сегодня будто переночую? Тебе потребуется — я тебя выручу, если смогу, конечно.

Ладно? Я, может, и домой вернусь,— неожиданно закончила она,— я ж не знаю — как все обернётся...

Потом позвонила папе:

— Мама станет ругаться, а ты, я знаю, скорее меня поймёшь, хоть и мужчина, — такое было начало.

Богдан поперхнулся чаем:

— Это что значит?

— Я после школы на день рождения иду сегодня к подруге, забыла предупредить,— торопливо заговорила Юля.— Там много народу будет, наверняка всё затянется. Я у неё останусь, чтобы по ночи не шляться и тачку не ловить. Ты скажи маме, пусть не волнуется. И ты не беспокойся.

— Юлька, стой! — почти крикнул Богдан.— Замри. Я и правда, наверное, лучше мамы тебя понимаю, хоть ты и в неё характером. Я сейчас расскажу — что на самом деле, а ты ответишь правду. Ты влюбилась — не сегодня, конечно, но сегодня впервые идёшь на свидание. Настоящее, без папы-мамы рядом. Он один и зовёт тебя к себе в квартиру. Наверное, угостит шампанским — все так делают. Осуждать не стану, влюбилась — всё равно пошла бы, не спрашивая, позвонила — и то спасибо. Но что посоветую? Если он просто козёл похотливый — сразу поймёшь, будет удерживать — дай сковородкой по башке и беги без оглядки. Если ты ему и правда интересна не только как тёлка на предмет трахнуть — тоже поймёшь сразу.

— Папа,— ошарашенно прошептала Юля,— ну формулировочки у тебя...

— Фигня, правда жизни. И если он даже стишки тебе будет читать сначала — всё равно поймёшь, что у него на уме. В общем, если что — тревожная кнопка. Звони. Приеду и убью.

— Ну, папа, ты даёшь,— Юля была растерянна и счастлива.— Я и не подозревала, как ты меня понимаешь... Только маме всё-таки правду не говори, ладно? Женщина ведь. Не поймёт.

Богдан заржал в трубку:

— Договорились!

Юра стихов не читал, но свечи зажёл. Квартира была как квартира, три комнаты, по стенам — картины, где нет картин — застеклённые книжные полки. Родители — юристы, и сам он третьекурсник юридического. Собственно, и познакомились в университете, когда Юля приходила на консультацию. Столкнулись в коридоре, он извинился, заговорили — и понравились друг другу. Несколько раз встречались после занятий, гуляли, он рисовал будущее — пока только своё. Мечтал поработать опыт, открыть свою адвокатскую контору. Это их роднило особенно: оба мечтали защищать, а не обвинять. Наконец Юра предложил свидание. Никаких намёков и двусмысленностей, всё — откровенно: — Давай так: встретимся у меня, вдвоём, а там — как получится. Ничего такого, чего бы ты сама не захотела.

Он помог ей раздеться, повесил пуховик, поцеловал в губы.

Стол накрыл в зале.

— Бабушка называла зал — зала или гостиная, — сказал Юра и показал портрет бабушки. — Родители тоже так привыкли, а вот я — не перенял.

Экскурсию по квартире он не устраивал: книги, картины (немного) — ничего особенного, в общем.

Они пили шампанское, закусывали фруктами.

— У меня знакомый есть, который уверяет, что лучшая закуска к шампанскому — редис, — говорил Юра, — но редис — всё-таки корнеплод сезонный, так что — извини, не запасся.

Она смеялась. Было легко. Сначала. Потом Юра подсел ближе. Стал серьёзным, заволновался, заговорил сбивчиво:

— Юля... Юлечка... Я не знаю, как оно будет потом у нас, как всё сложится... Но сейчас я хочу, чтобы мы стали как можно ближе.

Он гладил её по волосам, по плечам, по груди. Прижимал свои губы к её губам, целовал бережно. Стал расстёгивать кофточку. Она не возражала и тоже волновалась. Она была готова к такому именно свиданию.

Когда уже ничего из одежды не оставалось на ней и на нём, когда оставался последний шаг, Юра вдруг встал, сказал:

— Подожди минуточку.

Он выдвинул из угла заранее подготовленную треногу с фотоаппаратом, направил камеру на диван, на котором она лежала без одежды. Юля смотрела с недоумением. Жар в груди и ниже внезапно прошёл.

— Зачем? — спросила и села.

Юра виновато улыбнулся, не глядя на неё, настраивая камеру, включая режим видео.

— Ну... я же сказал — не знаю, как оно потом у нас сложится. Тебе, как я понимаю, шестнадцать-то есть уже? Ты же сама вправе принимать решение о вступлении в половую связь?

Юля слушала его с нарастающим... нет, не недоумением — со страхом. С таким, какой вызывает внезапная встреча с тараканом, например, или жабой, у которой вокруг огромной мокрой пасти — бородавки. Она стала лихорадочно одеваться. Юра всё поправлял камеру, не замечая её состояния.

— И всё-таки... Я будущий юрист, мне нужны гарантии того, что ты добровольно согласилась быть со мной. Потому что как там дальше... — он наконец заметил, что она одевается. — А ты чего? Ты зачем?

Юля встала, застегнула кофточку. Усмехнулась.

— У тебя наверняка будет своя адвокатская контора, — её душили слёзы, но она сдерживалась. — Ты далеко пойдёшь. Но... бедные твои клиенты.

Она пошла к двери. Юра лихорадочно напяливал на себя штаны, путался в рукавах рубашки.

— Юля, ты всё неправильно поняла! Это я — для себя, чтобы потом вспоминать, потому что неизвестно ведь — что и как...

Ей вдруг стало смешно — так, что она расхохоталась.

— Слушай, у тебя на кухне сковородка есть?

Он растерялся.

— Есть. А зачем?

— Дай мне её. Хотя... лучше не надо. Как бы чего не вышло.

Она открыла входную дверь, оглянулась:

— Пока, Юра. Спасибо за шампанское. Жаль, редиски не оказалось.

Он смотрел ей вслед, не жалко — встревоженно. И почти деловито спросил:

— Ты ведь не расскажешь никому?

Вот теперь ей захотелось вернуться, пойти на кухню и взять сковородку.

Юля захлопнула дверь.

Дома ещё не спали. Галина с удивлением взглянула на дочь:

— А мы тебя не ждали. Что так рано?

Юля неопределённо пошевелила пальцами в воздухе:

— Да так. День рождения не удался. Дураки все, — и ушла к себе.

Ей очень хотелось заплакать, но почему-то не получалось. Утром она всё рассказала отцу. Богдан погладил её по плечу, чмокнул в макушку:

— И шут с ним, убогим. Забудь. Всё хорошо, что случается вовремя.

Он помолчал немного.

— Я не хотел тебе говорить, но лучше, чтобы ты знала. Твоя подруга Вика вчера позвонила. Она... — Богдан заговорил вдруг вкрадчиво-виновато, приглушённо — так, как говорят по телефону, желая поделиться неприличным секретом, подражая подруге Вике, — она сочла своим долгом сообщить, что никакого дня рождения у неё вчера не было, а день рождения у неё вообще летом, и никаких гостей она не ждала, и тебя у неё не было, — он вернул свой обычный тон. — Хорошо, она мне позвонила, а не маме. И, конечно, эта курица просила не сообщать тебе, что она тебя предала.

Юля выдохнула, не в силах произнести в присутствии отца то, что пришло на ум. И стала смеяться. Так громко и заливисто, что в кабинет заглянул Гоша.

— Вы чего тут — анекдоты травите? Завтракать-то дадут?

9.

Прошёл ещё месяц.

Галина никогда не спрашивала мужа о том, почему каждый второй вторник месяца у него занят общением с друзьями. Он ей однажды, в самом начале, объяснил это так:

— Собираемся, пьём пиво, говорим о веб-дизайне, о технологиях новых — о том, что тебе вряд ли будет интересно.

Где собираются — не сказал, чтобы спросить — момент был упущен, да и, в общем, важно ли — где? Галина не была ревнивой, муж ей был дорог, и возвращаться к теме она не стала. Раз в месяц можно потерпеть вечернее отсутствие. Был бы у бабы — женский нюх тот ещё, учуяла бы. Ну а не изменяет — и ладно. У мужчин могут быть свои секреты.

В этот день, однако, ей не повезло дважды. Или дважды повезло — как знать?

Около полудня, перед самым обедом, в корпоративном чате замигало: «Срочное сообщение!» Адресовано было всем сотрудникам, отправитель — Сам. Галина аж привстала от неожиданности. Пляцковский, небожитель, крайне редко снисходил до общения с рядовыми, да и нерядовыми, сотрудниками. Даже она, штатный пиарщик компании, видела его только накануне отчётных сессий, когда собирались руководители и топ-менеджеры всех филиалов, журналисты, сотрудничающие с компанией Пляцковского, и нужно было получить некоторые указания от Самого. Как вести себя с прессой, когда и где назначать пресс-конференцию, что официально заявлять в пресс-релизе, а на что — неофициально — ориентировать коллег. Пляцковский завёл правило: кроме официальной пресс-конференции, он встречался с журналистами неофициально, за чаем с печенюшками, просил при этом операторов выйти, диктофоны убрать, но говорил слова откровенные и — порой — крайне рискованные.

Сегодня день был обычный, февральский, никаких отчётных сессий, письмо в чате было тем более неожиданным, что Галину о планах не предупредили. Михаил Самуилович писал: «Уважаемые коллеги! Убедительно прошу вас отложить все намеченные на сегодня планы и в 17.00 быть в конференц-зале головного офиса. Отказы по любым причинам, кроме собственной смерти, не принимаются». Галина минутку подумала, позвонила по мобильному пресс-секретарю:

— Саша, что это было?

— Ничего не могу сказать, — ответил тот. — Сам в растерянности. Знаю только, что дело — сугубо внутреннее, без пресс-огласки.

Сотрудники собрались — управленцы, специалисты. Пляцковский вышел на трибуну, откуда обычно менеджеры докладывали о достижениях компании за период. Он был одет, как обычно, в серую водолазку и джинсы, был серьёзен и деловит.

— Здравствуйте, коллеги. Я не стану говорить долго, не стану отнимать ваше время. Как вы наверняка знаете, тучи надо мною сгустились. Власти я неугоден. Губернатор здесь ни при чём, команда дана сверху. Бизнес у меня отнимут, это вопрос считанных месяцев. Заодно отнимут свободу. У меня два выхода: составить компанию тем, кто уже сидит, или уехать. Кроме бизнеса, у меня есть другие ценности — жена, дети, родители. Я уезжаю. Как я не раз говорил журналистам — повторяю и вам: у меня нет острова в Тихом океане. Но у меня есть друзья. Пока ещё возможно, они меня ждут. Очень

скоро наша группа компаний перейдёт в руки того, кого прикормило государство. Ваш выбор — работать здесь по-прежнему или уйти в поисках лучшей доли. Советую остаться. Я очень надеюсь, что, расправившись со мной, власть сохранит заводы и людей. У нас редкие специалисты. Заменить вас некем.

Он помолчал, слушая молчание зала.

— Я всё сказал. Вопросов не жду.

Пляцковский резко повернулся и вышел. Тишина — гнетущая, мёртвая — стояла ещё несколько минут. Потом люди стали расходиться — тихо, как с похорон. Галина вышла вместе со Щербиной, пресс-секретарём Пляцковского. Плотный, красивый, лет пятидесяти, хороший журналист и опытный пиарщик, отличавшийся непробиваемым выражением лица, сегодня он выглядел растерянно.

— Саш, что будешь делать? — спросила Галина.

Тот потёр широкий лоб:

— Чёрт его знает...

— Так всё неожиданно...

Щербина усмехнулся:

— Не так уж неожиданно. Сама же рассказывала — вспомни.

Галина вспомнила. Пару недель назад она обнаружила за собой слежку. Ну, или наблюдение. Не обнаружила бы, если бы наблюдающие не вели себя откровенно, нагло до хамства. За её «фордом» прицепилась «Нива» с синим ведёрком на крыше. Подрезала, останавливалась под знаками, если Галина парковалась в кармане и не оставляла места для второй машины. Водитель и пассажир даже дружески подмигивали ей. Она рассказала об этом Саше — тот коротко прокомментировал: — Пугают. Не обращай внимания, но осторожничай. То ли ещё будет.

Кажется, что взять с пиарщика? Но пугали не только её и не только так. Преследовали многих. Случались обыски в офисе и в квартирах. И вот — итог.

После работы Галина не поехала сразу домой, тем более что у Богдана этот вечер был занят друзьями. Ей нужно было собраться с мыслями, как-то согласовать себя с новой реальностью. Она поколесила по городу, съехала по объездной на окраину. Остановилась у незнакомого кафе, решила выпить кофе. Кафе называлось «Сумерки». Галина закрыла машину, подошла к двери, уже взялась за ручку — и вдруг сквозь полуподвальное окно увидела мужа. Богдан тянул коктейль из высокого бокала, улыбался и говорил с женщиной — красивой, породистой, ухоженной. Та улыбалась ответно, склонив голову. Галине сделалось горько и пусто. «Всё-таки баба... Как глупо!»

Она вернулась к машине, села за руль, медленно поехала домой.

10.

Через две недели губернатор Волоконский снова позвонил Петру Павловичу — в этот раз прямо на сотовый:

— Нужно встретиться. Срочно. Жду.

Селиванов чертыхнулся про себя — и так всё рушится, тут ещё этот... Не поехать не мог. Глава встретил его, как в прошлый раз, стоя посреди кабинета.

— Последние новости ты, конечно, уже знаешь, — не здороваясь, блеснул очками Волоконский. — Пляцковский уехал. Ему позволили. Группу компаний хотели национализировать, но решили иначе, — он посмотрел на Петра Павловича со значением. Вдруг смягчился. — Да ты садись. В ногах какая правда? Что-то я... напряжён последнее время. И всех напрягаю. Садись, — повторил и сам уселся — не в кресло, на стул у стола совещаний.

Пётр Павлович сел. Напряжение и чувство тревоги не отпускали. — Я только в ногах у министра не валялся, умоляя его и тех, кто выше, сохранить всё так, как есть. В общем, решение такое. Собственность Пляцковского арестуют за долги... ну, или по какой другой причине. В конце концов, найдут скелет в шкафу, не проблема. Заводы временно перейдут в собственность государства, тут же выставят на торги, новый собственник получит кредит и выкупит все производственные активы. Всё случится быстро и законно. Ну?

Селиванов ничего не понял.

— А я-то здесь при чём?

Губернатор хлопнул себя рукой по лбу:

— Вот я дурак-то! — он громко и неестественно засмеялся. — Главное забыл! Новый собственник — ты. Такое вот решение.

Пётр Павлович медленно поднялся. Лицо его стало багровым. — Слушай, ты... Владимир Викторович... Ты меня за кого принимаешь? Я — не падальщик. Пляцковский не был мне другом, но я его уважаю и как человека, и как предпринимателя. То, что с ним так поступили, — что ж, против лома нет приёма. Но меня оставьте в покое! Моё имя хотя бы не марайте. Ты меня и так нагнул, заставив отказаться от его услуг — оставь это на моей совести, не вешай на меня новых грехов.

Селиванов направился к двери, нечаянно пнув стул. Волоконский вдруг засмеялся. Это было так неожиданно, что Пётр Павлович остановился, обернулся на губернатора. Тот поднялся, тоже пнул стул — намеренно, превратив сцену в карикатуру. Подошёл к Селиванову. — М-да... Недаром тебя сотрудники зовут Два Апостола... Давай-ка ещё раз присядем, я тебе кое-что объясню. Сразу скажу: откажешься — ничего с тобой не случится, угрожать тебе не стану, не вижу смысла. Но ты не откажешься.

Пётр Павлович нехотя вернулся, сел.

— Вот слушай, Пётр Павлович. Я — губернатор не самой маленькой в России области. Заводы Пляцковского — не все, но главные, добывающие и производящие основную линейку, — здесь, на нашей территории. Это — и налоги, и занятые люди, и экономический престиж.

Капитал, если хочешь. Мой политический капитал. Сейчас вся эта экономика Пляцковского эффективна до удивления. Мне нужно, чтобы это удивление на правительственных лицах сохранялось как можно дольше. Мне нужно эффективное производство, нужны успешные предприятия. Корыстен я? Да, конечно. Честолюбив? Без меры! Видишь, как я с тобой откровенен? Ты мне нужен, Пётр Павлович. Но корысть здесь, думается, может стать обоюдной. Сам подумай: активы Пляцковского перейдут в руки государства — им очевидный кирдык. Государство управлять не умеет. Люди, конечно, в том числе специалисты, разойдутся по другим предприятиям — но: предприятий немного, и не будет уже такой концентрации тех, кто умеет и хочет работать. Тебя знают, тебе доверяют. От тебя не уйдут.

Губернатор сделал паузу.

— Ну?

Пётр Павлович барабанил по столу. Гнев ушёл, осталась озабоченность.

— Ну хорошо... Но кредит...

— Кредит обеспечим гарантиями, — твёрдо произнёс Волоконский и поправил очки. — Я правильно понимаю — ты готов?

Пётр Павлович вздохнул тяжело — так тяжело, что Волоконский хмыкнул:

— Да ладно ты! Не Родину продаёшь...

— Убедили, Владимир Викторович. Только давайте уж хотя бы для виду аукцион устроим.

— А без этого никак, нам без этого закон не позволит! — губернатор радостно потёр руки, встал. — Кстати, Пётр Павлович, мы тут вроде по твоей инициативе на «ты» перешли? Ну так пусть так и будет. Хорошо?

Селиванов молча кивнул.

— Детали — после, как только всё будет готово. По рукам?

Пожали руки.

Селиванов приехал в офис, попросил Людмилу ни с кем его не соединять, достал из бара коньяк...

II.

Галина решила ничего мужу не говорить о том, что увидела, ни о чём не спрашивать. Мало ли... С одноклассницей встречался, может, да не стал жене говорить, чтобы не заревновала. Если даже застарелая любовь — ну, бывает. «Одноклассница», судя по виду, тоже далеко не молода и, скорее всего, не одинока, да и Богдан вряд ли станет менять состоящую жизнь. А спросишь — начнёт волноваться, объяснять... врать... Когда вот так подумала — горечь прошла, наступила трезвость ума и оценки. И на время она забыла об этом. Потому что на работе события развернулись стремительно.

Компании Пляцковского были проданы так скоро, что даже отечественные инвестигейторы не успели проследить и что-то понять. Всё

произошло в считанные месяцы, если не сказать — недели. Уже в начале марта, незадолго до женского дня, позвонил Саша Щербина, сказал: — Завтра в десять ноль-ноль нас ждёт новый шеф. Нас с тобой, — подчеркнул он. — Видимо, будут установки.

Никаких особых установок, впрочем, не было. Пётр Павлович, подтянутый, живой, энергичный, возрастом, пожалуй, чуть меньше Щербины, обоим пожал руки, жестом показал — садитесь.

— Давайте, ребята, откровенно, — начал он после обмена дежурными представлениями. — Думаю, для вас я не кот в мешке, вы знаете обо мне достаточно, чтобы составить представление. Наверное, потому до сих пор не подали заявления об увольнении. И всё же в ваших глазах я — варяг, притом ухвативший готовенькое. Не стану скрывать, в каком-то смысле так и есть.

Александр и Галина переглянулись. Селиванов усмехнулся: — Шокирую? Ну а как ещё объяснить, что компания теперь принадлежит мне?

Он помолчал.

— Я, может, и не хотел бы, но должен быть и буду с вами откровенен по двум причинам. Во-первых, это поможет нам с вами понять друг друга и, возможно, друг другу поверить. Во-вторых, это поможет вам правильно построить стратегию и тактику отношения с прессой, которая, конечно, будет искать причины и назначать следствия. Так уж она устроена. Согласны?

Журналисты синхронно улыбнулись. Кажется, поверили новому шефу.

— А раз так — станем работать!

Он не сказал — «начнём работать». Он сказал — «станем». Тем самым обозначив себя не как варяга, который огнём и мечом сперва выжигает и косит наработанное предыдущими хозяевами, а потом по собственному лекалу выстраивает бизнес. Чаще всего такой путь кончается тупиком. Пётр Павлович решил сохранить и приумножить. Галина и Александр поняли и приняли.

Поднимаясь, Галина невольно бросила взгляд на стол руководителя. Её внимание привлекла фотография женщины — по виду молодой, очень красивой, очень... породистой. Кого-то она ей напомнила.

— Ваша жена, Пётр Павлович?

— Да, моя жена. Единственная и вечная. Не расстанусь с ней даже здесь, как видите, — он легко улыбнулся.

Галина смутилась:

— Простите моё любопытство.

— Ну что вы! Пиарщики вправе знать о шефе всё, включая его семейные отношения, — он засмеялся — так же легко, как улыбнулся.

И пожал Галине руку.

Они вышли вместе — она и Саша Щербина. Прежде общались редко, функционал как-то не особенно соединял, разные были задачи

у каждого. Случившееся их сблизило невольно. Саша кивнул в сторону своего кабинета:

— Зайдёшь? Обсудим.

Кабинет пресс-секретаря в точности повторял кабинет руководителя пиар-службы, располагались они на разных этажах, но выглядели близнецами. Пляцковский даже ключевых сотрудников не особо баловал роскошью в части убранства служебных помещений, ну а журналисты и пиарщики к ключевым и вовсе не относились. Правда, у Щербины в стенной нише был свой маленький бар — у Галины такого не было. Саша открыл бар, достал бутылку, сполоснул бокалы.

— Не возражаешь против хереса? Успокаивает.

Налил, выпили молча. Галина усмехнулась:

— Как на похоронах...

Щербина усмешку не принял. С треском поставил бокал.

— Ножку отломишь, Саша.

— И хрен с ней.

Помолчал.

— Ты понимаешь, что мы сейчас совершаем предательство? Мелкое, но всё-таки.

Галина не то чтобы удивилась. Её тоже мучало непонятное чувство — вины, стыда... Но вот так отчётливо произнести — «предательство» — она не могла.

— Отчего, Саша? Мы работаем в компании, которую создал Пляцковский, теперь она перешла — пусть даже не совсем легитимно — всё-таки в хорошие руки, в руки человека, которого мы тоже знаем и которому можем доверять. По крайней мере, знаем, что он — не жулик. Почему — предательство?

Щербина задумчиво посмотрел в окно — были видны голубые ели, высокие, старые, посаженные ещё в советские времена, они укоризненно качали верхушками. Допил херес, налил ещё.

— У меня в жизни был такой эпизод. Лет двадцать пять назад — так, кажется, не скажу точнее, — был у меня свой бизнес. То есть мы его делили втроём, но инвесторами были два моих партнёра, будущие муж и жена, тогда они были любовниками. Ясно изъясняюсь?

Щербина вдруг мгновенно опьянел. Галина посочувствовала:

— Не очень, но говори. Пойму.

Он снова налил себе и, не спрашивая, плеснул ей.

— Я реально управлял этим бизнесом, нанял людей, команда была классная, мы очень скоро стали обгонять конкурентов.

— А бизнес какой?

Щербина недоуменно уставился на неё:

— Ты что? Журнал, конечно, что я ещё умею делать? Ну вот. Всё хорошо. Но... С партнёрами у нас скоро возникли разногласия, особенно с дамой. Она ревниво относилась к моим новым назначениям, не признавала, что своё дело я знаю лучше, чем они оба. Давала дурацкие советы.

В конце концов мы разошлись. Я вышел из проекта, и вслед за мной уволились все сотрудники. Никого не подговаривал — просто завязаны все были на меня. Мне верили, им — нет. Я был своим — и журналистом, и бизнесменом, ни разу ни в одном из этих качеств не подвёл никого, а кого-то чему-то и научил. Остался один. Он честно сказал: «Для дальнейшей карьеры мне нужен статус редактора. Здесь больше никого нет — значит, редактором назначат меня. Простите, я остаюсь».

Щербина снова замолчал, налил опять полный бокал — бутылка почти опустела.

— И? — нетерпеливо произнесла Галина.

— Ну что — и? Проект скоро закрыли. Мой бывший сотрудник вышел в редакторы. Два десятка лет прошло. Сегодня мы с ним иногда видимся — до сих пор вежливо раскланиваемся. А когда-то были почти друзьями.

Саша отхлебнул.

— Понимаешь, всё ведь вроде правильно. Он честно признался: нужен статус, и только ради этого остаётся. И я понял и принял. Но... вот, блин, получается как в анекдоте: ложечки отыскались, но осадочек остался. И не могу ничего с этим осадочком поделаться, понимаешь... И он тоже, судя по всему, мучается. Тоже — осадочек...

— Думаешь, и мы теперь такой осадочек в себе носить станем?

Щербина усмехнулся:

— Ну а чего тут думать-то?

Он допил херес.

— Но решение-то мы приняли? И оно правильное, чёрт возьми...

12.

Отнудил короткими метелями февраль, март в самом начале стал недобро, исподлобья, косыми лучами поглядывать на зимние сугробы, ещё не поджаривая, но уже местами оплавляя снег. Ходить по городу стало труднее из-за гололёда. Зимний гололёд, о котором предупреждает автомобильный компьютер, — ничто перед тем, который начинается ранней весной. Даже не весной ещё — тогда, когда весна только предчувствуется, только обещает прийти. Дневные лучи ласкают упавшее с неба полотно, снег разнеженно тает, течёт истомой, ночью не ушедшая пока зима шикает на не пришедшую ещё весну, и к утру торопливая нежность оборачивается ледяной коркой непонимания. «Люди, падая, бьются об лёд».

Ближе к весне у Богдана появились заказчики на печи — да столько внезапно, что их пришлось выстраивать в очередь.

— Время такое странное, — говорил владелец фирмы из Медногорска, — странное время. В январе звонит мне хозяин кафе из области, просит поставить камеры слежения — вилки-ложки воруют, представляете? Ну, раньше, в советские времена, помню, воровали и правда ложки-вилки в столовых. Сейчас-то?!

Богдан осматривал дачу, в которой нужно было сложить печь, не сразу понял — о чём речь. А хозяин очень просил участия:

— Нет, вы представляете?

Богдан представил.

— А что за кафе-то? Где? У вас, в Медногорске?

— Я ж говорю — в области, у вас! — хозяин, похоже, обиделся.

— А, понятно, — виновато сказал Богдан и извинился. — Вы простите, я же сейчас всё внимание — вашей будущей печке... А какое кафе? Может, знаю? Может, сам пару вилок оттуда утащил? — он попытался снять неловкость.

Хозяин засмеялся облегчённо:

— Вряд ли вы там бывали! Оно на окраине, и название подходящее: «Сумерки».

Богдан невольно вздрогнул.

— Я знаю это кафе. И — точно! — камеры там как раз зимой появились. Ну да ладно, давайте сформулируем техзадание...

Был вечер второго вторника месяца, и был тот самый день. Богдан возвращался домой из кафе. После встречи с заказчиком — капризным и довольно бестолковым — он всё-таки успел на встречу с Виолеттой. И вот — возвращался. Душа, как всегда, пела. Настроение было приподнятое. Он отчаянно скользил по тротуару, который уличные дворники не успели освободить ото льда, а городские службы не удосужились хотя бы посыпать просто песком. Богдан ругался — и всё-таки пел про себя. Каждая встреча с Виолеттой создавала настроение приподнятое, и хватало этого настроения надолго.

Он поскользнулся, упал — и понял: в локте — трещина или перелом. Больно очень, хотя не ужасно. Вдруг вспомнилась песня, слова которой Богдан сначала услышал от Виолетты, а потом отыскал в интернете, скачал и теперь иногда слушал в машине:

Прощай, колокольчик. До века отныне
сменить нам небесную твердь на твердыню,
роптать потихоньку на дикую долю
и воли не помнить.

И — дальше:

И веры не выбрать, и воли не помнить,
смирясь, изучать географию комнат,
под платом, халатом, под палевым пледом —
до лета, до века!

«Вот теперь так и буду — под халатом, под палевым пледом, пока рука не наладится...»

Он с трудом встал, отошёл к обочине, где гололёд был не так отчётлив. Боль в руке нарастала. Как назло, рука — правая. Достал

телефон левой рукой — с трудом, потому что привык действовать правой. Вызвал такси.

Дома жена посмотрела на него внимательно, охнула, посадила в машину, отвезла в травмпункт.

— Трещина, — веско и устало сообщила женщина в белом стираном халате. — Наложим шину, забинтуем, походите так недельку — и снова к нам. Срастётся, думаю. Перелома, главное, нет.

Она склонилась над бумагами.

— Вы доктор? — на всякий случай уточнила Галина. Богдану было всё равно. — А может, рентген сперва?

— Медсестра, — так же устало, не отрываясь от бумаг, сообщила женщина в халате. — Нет у нас докторов ночью. Не бывает. И рентген ночью не работает. Ну, давайте вашу руку.

Галина внезапно, почему-то именно здесь, в травмпункте, поняла, чья фотография стояла на столе у Петра Павловича.

13.

Мартовским вечером, в середине недели, в кафе «Сумерки» вошла женщина. Возрастом, по виду, слегка за сорок. Внешность не яркая, но привлекательная, живое и умное лицо, подтянутая фигура, решительные складки у губ... да что там: была это Галина. И пришла она, как уже понятно читателю, на разведку. Боем.

Бармен, он же хозяин Ростислав, повёл себя как в тот раз, когда в это кафе впервые вошёл Богдан. Он кивнул — поздоровался и одновременно указал свободный столик, хотя в кафе почти никого не было, — и отвернулся, уткнулся в какие-то бумаги. Галина, однако, садиться не стала. Она подошла к хозяину:

— Здравствуйте.

Тот поднял глаза:

— Добрый вечер! Присаживайтесь, официант подойдёт.

— Спасибо, но я с вопросом. К вам лично.

Хозяин оторвался от бумаг, удивлённо поднял лицо:

— Слушаю.

Галина вынула из сумочки фотографию:

— Скажите, вам это лицо знакомо?

Ростислав посмотрел на фото, медленно перевёл взгляд на гостью:

— Вы кто?

— Какая разница? — Галина старалась говорить спокойно, но получалось плохо. — Этот человек ведь бывает здесь?

Ростислав вздохнул. Он успел собраться.

— Почему я должен отвечать вам?

— А почему нет?

Хозяин вышел из-за стойки, жестом пригласил женщину к столу:

— Давайте всё-таки сядем, и вы мне объясните всё. Хорошо?

Галина хотела возразить — и вдруг подчинилась. Они сели. Ростислав попросил официанта принести чай.

— Не возражаете против зелёного?

Она молча кивнула.

— Ну, рассказывайте.

Галина вопросительно подняла брови:

— Я?

— Ну не я же к вам пришёл с вопросами и фотографией. Чего вы хотите?

Она вздохнула — вздох невольно получился жалобным, беспомощным.

— Понимаете... Это — мой муж. Я знаю, что каждый второй вторник месяца он здесь бывает, встречается с женщиной. Я знаю, кто она. Я не представляю, какие у них отношения, но... но это — мой муж. А она — жена моего шефа. И встречаются они...

— И встречаются они уже третий год, — перебил её хозяин. Он говорил без всякой интонации, просто констатировал факт. — Они приходят в одно и то же время, сидят за одним и тем же столиком, сидят ровно два часа — и уходят в разные стороны. Он ей ручку целует. Вы это хотели узнать?

Галина улыбнулась беспомощно:

— Наверное... — и вдруг её осенило: — А скажите, у вас же есть в кафе камеры слежения? — она показала пальцем на потолок, где виднелся объектив камеры. — Вижу — есть.

Хозяин пожал плечами:

— Да, этой зимой установили. Посуда стала пропадать. По мелочи, но неприятно. Район сами понимаете какой — окраина, постоянных гостей здесь немного, случаются такие, кто за рюмкой или кружкой пива приходит, ну и уносит с собой что под руку попало. Не уследишь. Вот и пришлось...

Галина неожиданно положила руку хозяину на локоть. Спросила, волнуясь:

— Сколько времени хранятся записи на камеру? Неделью, месяц, год?

Хозяин снова пожал плечами, на сей раз растерянно:

— Не знаю... Ну, наверное, пока памяти хватает, потом стираются — и всё пишется заново... Просто не знаю, честное слово!

— Но вот недавние записи — скажем, прошлой недели или прошлого месяца, — они ведь должны сохраниться?

Хозяин опять поднял плечи:

— Наверное. Надо специалистов спросить, которые камеры ставили.

Галина сжала пальцами его локоть — так, что Ростислав удивился:

— Спросите, а? Пожалуйста. Очень вас прошу. Если да — я готова купить у вас эти записи.

Ростислав от неожиданности крикнул, стряхнул руку Галины.

— Вы в своём уме? С какой стати я вам стану что-то продавать? Вы потом будете этих людей шантажировать, я в жизни не отмоюсь от позора, даже если вы никому об этом не скажете! Совесть-то у меня есть или как?

Галина хотела ответить — вдруг лицо её залила краска. Она закрылась руками, посидела так. Успокоилась.

— Простите... Я вовсе не хотела обидеть вас, — снова помолчала, отхлебнула горячий чай. — Да и не знаю я, насколько у них это... серьёзно. Никого, конечно, шантажировать не собираюсь, зря вы это, — она отодвинула чашку с чаем. — Сколько с меня?

Он пожал плечами, глядя на неё внимательно и с неожиданным сочувствием.

— Нисколько. Моё угощение. Да вы и не выпили ничего.

Галина поднялась, поправила стул.

— Прощайте. Спасибо вам. И простите меня.

... Да, да, я, автор, должен был заставить её выпросить у хозяина кафе эти проклятые записи, чтобы показать их Петру Павловичу — Два Апостола и вместе с ним обсудить — как быть дальше. Да, я должен был назначить Ростислава корыстным и алчным, позволить ему заработать на продаже этих записей много денег, которые он пустил бы на обновление интерьера своего заведения. Он бы тогда новые светильники зажёл. Да, всё это было в плане повествования. Но... как иногда говорит мой компьютер, что-то пошло не так. Глава под номером тринадцать стала для автора не то чтобы роковой или несчастливой — переломной. Персонажи оказались лучше, чище автора. И сами распорядились своей судьбой.

14.

В Медногорске, в компании, где работал Геннадий, было не в пример январю оживлённо. Не то чтобы аншлаг заказчиков, но и не простой, когда специалистам приходилось развлекать себя стрелялками в интернете или просмотром горькой правды на запрещённых новостных сайтах. Геннадий был занят, рисовал охранный периметр, расставлял датчики и камеры наблюдения на участке заказчика. Дисплей показывал периметр, программист оценивал — в каких местах расставить электронных следаков, как организовать систему наблюдения с наименьшими затратами на персонал. Так была поставлена задача. В это время позвонил шеф:

— Ген, привет, — и — без предисловия: — Дело такое. Помнишь, осенью ты монтировал систему наблюдения в кафе «Сумерки» в областном центре? Её надо снять.

Геннадий не понял:

— Что значит — снять?

— Понимаешь, — неловко замялся шеф, — ситуация странная. Позвонил владелец, сказал: система себя не оправдала, вилки тырят

по-прежнему, а из-за камер постоянные гости нервничают: мол, за кого нас здесь держат? Местечковая психология. Гена, прошу: поезжай, сними эти чёртовы камеры,— и, опережая возражения: — Заплачу вдвое.

Геннадий чертыхнулся:

— Ну а с текущим заказом как? Он тоже вроде такой... нетерпеливый.

— Объясню заказчику. Навру. Скажу — заболел ты, — шеф хохотнул, — ковид у тебя.

— Типун тебе на язык величиной с лошадиную голову, Захарыч, — от души пожелал Геннадий. И засобирился: — Когда ехать?

— Уже.

15.

Богдан сидел дома с шиной на руке, злился, что не может работать, что пришлось отложить печку в Медногорске. «Пустяковая трещина — а полная парализация воли и возможностей», — думал он невесело.

Пришла Галина. Чмокнула, посмотрела на него странно, сказала:

— Переоденусь — приду поговорить.

Богдан пожал плечами.

Галина пришла в домашнем, спросила неожиданно:

— Выпить не хочешь?

Он удивился:

— Что-то случилось? Хорошее или плохое?

Жена усмехнулась:

— Трудно сказать... Налью?

Не дожидаясь ответа, достала из шкафчика бутылку красного сухого вина, налила два бокала. Богдан всегда держал в кабинете вино и коньяк, хотя выпивал редко.

Они чокнулись. Богдан внимательно смотрел на жену. Вино показалось безвкусным, хотя Испанию он любил и ценил за богатый вкус. Он поставил пригубленный бокал, спросил — голос звучал хрипловато, выдавал волнение и ожидание неприятного разговора:

— Что же всё-таки, Галя?

Она тоже поставила бокал — он был пуст. Налила ещё.

— Я была в кафе «Сумерки». Я видела тебя с женщиной. Её зовут Виолетта. Она жена моего нового шефа.

Богдан от неожиданности встал. Прошёлся по кабинету. Сел. Улыбнулся невесело.

— Ну да, ничто не вечно. Когда-то наша тайна должна была стать достоянием близких... Пётр Павлович тоже знает уже?

— Если и узнает, так не от меня.

Галина повертела бокал.

— Скажи мне, это серьёзно?

Богдан вздохнул, допил вино, открыл шкафчик, достал коньячную рюмку, бутылку. Одной рукой открывать коньяк было неудобно, он

жестом попросил жену помочь. Галина открыла, налила. Богдан молча выпил.

— Ну, слушай. Только постарайся не перебивать и дослушать до конца. А там решишь сама — как поступить.

Он рассказал ей про тот, самый первый, студёный ноябрьский вечер, рассказал о первой встрече с Виолеттой, о первых стремительных чувствах и моментальном прозрении.

— Мы сразу, без тени сомнения, без предисловий и — главное! — без слов поняли, что мы созданы вот для таких встреч. Не для постели, не для утех. Потому что постель и утехы влекут за собой предательство. Мы никого не хотели предавать. Да что «не хотели» — не хотим. Один день в месяце мы принадлежим друг другу. Разве это преступление? Это же всё равно, что я бы с друзьями раз в месяц пиво пил, разве нет?

В этом месте Богдан покраснел. Последняя фраза вырвалась поперёк воли и показалась уж слишком обывательской. В ней содержалась неправда. Ему стало стыдно.

Галина снова усмехнулась, не холодно уже, не отстранённо — горько. — Никого не хотели предавать... Так ведь предали. Сам-то понимаешь?

Богдан не ответил. Налил рюмку — на этот раз самостоятельно, здоровой левой рукой.

— Кругом виноват... Что же ты предлагаешь?

Галина допила вино, убрала бутылку в шкафчик. Решительно посмотрела на мужа:

— Предлагать я ничего не стану. Предлагать — значит, советоваться. В моём положении не советуются, а принимают решение. Я его приняла.

16.

В семье Селивановых было маленькое семейное торжество. Пётр Павлович и Виолетта отмечали двадцатилетие совместной жизни. На какие-то гастрономические изыски времени не хватило. Виолетта купила торт, Пётр Павлович принёс шампанское — тем и ограничились. Неожиданно приехал Геннадий, хотя для него такого рода даты были не то чтобы совсем уж пустым звуком — родителей он любил и уважал, но всерьёз к годовщинам не относился. Мало ли когда кто кого встретил и в каких обстоятельствах... А вот приехал, сидел, слушал, пил чай с тортом — шампанское нельзя, за рулём, возвращаться в Медногорск ночью. С каким-то загадочным, непохожим выражением смотрел на мать и отца. Как будто что-то взвешивал. — Помнишь, как мы встретились? — Пётр Павлович был у в ударе, размахивал бокалом, расплёскивая вино. — Университет, твой матфак, мой физфак... Студенческая столовка. Девушка с подносом тычет пальцем в меню и говорит подруге: «Представляешь, бефстроганов из минтая!» И обе громко хохочут. А я, провинциальный балбес, возмущённо оглядываюсь: что смешного-то? Мне этот бефстроганов

очень нравился, потому что был дешёвый. И натыкаюсь на глаза — и понимаю, что попал. И возразить уже не могу, и чуть поднос свой не уронил.

— Да, да, — подхватывает Виолетта. — Так и было, помню. Я ещё подумала: какой неуклюжий, — и даже посочувствовала. Зато потом — откуда храбрость-то взялась? — как ни войду в обед в столовую, так непременно следом в очереди этот физик интеллигентный, улыбается, только что не кланяется и шляпы не снимает. «Я, — говорит, — столик занял!» — и кивает подносом в нужную сторону. Ну как устоять?

— Да-да, — почти перебивает Пётр Павлович, открывая вторую бутылку Mondoro Prosecco, — так и было, так точно и было! А потом — помнишь: «Не могли бы салфеточку передать?» Ну, я передал. А на салфеточке — помнишь?

Виолетта смеётся от души:

— Как забыть такой шедевр изящной поэзии? «Виола, Виолетта, туманятся глаза. Войду в тебя, как в Лету, и не вернусь назад!» Салфеточку не сохранила, каюсь, так ведь наизусть помню!

Она поставила бокал, подошла к мужу, прижалась, поцеловала нежно, искренне.

Геннадий поставил чашку с чаем на стол — так поставил, что отломилась гнутая ручка, а на скатерти образовалось бурое пятно. Он секунду повертел в руке отломанную ручку, бросил на скатерть, в чайную лужу. Родители с удивлением посмотрели на сына:

— Что-то не так?

— Пап, мне поговорить надо с тобой. Можем без мамы? В кабинете? Я потом уеду, тороплюсь уже, лучше прямо сейчас. Прости, мама.

Пётр Павлович пожал плечами:

— Ну... у мужчин свои секреты... Извини, Виола, надеюсь — мы ненадолго.

Виолетту что-то царапнуло, став предчувствием.

...Прежде чем снимать камеры и демонтировать всю систему слежения в кафе «Сумерки», Геннадий попросил хозяина на всякий случай посмотреть последние записи. Вдруг на них что-то такое, что Ростиславу покажется важным? Тот пришёл, бегло просмотрел.

— Нет, ничего полезного, можно всё обнулять.

И ушёл.

Геннадий некоторое время посидел в оцепенении. Он тоже смотрел записи. Он увидел мать, потягивающую martini и любезно беседующую с незнакомым мужчиной. Незнакомым ли? Геннадий ещё раз прокрутил запись. Да нет, мужчина был хоть и далёким, но знакомым, из тех, о ком говорят: «Он меня вряд ли вспомнит, но я-то его знаю». Это он выкладывал печь на даче Захарыча, когда Геннадий проверял работу камер слежения. Они бегло поздоровались и больше не виделись, мужчина был слишком увлечён работой, но лицо почему-то запомнилось. Запомнилось и редкое имя: Богдан.

В кафе они — Богдан и его мать — общались так, что сомнений не возникало: сидят двое влюблённых. Геннадия стало горько и тоскливо. Он вдруг вспомнил картину, которую подарил родителям на какой-то праздник: двое сидят на старинных венских стульях, глядя не то на Эйфелеву башню, не то на собор Нотр-Дам, и подпись: «Двое в парке Тюильри». Он подарил эту картину не слишком знаменитого художника — как символ вечной любви. И — вот она, любовь, вечная и неувечная...

Геннадий выделил фрагмент нужной записи, скопировал его на флешку. Зачем? Сам ещё не мог дать себе в этом отчёт.

И вот — дал.

— Пап, я тебе сейчас ничего не стану говорить, только попрошу посмотреть запись. А потом поговорим.

Пётр Павлович не понимал, но молча согласился. Геннадий включил компьютер, вставил флешку...

Отец поставил пустой бокал, хрустнул пальцами.

— Что ж... Откуда это?

Геннадий рассказал. И, опережая вопросы:

— Я принёс это тебе не затем, чтобы ты ругался и потрясал кулаками. Да тебе это и не свойственно. Мне просто стало обидно за тебя. За вашу любовь стало обидно. И за себя, конечно.

Пётр Павлович сидел, снова взял бокал.

— Там, в шкафчике, за стеклом, коньяк. Плесни, пожалуйста. Прямо сюда, в этот фужер. Что за мужик-то, знаешь?

Геннадий махнул неопределённо — почему-то не захотел признаваться, что знает.

Пётр Павлович выпил коньяк, внимательно взглянул на сына:

— Понимаешь, Гена, что совершил сейчас поступок... необратимый? О нём забыть никто никогда не сможет. Понимаешь это?

Геннадий посмотрел на отца внимательно и понимающе:

— Да, папа. Я всё понимаю. И цену своему поступку хорошо знаю. Я долго колебался... ну ладно, не очень долго, просто время поджимало. И знал я, что ты мой поступок не примешь и осудишь. И я потом из этого своего Медногорска по телефону с вами общаться стану, а ты и мама под разными предлогами будете от встреч откашивать. Не дурак я, папа. Но... Ты меня послушай, прежде чем осуждать и решения принимать. По крайней мере, решение в отношении меня.

Он вдруг взял бутылку, плеснул себе коньяка, выпил, поморщился:

— Не пью ведь совсем почти... Дрянь. Ладно, дальше. Мама для меня всегда была почти иконой, понимаешь? Ты, когда я маленький был, дома редко бывал, выстраивал бизнес, приходил поздно, я тебя почти не видел. А она мне сказки рассказывала. В том числе те, в которых ты — герой, — Геннадий усмехнулся — добро усмехнулся, без подтекста. — Ты и правда был героем и для меня, и для мамы. И её сказки стали былью, я на тебя стал равняться. Но и она для меня потому осталась... Андерсеном.

Он снова выпил. Пётр Павлович смотрел на сына с тревогой:
— Ничего? Не переберёшь? Ехать-то?

Геннадий махнул рукой:

— Заем чем-нибудь. По городу уж как-нибудь. А у нас на пропускном на этот предмет не проверяют, главное — пропуск.

Но рюмку всё-таки отдал отцу, чтобы больше не соблазниться.

— Ну вот. И понимаешь, вот я вижу: родная моя мама, для меня святой человек, сидит с мужчиной, который явно не просто знакомый, они что-то там пьют, он ей ручку целует... Папа! Что я должен делать? — он совсем тихо сказал: — Это ведь предательство? Я не прав?

Пётр Павлович вздохнул — так глубоко, как вздыхают перед прыжком:

— Предательство, Гена. Но ведь и то, что ты сейчас сделал, тоже предательство. И исправить ничего уже нельзя.

Из кабинета они вышли вместе. Пётр Павлович был заметно пьян.

— Проводим Гену, ладно? Ему пора. Потом поговорим.

Виолетта молча согласилась.

Поговорить не вышло. Проводив сына, Селиванов вдруг ушёл в кабинет, махнув жене рукой: «Сейчас!» Там налил почти полный фужер коньяку, оставалось бы в бутылке больше — налил бы полный, — залпом выпил, сел в кресло — и мгновенно уснул. Виолетта, не дождавшись, тихонько заглянула в кабинет, принесла плед, накрыла супруга и ушла в спальню. Предмет несостоявшегося разговора ей был понятен.

17.

Завтракали исподтишка. Пётр Павлович делал вид, что ничего не помнит, и жаловался на головную боль. Виолетта сочувственно разводила в стакане шипучку из уксуса и соды, поила мужа. Так и разъехались по офисам, едва прикоснувшись губами к щекам.

В кабинете Пётр Павлович, не запирая двери, достал бутылку коньяку, налил полную рюмку, выпил. Через минуту стало легче. На селекторе замигал огонёк, секретарь спрашивала:

— Пётр Павлович, вы свободны? К вам Галина Сергеевна. Говорит, по срочному делу, потому не стала звонить предварительно, сразу сюда.

Галина вошла стремительно, поздоровалась и, не садясь, так же стремительно проговорила:

— Пётр Павлович, дело у меня к вам почти интимное.

Он посмотрел с удивлением — и вдруг понял всё.

— О как! Ваш муж встречается с моей женой — так? Раз в месяц. В кафе «Сумерки». Я видел запись. Вы об этом?

Галина медленно села.

— Коньяку? — участливо спросил шеф. — Разговор-то не короткий.

Он нажал кнопку селектора:

— Нам — два крепких кофе.

Когда кофе принесли, он наказал:

—Никого ко мне. У меня срочное секретное производственное совещание.

Совещались долго. Бутылка коньяка опустела, достали другую. И, что удивительно, не опьянели оба. Хотя Галина горячилась. Она сняла пиджак, в котором имела обыкновение находиться в офисе, осталась в блузке.

—Ну, вы понимаете ли? Вот месяц она, ваша жена,—здесь, с вами, и мила, и улыбочива, и послушна, и с детьми и вами—само совершенство. А один день—один только день в месяце, понимаете?—она не с вами, она—с ним, с моим мужем. Нет, не в постели,—предупреждая его возражение, почти закричала Галина,—не в постели! Так ещё хуже, Пётр Павлович! Хуже ещё, понимаете?

Он искренне не понимал.

—Ну как вам... как объяснить-то вам? У неё душа—не с вами, всё это время—не с вами. Телом она—здесь, а душой... Любовь у них, одним словом, Пётр Павлович. Такая, какую в постель не спрячешь. Ей и постели не надо. Они—всеми молекулами своими, всеми атомами друг другу принадлежат. И нам с вами между этих молекул и атомов места нет,—она повторила жёстко:—Нет нам с вами места. Лишние мы.

Помолчали. Выпили ещё. Он повертел рюмку. Взглянул на её откровенную блузку. Усмехнулся:

—Интересно, вот если бы мы с вами, Галина Сергеевна, сейчас... согрешили, это считалось бы изменой тем, кто нам уже изменил?

Он махнул рукой.

—Ладно, чепуху говорю, конечно. Что вы решили?

18.

Апрельским вечером в кафе—ещё сумерки, ещё не лето, хотя и сумерки иные, они светлее и радостнее, чем осенние. Скажем, чем ноябрьские. Богдан вдруг пришёл раньше почти на полчаса—так не бывало за два с лишним года никогда. Официант и хозяин поглядели на него с плохо скрываемым удивлением. Поздоровались, спросили: всё ли в порядке? Богдан махнул рукой, с которой только что сняли шину,—неуклюже ещё махнул:

—В порядке, в общем. Так, по работе неприятности.

И попросил коньяку на аперитив.

—Мохито тоже, но попозже, хорошо?

Тянул коньяк. Почему-то звучало в памяти:

Прощай, колокольчик. Перрон покачнётся—
и кончится всё. И уже не начнётся.
Мы, круг разрывая, погрузимся в Фета,
и—многая лета.

Он усмехнулся: Фета почитать так и не удосужился. Наверное, хороший поэт.

Допил коньяк. Принесли мохито. «Значит, сейчас придёт».

Но и она пришла не в своё время — опоздала на целых десять минут. Он встал, встретил, помог раздеться.

— Не замёрзла? — он старался улыбнуться.

— Нет, что ты! Апрель... Я на минутку.

Виолетта ушла в дамскую комнату. Официант вопросительно поднял руку. Богдан кивнул: как всегда.

Однако, вернувшись в зал, Виолетта жестом подозвала официанта, спросила:

— А что у вас из крепкого, помимо коньяка и водки? Дайте настойки какой-нибудь тогда. И — после — как всегда, мартини.

Официант удивился несказанно, хотя не подал виду. Настойка была брусничной, собственной — местной — выделки. Виолетта выпила её почти залпом. Всё это время Богдан наблюдал за ней с возрастающей тревогой. И понимал прекрасно, откуда тревога. Спросил всё-таки: — Не так что-то?

Виолетта тянула уже мартини, они уже заказали горячее. Она вздохнула:

— Ты сам знаешь, думаю. Кажется, мы теперь свободны, Богдан?

Он улыбнулся:

— Значит, всё как я думал. Да, жена подала на развод, я не возражал. Стало быть, и твой муж решил так же? Не спрашиваю, впрочем.

Он взял её руки, крепко сжал.

— Ты понимаешь, Виолетта, что теперь мы можем быть вместе? Можем не просто встречаться вот здесь, в этом кафе? Можем, ни от кого не таясь, быть вместе где угодно. И жить в одной квартире: хочешь — в моей, а нет — в твоей? Жена мне квартиру оставляет, сама берёт в ипотеку. Да взяла уже, Пётр Павлович выдал ей кредит от фирмы, беспроцентный.

Виолетта засмеялась, как всхлипнула, ответила на его рукопожатие.

— Так ведь и мне Пётр Павлович квартиру оставляет. Вот как... Можем жить где хотим.

Богдан широко улыбнулся, свободно, открыто, позвал официанта:

— А дайте нам, пожалуйста, шампанского! Мы тут свободу празднуем.

Они говорили — много, бестолково, ни о чём и — о будущем. Как жить станут. Как будут путешествовать. Как, наконец, перестанут прятаться от людей, скрывать свои чувства, как будут эти чувства показывать.

Горячее почти остыло — они не заметили. Шампанское выпустило пузыри — они не почувствовали вкуса. Так было хорошо и свободно!

Наконец часы показали почти полночь.

— Ого! Столько мы с тобой здесь никогда не сживали, — сказал Богдан, поддерживая Виолетту под руку.

Оба были изрядны. Официант по его просьбе вызвал такси, водители этой фирмы уже знали, куда везти пассажирку.

— Ты точно не хочешь доехать? Дойдешь ли сам-то? Напились же мы с тобой, — Виолетта говорила, слегка заикаясь, и сама смеялась своей заикастости.

Богдан отмахнулся:

— Нет, я пока пешком. Переварить же надо.

Он поцеловал Виолетту — на этот раз крепко, в губы.

— До встречи. Надеюсь, скорой. Как только разводы кончатся, созваниваемся и... дальше... ну, в общем... чего там! Люблю тебя!

Поцеловал ещё раз и пошёл, маша рукой уходящему такси.

Виолетта сидела на заднем сиденье такси. Ей было плохо. Нет, её не тошнило, хотя выпили они много. Ей было плохо иначе. Она хотела заплакать — и не получилось. Тронула рукой водителя:

— Вы курящий?

Он пожал плечами:

— Да, но... у меня в салоне не курят.

— Тогда дайте мне сигарету и остановите, пожалуйста. Подождите, пока покурю.

Богдан шёл по улице. Слезы застилали лицо. «Счастье! — думал он. — Наконец-то — счастье!»

19.

Больше они не встречались.

Эпилог

Сумерки в этом, почти крошечном, кафе наступали сразу, без прелюдии и увертюры. Эти сумерки были осенними, ранними. За столиком сидел молодой человек лет двадцати с небольшим, пил кофе. Допил, подумал — и заказал официанту мохито.

— Только постарайтесь, чтобы вода была настоящая содовая, не какая-нибудь минералка. Я определяю.

Официант чуть помедлил, улыбнулся неизвестно чему.

— Я постараюсь.

Молодой человек был здесь впервые, это угадывалось по тому любопытству, с каким он оглядывал зал. Невольно морщась, оглядывал старые светильники, полуподвальные окна, немолодую обивку стульев. Хозяин Ростислав внимательно наблюдал за его реакцией, улыбался про себя. Наконец не выдержал, подошёл.

— Помните ведь меня, Геннадий? Вы у нас сигнализацию ставили, потом снимали. А в зале, вижу, впервые. Не нравится?

Геннадий из уважения встал, хотя ему этого совсем не хотелось. Пожал руку.

— Помню, конечно. Да, в зале не бывал. Не думал, что у вас так... допотопно.

— А представляете, сколько мебели я бы накупил, какие светильники зажёт бы, если бы согласился на предложение — продать записи встреч и провозаний вашей матушки и её друга? Было такое предложение. — «Светильники зажёт», — медленно процедил Геннадий.

— Ну так ведь не зажёт, — улыбнулся без веселья Ростислав. — Не иуда. И бизнесмен, видимо, не очень успешный. Отдыхайте. Зовите, если что. Хотя официанты у меня хорошие.

Геннадий сел, задумался. Попросил меню.

И в это время вошла девушка.

Боже, как она была хороша!

Он отодвинул меню, встал:

— Разрешите поухаживать?

— С удовольствием! — она улыбнулась — и Геннадий пропал.

— Не откажетесь составить компанию? Здесь больше никого, даже поговорить не с кем.

Она простила ему неуклюжесть фразы.

— С удовольствием! — повторила. — Закажите мне, пожалуйста, сухой martini с джином, а я пока...

Она удалилась в дамскую комнату.

Душа Геннадия пела. Мир стал волшебен и прекрасен. Девушку звали Юлия.

Сентябрь 2021 — 14 марта 2023

Виталий Овчаренко

ОСЕНЬ

Осень пахнет свежим ветром
И твоими волосами,
Лёгким дымом сигаретным
И каплей дождевой,
Осень пахнет первым снегом,
И колючими усами,
И открытым настезь небом
У тебя над головой.
Осень — это стылый воздух,
И тепло твоих объятий,
И, как чудо, в тучах звёзды,
И украденная ночь.
Осень — город на ладони,
Ты да я в одной кровати,
Наше время, как в погоне,
Улетающее прочь.
Осень, стань моим дыханьем,
Осень, стань моей любимой,
От свиданья до свиданья
Мне не дай сойти с ума,
Дай мне музыку и слово,
Будь всегда со мной незримо,
Чтобы я родился снова
И закончилась зима.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВЕСНЫ

Все мы — свидетели зимы,
Которая живёт полгода
На землях нашего народа,
От Колымы до Костромы.
Здесь день как тень, и ночи лик
Снег улиц превращает в море,
И в этом ледяном заторе
Стоят дома как корабли.
Команда спит, умерив прыть.
Невесел «Роджер» — мёрзнут кости.
Балкон — как капитанский мостик
Для тех, кто вышел покурить.
Но года вечная петля
Затянется на шее снега —
Сойдутся альфа и омега.
Зиме конец. Грядёт земля.

ПОЛГОДА

Без тебя квартира умирает.
У часов случилась аритмия,
Перекрыты водоток и газ.
Лишь сквозняк, резвяся и играя,
В дом приносит запахи иные,
Краску стен сбивая на палас.
Полок опустевшие проёмы —
Сотни книг, стоявших здесь полвека,
Унеслись в библиотечный рай.
Наши чёрно-белые альбомы
Прячут тень живого человека:
Память по страницам собирай.
Мебель, что ещё в восьмидесятых
Создавали братья-югославы,
Расчленишь, иначе не пройдёт
В двери кооперативной хаты,
Где везде следы мелка́-отравы
И герань полгода не цветёт.
Что здесь дальше будет, неизвестно.
Это нежеланное наследство
Продолжает нервы ворошить.
Я хочу услышать гром небесный...
Но ремонт сотрёт остатки детства.
Всё изменим, мама. Будем жить.

ГРАЖДАНСКАЯ

Новому времени новые символы —
Светлого завтра и смертной тоски.
Время собраться с последними силами,
Время разбрасывать «лепестки».
Будут ли наши сердца успокоены?
Сложно гадать по полёту не птиц...
Строгие лики диванных воинов
Сурово глядят с интернет-страниц.
Катится солнышко в речку Смородину,
Катится жизнь неизвестно куда.
Время любить и охаивать Родину,
Жечь и отстраивать города.
Веру, надежду, любовь исковеркав,
Каждый уверен в правде своей.
Новое племя ловцов человек
Вербует граждан чистых кровей.
А те, кто снова стал молодым,
Смотрят на землю и видят дым.
И если дыма нет без огня,
То в этом огне ждут тебя и меня,
Ведь это так здорово — быть молодым,
Ведь это так здорово — быть...

ЛАСКОВАЯ КОШКА

Полумесяц в облаках
Проплывает за окошком.
Там Аллах, тут только страх,
Ночь и ласковая кошка.
Маме — восемьдесят пять,
Мама спит, она устала.
Ей бы встать да погулять,
Только сил осталось мало.
Будут ночи, будут дни,
Не согретые любовью.
Ты один — и все одни
С телефоном в изголовье.
Вот такая дребедень.
На балконе спит картошка.
Полужизнь и полутень...
Плачет ласковая кошка.

Альбина Мамаева

МАМИНА ПОМОЩНИЦА

— Вальтя, ты не лешака ли там делаешь? Не уснула в кутё-то? Три чашки два часа музóлишь...

— А мне куда торопíтца-то? Вымою успею.

— Ну дак конешно, куда торопíтца? Скоро-то вымоешь, дак ишшо ково-нить делать заставят... А едак весь вечер в куте проши́рисся. Нет, как подружки в клуб зовут, дак не два дни собирайся! Кáтанки-то, однако, на ходу надеёшь.

— Ты пошто меня опеть лентяйкой выставляешь? И никуды я не собираюся. В избе помогу да пойду баню чередíть.

— Но, паря, ишшо не башше! С тобой уж всё ли ладны?

— Ладны-ладны... Тебя жалко — на работе пристаёшь, и в избе работы полным-полно.

Мать оболочлась, выскочила на улицу. Смела с крылечка снег, расчистила дорожку к воротам. Воротилась с берёмем дров.

— Забыла тебе сразу-то сказать: я в па́ужну Райку стретила, от самолёту шла. В город, бывать, скаталася. А в́нарядилась — мамы родимы! В этой лопати́не по морозу-то самый раз бегать! Ва-ай, меня бы тятя в этой обдергайке увидал, так бы взашей наклал, забыла бы наряжатца. Тыфу! Глядеть-ту гадко-на́гадко. Каки-то ботинчишки на высоком ходу напялила, што на ходулях шагат. Дак от них какой толк? Ноги хоть как задирай, сё равно весь снег в ботинках. А на само́й-ту не поймёшь хто, пальто — не пальто, теплушка — не теплушка... Главно, никово не прикрыват, а она в одних фильдипёрсовых чулках! Подумала бы головой-то, экой мороз на улице, а она с голыми голяшками! На руках перстяточки — как пальцы не отпали? В рукавичках-ту как бы не башше? Красота, руки в тепле. А в перстятках все пальцы на́разно — как не околеют?! Дак я не успела поздороватца. Бежит врысью, зад отклячила, догнать неможно́. Докуль до дому-то добежала, дак у ней, однако, всё отшшипáло.

— Как бы не так! Сроду никово не ознобила. Какой лешак возьмёт эту толстожопу?! Вай, мама, я Райке-то заказывала катётку купить к новому пальту́. Как бы не обробеть, а то перехватит хто-нить.

Вальтя на ходу сбрасывала фартук, напяливала катанки:

— Ну чё, придётца тебе самой посуду домывать.

Мать попробовала остановить:

— Ты это куда нагишом-ту да голоу́шем направилась? На улице низовка тянет да снежок пробрасывает!

Та ничё не слушала:

—...Не забудь в бане трубу закрыть да вымыть. А то тятя явитца — нам обоим попадёт, што баню не направили.

—Я тебе чё сказала?! Давно ли кахыкала? Разжарило ей! На, эвот, хоть полушáлком окинься, он не задавит...

Докуль мать выговаривала да доставала полушалок, девка уж воротами хлопнула.

—Ну вот, опять и пособила управитца... Помошница...

ЯГОДНИЦЫ

—Федосья, ну чё, до управы завтра в кóлок сбегам, черёмушки посбирам? Я вчерась со своёво покосу шла мимо — уж до чево рясна́ виситца, какэсь задавна́!

—Вай, ты уж наготово окружала с припасом, таскашь и таскашь. У тебя куды в дуплѐ-то вохóдит?

—Н-но, те года боле набíрывала. Семья-то немала, все ись-пить просят. Ну и чё? Долго думать нековды. Нас дожидатца не будут, кто-нить да опередíт. Которы ближе кустики, и так уж все ошмоктáли.

Федосья не знала, чё сказать:

—Вай, Верка, и черёмухи посбирáть бы нады, и спать охота... Всѐ лето в работе, хоть бы раз выспатца вдóсталь...

Вера с досады хлопнула себя по голяшкам:

—Я как знала! Што бы вчерась-то отказатца, я бы нашла напарницу. А счас впяту пошла, заотвѣливала.

—Да я так... Думаю, докуль бегам зад-перѐд, на работу бы не обробеть. А то потом не оправдашь...

—Мольчи лучше! Без тебя хоть бы вправду контору не прикрыли. Как колхоз без шшитовóду полчаса проживёт? Ты своёй головой-то подумай: мы с чево обробѐм? Вперѐд просты́ будем, можно врысью бежать. А по одному туесочку долго ли набрать?

—Оно хто чево? Не дашь договорить, сразу реветь нады. Я вѣчѐр до ночи огурчишки солила, нисколь не поспала. В контору-то минута в минуту прибежала. Дак приседатель-то меня по-всякому вѣгадил при всѐм народе. Прямо вся работа без меня стала! А не дай Бох — обробѐла бы? Самово лешак дó свету приводит, и штоб все на месте были! А завтра опять раным-ранó ставать...

—Я бы и одна сбегала, да третьёводни слышала, Женя-пастух челядятам сказывал: недалёко от поскóтины медвежонка видали. Можеть, нарачí страшшал, штоб не бегали далёко от деревни, а? Как думаешь? Я и так-то боязлива, а счас и дóсталь. Нюрку зревѣть ли, ково ли... Да лешак с ей, с черёмухой. Одна ни за што не побегу. Можеть, завтра-послезавтре ково-нить сомушшú...

—Ох и умеешь ты разжалобить! Вот слушаю тебя и прямо верю: не наберѣшь ты этот несчастный туесок — вся семья ваша голодной смертью ишшо до Новово году вѣмрет! Чѣрт с тобой, собирайся!

По-соседски...

— Дуня, у тебя нонче рассадишки капустной нисколь не будет? Останетца, дак не выбрасывай.

Дуня распрямилась, стряхнула с рук землю:

— Вот дак здорово! Тебе хто направил готову-то рассаду? Самой-ту ли́хо было посадить?

— Да с чево лихо-то? Посадила. Нонче нарачи ráно расплевала. И прочкнулась куды с добром, я нарадоватца не могла. А третьёвонди Аксинью лешак привёл не ко времю — я как раз рассаду-то раскрыла. Уж она охала да охала над яшшиком, всё выпрашивала, как я садила да чем поливала. Изурóчила вить, жаба в рот ей сядь! Хто бы сказал — не поверила бы. А как не поверишь, ковды на другой день рассадишка чернеть стала, а утресь гляжу — пропала вся подчисту? Осталось если корешков пять. Дак и те вот-вот упадут.

— Гли-ка ты! Я думала, об ней так болтают... Неуж вправду глаз худой?

Настасья перекрестилась на Ангару:

— Вот святая икона — нисколь не вру: вся деревня говорит. Я и сама йздива вышла. А ты чё, сама не знашь: ей житья не будет, которой день никому не нагáдит...

— Вай, она не думат, што ей самой аукнетца опóсле. Никово люди не боятца!

— Не бай, девка, оставила без капусты, змея подколодна.

— Гли-ка, Настасья, у них вить родовá-то (хоть ково возьми!) вся добра... А эта в ково выродилась?

— Дак оне вить с Веркой-ту двойняшки, кому чужому скажи — сроду не поверят. Старики не здря говорят: в семье не без урода.

— Ну-у-у, про Верку чё говорить? И приветлива, и певунья, и плясунья. Дак и на лицо — картинка.

Бабёнки ишшо постояли, поразговаривали. Евдокея заторопилась:

— Чё стоим? Нихто не прибежит огород-от полоть.

— Ну дак, родима, не забывай про капусту-то. Я вить не даром прошу, заёмно. Тоже опосле ково-нить дам.

— А-а-а, заёмно, дак это другой разговор... Пошто не останетца-то? А ты знашь чё? Так-так-так... А! У тебя ланись каки-то помидоры сладкі были. Ты уж никому не ондавай.

— Поране-то пошто не спросила? На окошках тесно, сколь лишних было, дак я своёй девке утащила да золовке. Ну... пяток корней сэкономлю.

— Сваття Галина сказывала: мол, до чево у тебя картошки рассыпúчи, какесь во рту тают, и родятца хорошо. Вправду говорит али врёт?

— Дак это уж кому каки глянютца. Так-то мои картошки все хвалят.

— Их тоже нагребви ведёрка два-три. На развод, — Дуня взялась перебирать в уме, чё ишшо выпросить, да как бы не продешевить... всё-то не упомнишь. — А пошли к тебе в избу, я на месте погляжу — может, ишшо хто погянетца. Сразу всё и уташшу, чё здря бегать?

Настасья замешкалась с ответом. От Евдокеи не спрячешься:
— А ты бытго недовольна чем-то? Своё-то жалко? Я вить и так от себя отрываю, выручаю по-соседски. Без капусты-то как зимовать будешь
— Нет, Дуня, мне счас на ум пало: хрёсна сказывала, семян всяких из Кежем навезла да на радостях насадила всево полным-полно. Счас всем раздаёт. И мне навеливала, да я отказалась. Побегу у ней возьму, докуль всю не раздала, сама знашь, она вить наравне со мной вся простодыра.
— Чё на другой край бежать-то? Я тебе и через заплот подам.
— Дак у тебя рассада-то дорогá выходит... Век не рашшитаюсь...

Настасья обтёрла руки, сняла грязной фартук и направилась к воротам. Не дай Бох, хрёсна и вправду все излишки распехала по деревне.

Сергей Мамзин

ОСЕННИЙ САД

Уже давно отплодоносил
И, редким дням погожим рад,
Стоит глубоким креном в осень
Поникший, опустевший сад.

Под птиц отлётных крик печальный,
Под прелых листьев дух густой,
Такой забытый, изначальный,
Такой... не выразить какой!

НЕВОЗВРАТНОСТЬ

Гамлету Арутюняну

Как это было бы не хило —
Смахнуть с души усталость дней,
Купить бутылочного пива
И напрямиком на Енисей!

Где над протокой ветки гнуты,
Пыхтит буксир издалека,
А мы такие — фу-ты ну-ты! —
Схватили чёрта за рога!

А мы такие задаваки —
Поставим пиво в родничок.
А на газете — шуки-раки!
И в сумке кое-что ещё...

А мы такие молодые —
Нам тридцать с хвостиком едва.
Ещё родители живые.
Да и страна ещё жива.

Ещё мы даже и представить
Не можем, что́ нам предстоит!
А теплоходик уплывает,
И пиво чуточку горчит.

БЕССОННИЦА

Проснусь и не могу заснуть.
Подумать бы о чём хорошем,
А в голове сплошная муть
Дремотной сыплется порошей.

Хочу представить что-нибудь,
То, от чего вдруг станет легче,
Но эта тягостная муть
Меня терзает и калечит

До двух, до трёх и до пяти
(Уже пропел соседский кочет).
И сну давно пора прийти,
Но он никак идти не хочет.

Хоть на колени становись,
Хоть в перья изорви подушку,
Хоть слёзно умолай: вернись! —
Хотя бы дрёмою под утро.

Сон не идёт. Идёт она,
Та, что бессонницей зовётся.
Живу в двух ипостасях сна,
Ночь — как гражданская война:
То я в плену, то сон сдаётся.

Да только мне-то это на?..

СОН

Ты думай обо мне,
Прошу тебя не слёзно.
Мы в разных городах
И в возрасте ином.
Ты думай обо мне
Шутя, полусерьёзно,
Как будто незначай.
Как будто о другом.
Пусть это будет снег
Иль морозящий дождик.
А может, просто ночь
И тихий лунный свет.
Ты думай обо мне,
Как думает художник,
Забывший поутру
Приснившийся портрет.

СКАЗКА ИЗ СНА

Ни удали, ни доли
Я обрести не смог.
Искал я ветра в поле —
Увидел сена стог.

Но что с того мне толку,
Что сквозь него прошёл?
Заветную иголку
Я так и не нашёл!

И двинулся по пашне
Вслепую, наугад.
И встретил день вчерашний,
Он молвил: «Здравствуй, брат!

Чего же ты, мой милый,
Гуляешь налегке?
Возьми, тебе по силам», —
И дал kota в мешке.

А тот весёлый котик,
Как в сумку кенгуру,
Упрятал ловко в ротик
От бублика дыру.

И звонко закатился
Смешком из-под усов.
И в белку превратился,
И крутит колесо!

ЖИЗНЬ

Со среды на пятницу
И в пике, и ввысь,
То вперёд, то пятится
Раскоряка-жизнь.

И не нажил золото.
И не пропил дом.
Сплав Серпа и Молота
Отвезли на слом.

И в любовь не верится.
И запас иссяк.
И планета вертится
Наперекосяк!

ШАЛАШ

Число потерь, число пропаж
Всё больше нас одолевают.
И наш спасительный шалаш
Уже давным-давно не наш,
Не греет и не укрывает,
А время тает, тает, тает...

Зима или осень. Смешалось.
Неделю подряд дождит.
Не жизнь, а сплошная жалость
И накопленье обид.
Земля в чёрно-белых красках,
И зябко, из-под плаща,
Ты говоришь мне: «Здравствуй!»—
Похожее на «Прощай»...

Но иные пришли времена,
И на карте исчезла страна,
Где когда-то мы жили и были.
И любили молве вопреки.
Словно кони в ночи напылили...
Умер сад у засохшей реки.
И деревья под корень срубили...

МОЯ ЖИЗНЬ

Всё в этой жизни бывало.
Всё, от любви до тоски.
Жизнь и вином угощала,
И раздавала плевки.
Многое было и сплыло,
Что никому невдомёк.
Было и мыло мне в рыло,
Было и шило мне в бок.
И на охоте трофеи,
И на рыбалке улов.
Было — и «ботал по фене»,
И сочинял будь здоров.

ПРОЩАЛЬНОЕ

Ни в четверг, ни в субботу, ни в среду,
Ни зачем, ни за что, никогда
Я отсюда уже не уеду
Ни назад, ни вперёд, никуда!

Я ещё, как подросток, считаю,
Что старик — это вовсе не я,
Я ещё по ночам улетаю
В те сады. В ту тайгу. В те края.

Где друзья. И зарплата как праздник.
Где подъезды открыты всю ночь...
Сны мои и грустны, и напрасны
И ничем мне не смогут помочь.

Но однажды, в субботу ли, среду,
В саквояж уложу я года
И уж точно-преточно уеду!
Даже знаю примерно куда.

РЫБАЛКА НА БАРТАТЕ

Дело было на Бартате
В несть каком году.
То ли кстати, то ль некстати
Я нашёл уду.
То ль удил я, то ль чудил я,
То ли пруд мутил.
То ли карасей ловил я.
То ль народ смешил.
Леска лопалась на части,
Снасть была тонка.
Но глаза горели счастьем,
Как у дурака!
Солнце шло за лесосеку,
За день подустав,
И лягушки, как соседки,
Ахали в кустах.
До небес пылали ветки
Жаркого костра.
Это было в прошлом веке.
Вечером. Вчера...

Вячеслав Лукьянов

Разлом

ГЛАВА 1

Шёл конец 1919 года. Стоял страшный мороз. Конный дозор каппелевской дивизии входил в старинное село Боготол. Наступал зимний вечер. Мороз усиливался. Было так холодно, что собаки не хотели вылезать из своих тёплых укрытий и так это нехотя погавкивали на незваных гостей, отработывая хозяйскую кормёжку.

ГЛАВА 2

Село Боготол стоит на Московском тракте и упирается улицами в реку Чулым. От Чулыма поднимался туман, укутывая добрую половину улиц. В ту пору Чулым был глубокой и многоводной рекой. Летом по нему плавали небольшие корабли. А работники купца Шалыгина гоняли по Чулыму плоты с лесом. Сам-то Шалыгин Михаил Прохорович держал в устье речки, что впадает в Чулым в конце села, бондарку, и его бондари делали первоклассные бочки. Шалыгинские бочки были так хороши, что на ярмарках, которые проводились один раз в сезон, за ними приезжали купцы от Новониколаевска до Минусы. Была у Шалыгина и бригада рыбаков, которые за сезон налавливали по две тысячи пудов рыбы. Рыба была всякая: елец, сорога, щуки и окунь, язь и ерши. А больше всего ценились стерлядь и осётр.

Михаил Прохорович был умный и разворотливый мужик. Работников своих он никогда не обижал. Платил им за работу хорошие деньги. На работу к нему не так-то просто было попасть. Был он хлебосольным и добрым человеком. Построил в селе детский сад, чтоб учителя и все служащие водили туда своих детей. У простого-то люда дети были под присмотром матерей или бабушек. Женщины не работали на производстве, за редким исключением, а были домохозяйками и сами воспитывали своих детей.

Был у Михаила Прохоровича большой цех для переработки рыбы. Давненько он, будучи в Новониколаевске, загулял в кабаке. Загулял широко — чисто по-русски. Угощал всех. Познакомился он там с астраханским мужиком Иваном Середой. Документов у него не было, и Шалыгин поверил на слово: Середа так Середа. Привёз он этого Середу в Боготол.

А тот оказался беглым. В Астрахани убил свою жену с любовником и убежал в Сибирь. Оказался очень ценным работником. Как вкусно он рыбу солил и коптил! Никто так не мог. Михаил Прохорович

своему Серede и документы сделал, и дом купил. Сосватал ему девуку хорошую. И так приблизил этим своего работника, что тот готов был за него жизнь отдать.

Жена Середы, Настя, так же как муж, была очень предана семье Шалыгиных.

ГЛАВА 3

Поручик Антон Шалыгин во главе дозорного отряда каппелевской дивизии как на крыльях летел по улицам родного села, чтоб быстрее увидеть своих родителей и сестёр. Подскакав к родному дому, Антон постучал в ворота. Собаки подняли лай. Вскоре вышел отец. И как же они рады были друг другу! Обнимались, целовались. Потом, вспомнив про свой отряд, Антон приказал всем заводить коней во двор. Двор был огромный.

Сразу же Антон расспросил отца, нет ли красных в селе. Но о них тут даже и не слышали. Лошадей расседлали, завели их в загон, дали сена, насыпали в кормушки овса. Засуетилась прислуга. Начали топить печи, жарить, парить. Но Антону сейчас не до гулянья.

На горе, недалеко от села, остановилась дивизия, и люди ждут сигнала. Антон со своим ординарцем набрали сухих дров, керосина и в огороде развели большой костёр. На горе люди увидели условный сигнал: врага нет, заходите. И дивизия быстро двинулась в село. Генерал Каппель приказал расквартироваться в сельских домах, чтоб немного отдохнуть, отогреться, пополнить запасы провианта. Это уже не та дивизия, которая наводила ужас на германские тылы с 1914-го по 1916 год. Где появлялась дивизия Каппеля, там были плен или смерть. Другого не дано. А сейчас, после переворота 1917 года, дивизия, истрёпанная и поредевшая, с боями продвигается на восток.

В дневном переходе от дивизии шли красные полки. А от них пощады не жди.

ГЛАВА 4

На берегу Чулыма стоит государственный кирпичный завод. Глина в этом месте была очень хорошая. Инженер Корнеев, проведя исследования залежей глины и проверив её качество, дал добро на строительство кирпичного завода в 1820 году.

Завод построили быстро. Деньги на строительство вложили немалые. Построили жильё для рабочих. Набрали штат работающих в 1823 году. Завод стал выпускать кирпичи. Кирпич был хороший. Покупали его на строительство магазинов и церквей и на многое другое.

Вот вблизи этого-то завода Антон Шалыгин, возвращаясь с охоты на косачей, а косачей он добыл пять штук, встретил красивую распутную девуку. Антон и сам был красивым статным парнем. Девка первая подошла к Антону и, увидев у него ружьё и мешок за плечами, так это заигрывая, говорит ему:

— Что, охотничек, дичи настрелял? Не хочешь бедную девушку угостить?

— Да для такой крали не жалко.

Снял из-за спины мешок, развязал его, вывалил содержимое на землю. А там — красавцы-косачи, пять штук. Девка говорит:

— Можно, я одного петуха возьму?

— Не петухи, а косачи. Ну, всё равно петухи, забирай хоть всех.

Девка взяла одного покрупнее. Потом подошла к Антону, встала на цыпочки и поцеловала в щёку. А он ведь был ещё нецелованный. Взяла косача и побежала. Немного отбежав, оглянулась и говорит ему:

— Завтра приходи сюда в это же время.

Антон домой пришёл, отдал матери косачей, а перед глазами у него стоит та красавица. Еле ночь переждал. Днём помог мужикам на мельнице мешки с зерном переносить под навес. Пришёл домой, переоделся. Мать спрашивает:

— Ты куда собрался, сынок?

— Да прогуляюсь, мама.

— Ну, иди уже, — заулыбалась мать.

А самой любопытно, куда он пойдёт. Забралась на чердак, дом у них двухэтажный, с чердака всю округу видно. Антон пошёл в сторону Цыганского мостика. Почему Цыганский мост? Раньше там за речкой постоянно цыгане останавливались и ставили шатры, с тех пор прижилось название.

Затревожилось материнское сердце, слышала она, что есть в той стороне красавица, но красавица распутная. Уж не к ней ли пошёл Антон?

Антон идёт и ног под собой не чувствует. Подходит к тому месту, а красавица его уже ждёт. Подошёл он к ней, дрожит от волнения. А она его как обнимет и давай целовать. Потом берёт его руку в свою и просовывает её между своих ног. А там такое! Антон как в рай попал. Недалеко стоит стог сена. А в нём пещера сделана. Залезли они в ту пещеру и миловались до утра. Наутро она его спрашивает:

— А как же, красавчик, зовут-то тебя?

— Антон. А тебя как?

— Настя.

Утром Антон приходит усталый, весь помятый. Мать его спрашивает:

— Ты где был, сынок?

Тот что-то невнятное промямлил и пошёл на сеновал спать. Днём выспался, а вечером опять к Насте. Ведь её ласки слаще всего на свете. И опять до утра. Так было несколько дней. Не выдержала мать и рассказала обо всём мужу. Он сам-то ничего не знал об этом, весь в делах.

Вот вечером Антон ушёл к Насте, а родители сели вдвоём за стол и повели беседу. Про эту Настю уже не один человек рассказывал, какая она вольная и охочая до мужиков. А Настя — пройдоха ещё

та! Узнав, что отец у Антона первый богатей на селе, в очередной приход Антона наотрез отказалась принимать его ласки.

— Что же, — говорит, — Антоша, мы, как нелюди, всё прячемся?

— А что же мне делать? — говорит Антон.

А Настя ему:

— Давай свадьбу сыграем, тогда я любить тебя буду пуще прежнего.

Запечалился Антон. Но что делать — пошёл домой. Вечером, когда сели ужинать, говорит отцу:

— Тятя, я жениться хочу.

— На ком же, сынок?

— На Насте, с кирпичного завода.

— А какая у неё фамилия?

— Не знаю, тятя.

— Да как же, сынок, жениться, даже фамилии не зная? Надо девушку узнать хорошо, а потом и жениться на ней.

— Все равно, тятя, засылай сватов.

Тут Михаил Прохорович рассвирепел и давай ему рассказывать, что кто только не спал с этой Настей. Но Антон не унимался, требовал заслать сватов. Подумал Михаил Прохорович и говорит:

— Будет тебе двадцать три года, тогда и женю на Насте, а сейчас тебе и ей испытательный срок.

Делать нечего, согласился Антон. А на следующий день пошёл к ней. Но Настя его к себе не подпустила. Так и мучила бедного парня, пройдоха.

ГЛАВА 5

Началась Первая мировая война. Пришёл Антон к Насте в последний раз:

— Ухожу на войну, а если приду живой и невредимый, женюсь на тебе, Настя. Ты только жди меня. Мне другой, кроме тебя, не надо! Женюсь, даже если отец не разрешит.

Настя обласкала Антона. Опять до утра в стогу миловались.

ГЛАВА 6

В 1914 году сыну Михаила Прохоровича Шалыгина Антону был двадцать один год. Собрался Антон идти на войну. Отец говорит:

— Антон, ты у меня единственный сын, на девок надежды нет. На кого же я оставляю всё своё добро? А добра-то немало.

— Вон Нюрка какая боевая, она любого мужика заменит, — отвечает Антон.

Не стал отец спорить и отпустил его, дав своё благословение. Мать надела сыну на шею иконку, которую ей мать её передала.

Поехал Антон на станцию Боготол, на призывной пункт, на своём коне и при своём оружии. В селе Боготол была серьёзная подготовка для службы в армии. Отставные казаки Иван и Трифон обучали

молодёжь джигитовке, стрельбе и бою на саблях. Антон, от природы умный и смекалистый парень, легко осваивал воинские навыки. Силушкой его Бог не обидел. В двадцать лет он крестился двухпудовой гирей. В рождественские праздники, когда проводились кулачные бои, Антону не было равных по всему уезду. Такой он был ловкий и смелый в бою. Вон, богатырь Никита Серебряков на голову выше Антона — и то не мог устоять против него.

В Боготоле триста новобранцев посадили в вагоны, в соседние вагоны погрузили лошадей. И поезд тронулся под плач матерей и близкой родни. Воинский состав прибыл в Москву на одиннадцатые сутки.

На окраине Москвы генерал Каппель формировал кавалерийскую дивизию. Сформировав её, а это было тринадцать тысяч конников, генерал дал личному составу две недели на подготовку к войне. Старшие унтер-офицеры натаскивали новобранцев, давали уроки рукопашного боя, сабельного боя и джигитовки. Эти офицеры прошли Русско-японскую войну и знали о войне не понаслышке, испытали все её тяготы на собственной шкуре. Уроков было немного, но и они оказались очень полезными для того, чтобы можно было выжить в предстоящих страшных боях.

ГЛАВА 7

В ворота Ивана Михайловича Лукьянова постучали очень громко и требовательно. Открывать вышла жена его Авдоха. Сам он на одной ноге, протез долго пристёгивать.

Пять лет назад поехали они с Авдохой на поезде в Минусинск. Дорогой торговали самогоном. Самогон у них был знатный. Чистый, как слеза, крепкий и без вони. Знал Иван Михайлович секрет очистки, потому самогон по всякому событию всегда ему заказывали.

Поезд в Ачинске стоял мало. Иван Михайлович пошёл на перрон да задержался. Поезд тронулся, он бегом. За поручень ухватился, а дверь плохо зафиксирована была и от усилия отскочила.

Иван Михайлович упал под колёса. Ногу ему и отрезало.

Это увидела Авдоха и выскочила на ходу из поезда. Ногу перетянула и остановила кровь. Взвалила мужа на спину и — на вокзал. Вызвали карету скорой помощи и положили его в больницу. Когда рана зарубцевалась, сделали ему деревянный протез. С тех пор он на протезе.

ГЛАВА 8

Заходят белогвардейцы в дом, а Авдоха и говорит:

— Дождались вас, родненьких!

— Кого же вы дождались? — спрашивает её унтер-офицер.

— Красненьких!

— Красненьких? — говорит. — Сволочь!

Хрясь её плёткой. Сам казаку говорит:

— Выведи её во двор и шлёпни.

Иван Михайлович подскочил на одной ноге к унтеру и упал на колени:

— Миленький, не слушай глупую бабу! Она ведь каждое воскресенье в церковь ходит, молится за царя и отечество. Это её бес попутал! Зачем же нам красные? Они голодранцы. Каждую зиму по селу ходят, собираются. Уже в ноябре у них картошки нет.

Тут на печи заревели дети. А их девять человек. От тринадцати до одного года.

— Пожалей, голубчик, вон их у меня сколько. Что же я буду с ними один делать да на одной ноге?!

Унтер отдернул занавеску, а на него смотрят испуганные глаза детей. Вспомнил он своих детей, и отмякло его сердце.

— Ладно, — говорит казаку, — отставить расстрел.

А казак-то не хотел её расстреливать. Стоял у порога, ожидая окончательного решения унтера. После этих слов вздохнул с облегчением. Иван Михайлович говорит Авдохе:

— Полезай в подпол, доставай самогон, груздей, огурцов.

Достала она из печи чугунок ведёрный, а там щи наваристые и мяса полведра. Достала стаканы. Иван Михайлович самогон по стаканам разлил. Казаки стоят, ждут команду унтера.

Тогда уже Иван Михайлович скомандовал:

— Садитесь, люди добрые! Выпейте, поешьте. Намёрзлись, устали за дорогу. Ночь в тепле отдохнёте... Подтопи ещё, чтоб холодом по полу не тянуло, — говорит Авдохе.

Она взялась печь топить, хотя в доме тепло было. Подняли стакан самогона за здоровье царя и отечества. Поели да ещё по два стаканчика самогона пропустили. Унтер говорит Ивану Михайловичу:

— Ты, Ваня, скажи своей Авдохе, чтоб она язык не распускала, а то придут красные, опять невпопад ляпнет.

Хорошо поели казаки, запьянели. Авдохе постелила им постель на полу.

ГЛАВА 9

Улеглись казаки и быстро уснули. А Иван Михайлович сидит на стуле и думу думает. Вспомнил всю прошедшую жизнь.

Вот он, молодой красивый парень, на вечерке. После вечерки пошёл провожать до дому Аннушку Морозову. Дошли до её дома и до утра целовались. И решили так: после уборки, по осени, Ваня попросит отца, чтоб сватов отправлял к Морозовым.

Домой пришёл — уже вторые петухи поют. Только вроде глаза прикрыл, а отец его, Михаил Иванович, уже будит:

— Вставай, гуляка, пора ехать сено косить.

Позавтракали, отец запряг коня, и поехали на луг.

Травища на лугу высокая, густая. Валки высокие ложатся. Два брата Ивана — мужики здоровенные, широкой кости, в деда уродились.

А Ваня против них мелкий. И ростом меньше, и в плечах уже. Машут братья косами, отец от них не отстаёт. А Ване трудно с ними тягаться. Увидел отец, что загнали младшего сына, и говорит:

— Перекур двадцать минут.

Только сказал, Иван бух на землю и моментально уснул. Отец ему под голову травы подложил.

— Пусть, — говорит, — поспит, ночь-то не спал.

Понятливый был отец. Так сладко спалось Ване, такой сон хороший видел. Вроде как Аннушка Морозова уже жена его и детишек нарожала. И все детишки на него похожие. И проспал часа два, а может, и больше.

Проснулся и видит: отец с братьями далеко косами машут. Взял Ваня косу и побежал к ним. Стыдно ему: братья работают с отцом, а он спит. Подошёл к отцу.

— Прости, — говорит, — тятя, не заметил, что долго спал.

— Бог простит, Ваня, — отвечает отец, улыбаясь.

Вечером приехали домой, и за ужином Иван говорит отцу:

— Тятя, я хочу тебя попросить вот о чём. Мне уже двадцать один год. Прошу благословения жениться на Аннушке Морозовой. Засылай по осени сватов.

Подумал отец и отвечает Ивану:

— Ладно, сынок, зашлю я сватов по осени, но только не к Морозовым, уж больно мелкая девка, работница будет никакая. Вон на мельнице у Марфы Семёновны есть работница Авдотья, она хоть и постарше тебя, ей двадцать три года, но здоровая, рослая. В работе не каждый мужик за ней угонится.

— Не буду я, тятя, жениться на ней. Мне Аннушка нужна.

— А я сказал — будешь, — рявкнул отец.

Авдотья — это Дуня Козубенко. Матери у неё нет, отец — бродяга Костя. Вечно ходит из деревни в деревню, из села в село. Обросший, грязный и босиком. Морда красная, ни холод его не берёт, ни болячки.

ГЛАВА 10

Вот закончилась уборка, и Михаил Иванович отправил сватов Дуню сватать. Сыграли свадьбу, и в тот же вечер Иван пошёл к дому Морозовых. Дождался, когда Аннушка с вечерки придёт. Они просидели до утра и плакали, целовались. Утром пришёл домой Иван, а отец волком смотрит:

— Что же ты нас с матерью позоришь?

Схватил бич и выпорол его. Аннушка замуж не вышла. Сильно Ивана любила. У Ивана хоть и детей куча, а всё равно встречался с Аннушкой. Она от него двух сынов родила. Вспомнил, как его Авдоха на себе таскала, когда у него нога болела и он по ночам стонал и уснуть не мог. И жалко её стало:

«Всё,— решил про себя Иван,— больше с Аннушкой не буду встречаться».

Рассвет подкрадывается. Запели петухи.

ГЛАВА 11

Антон Шалыгин дождался, когда дивизия войдёт в село. Доложил командиру полка, что в селе красных нет, а сам, с его разрешения, отправился домой. Быстро поужинал и засобирался к Насте на кирпичный завод. Говорит ему Михаил Прохорович:

— Сын, не ездь к ней, не ждала она тебя.

Но разве Антона удержать? И поехал он на кирпичный завод. Луна светит ярко, светло на улице. Быстро доскакал он до завода, стучит в Настин дом. И вот открывается дверь, выходит мужик в кальсонах, а следом голос Насте:

— Кого там, Ваня, нелёгкая принесла?

Выхватил Антон саблю, хотел им обоим головы поотрубить, но вовремя передумал. Настя выходит, увидела Антона и обомлела:

— А я тебя ещё не ждала.

Антон двинул в зубы мужику. Плюнул, сел на коня и домой помчался. Не доезжая Цыганского моста, конь Антона запрял ушами и тревожно заржал.

И вот из-за бугра выносятся волчья стая. Впереди волки, глянул назад — и позади волки, обложили со всех сторон. Антон говорит коню:

— Давай, Орлик, не подведи!

А Орлик — конь боевой, много крови видел на войне и здесь не сробел. Антон достаёт из кармана гранату и бросает в волчью стаю. Штук пять волков упало. Но их ещё очень много. Выхватил револьвер, стреляет, а волки насаждают, патроны кончились. Достал саблю. Вдруг Орлик остановился. Что такое? Оглянулся Антон и видит: здоровенный волчара уцепился Орлику за хвост.

Хвост у Орлика очень длинный, почти до самой земли, из-за хвоста он не может достать волка задним копытом. Недаром говорил командир эскадрона Антону: «Длинный хвост у коня ни к чему хорошему не приводит».

Вспомнил Антон его слова, но поздно. Пытался обрубить хвост саблей, но тщетно. Тут другой волк вцепился Орлику в шею и порвал сонную артерию. Соскочил Антон с коня, рубит саблей волков, много нарубил, но их ещё много. И вот сзади удар, Антон потерял сознание. Только мелькнула в мыслях Настя.

ГЛАВА 12

Михаил Прохорович услышал разрыв гранаты и понял: беда с сыном. Побежал будить мужиков, набралось их человек двадцать. Вооружились ружьями, вилами и помчались на лошадях к Цыганскому мостику.

И вот она, жуткая картина,— волки пируют. Их штук двадцать. Мужики бросились бить волков вилами и ружьями. Но уже поздно. Где Антон? Нет Антона. Отыскали валенки, в которых останки Антоновых ног. В стороне — кости от коня.

Страшно завыл Михаил Прохорович, что мужикам стало жутко. Он говорит:

— Сын, сын, зачем я отпустил тебя к этой распутнице?

Но назад время не воротишь. Собрали останки Антона и поехали в село. На глаза жене страшно показываться. А она стоит у ворот и спрашивает:

— Где Антон?

А Михаил Прохорович в руках валенки окровавленные держит. Увидела это жена и без чувств рухнула наземь.

ГЛАВА 13

Дивизия разместилась на ночлег. По четыре человека в дом. Завтра утром приказано в девять ноль-ноль выдвигаться в путь. В эту ночь долго село не могло уснуть. Уставшие от тяжёлой дороги казаки, выпив самогоночки, а самогон был во многих домах, уже и гуляние затевают, и песни. Молодые и пьяные, а таких усталость не берёт.

Многие слышали звук разрыва гранаты и выстрелы, но никто не придавал значения этому происшествию. Дескать, какой-то дурак по пьянке решил покуролесить. Быстро прошла ночь. Утром надо выдвигаться, а поручика Шалыгина нет. Командир полка заподозрил неладное, хотя кто-то сказал с ехидцей, что Антон к родителям вернулся и никуда больше не поедет.

Поехал сам с ординарцем в дом Шалыгиных. Постучали, а ворота открыты, по всему дому плач. Вошли в дом. Под образами лежит жена Шалыгина. Непонятно, живая или мёртвая. Выходит Михаил Прохорович, весь заплаканный. Подошёл к полковнику и уткнулся ему в грудь. Погоревал-погоревал полковник, но что делать? Надо выступать. А где казаки-то Шалыгина? Да вон они, в летней кухне: как им вчера принесли еды и самогона, они после сытного ужина и проспали подъём. Быстро разбудили казаков, они спрашивают:

— Где поручик Шалыгин?

— Нет его.

Но труба уже зовёт. Дорóгой жалели Антона. Хороший командир был, заботливый, смелый. Недаром заслужил на войне с германцами офицерское звание и награды полного георгиевского кавалера.

ГЛАВА 14

Иван Михайлович давай будить постояльцев. Авдоха уже печь протопила, на стол собрала. Иван Михайлович достал из подполья четверть самогону. Поставил на стол. Казаки довольны таким приёмом. Выпили по стакану, поели. Унтер говорит:

— Хватит, в дорогу не напиваться.

Иван Михайлович дал им в дорогу четверть, хлеба несколько булок, мяса отварного, постряпушек. В общем, Авдоха собрала целый мешок провианта.

Квартирмейстер по домам разъезжает, казаков предупреждает, что через два часа дивизия должна выступать. Неохота из тёплых домов выходить, а надо.

Красные уже через Итат прошли, а это до Боготола восемьдесят километров. Надо спешить, до Красноярска ещё более двухсот километров. Запряг Иван Михайлович Серка. Вывел во двор. Дивизия уже движется по тракту. Старшой поджидает, когда его полк поравняется с домом, тогда можно занимать место в конном строю. Унтер говорит: — Хороший ты человек, Ваня, не стал бы я у тебя жеребца забирать, но приказ командира дивизии — конфисковать у местного населения лошадей. Чтоб не было ни одного пешего. Так что извини, брат. — Я тебя, Семён, понимаю, приказ есть приказ, — говорит Иван Михайлович.

— Зачем ты с нами поедешь? Оставайся дома, — ещё говорит унтер Ивану Михайловичу.

— Я по этим дорогам раньше ямщину гонял и все дороги знаю. Не дай Бог, какая засада, я вас выведу. Ну а что, конь-то хороший, вам он сейчас нужнее. А у меня ещё кобылка есть с жеребёнком от Серка. А провожать вас поеду за то, что вы мою Авдоху не расстреляли.

Долго шла дивизия до Ачинска. Несколько раз была обстреляна какими-то людьми — говорят, красными партизанами. Вечером дивизия вошла в Ачинск. Иван Михайлович, распрощавшись с казаками, пошёл на вокзал. На вокзале просидел до утра, а утром сел на поезд и добрался до Боготола. До дома шесть километров.

ГЛАВА 15

На протезе очень долго идти. Пришлось ждать или знакомых, или ямщика. Хотя ямщики в Боготол редко заезжали. Сюда навезли при строительстве железной дороги вместе с трудовым людом и жулья всякого. Грабежи и убийства в Боготоле были не редкость. Долго так ждал Иван Михайлович.

Подходит к нему парень цыганского обличья и говорит:

— Батька, выручи. Пусть этот мешок около тебя постоит, а я по нужде схожу.

— Ну ладно, пусть.

Цыган и ушёл. А дело-то вот как было. Этот цыган спёр мешок у проезжего мужика, когда тот дремал на скамейке. Но сон-то был такой поверхностный, неглубокий. Заметил мужик, что цыган около него трётся, а сам веки закрывает. Когда очнулся, мешка нет. А в мешке шуба была, для жены подарок купил на базаре. В эту пору по вокзалу проходит полицейский наряд. Мужик — к полицейским: так, мол,

и так. Те составили протокол в отделении полиции. Отделение-то прямо на вокзале.

И решили проверить вокзал. Народ сидит по лавкам, ждёт поезда. А Иван Михайлович сидит, ждёт, когда цыган за мешком придёт. И вот подходят полицейские вместе с тем мужиком. Мужик-то сразу узнал свой мешок.

— Вот он, — говорит, — у инвалида лежит.

Полицейские Ивана Михайловича — под руки и повели в полицейский участок, допрос чинить. Тут появляется цыган. Полицейских увидел и убежать, но те молодые — за ним в погоню.

Ивана Михайловича оставили.

Мужик тот говорит:

— Ты уходи, а я мешок возьму — да и на поезд.

Поезд уже подошёл. В это время на вокзал заходит сосед Ивана Михайловича узнать расписание поезда до Мариинска. Приехал на коне. Коня сын стережёт. Иван Михайлович к нему:

— Выручай, Семён, скорее надо уезжать отсюда.

Тот расписание узнал, сели в сани и домой. А полицейские цыгана ведут в участок.

Рассказал Иван Михайлович Семёну, какая оказия с ним произошла.

Семён выслушал рассказ и говорит:

— Да это небольшая беда. А беда у нас в селе. Ведь кто-то вчерашней ночью пометил извёсткой ворота на тех домах, где останавливались белые на ночлег. Сейчас устанавливается власть красных. Вот тогда красные и будут спрос чинить пособникам белогвардейцев.

«Влип же я в историю. Как же я не заметил ничего на воротах?» — думает Иван Михайлович.

Домой приехали — навстречу Авдоха. И поведала мужу вот что:

— Ночью пошла я на улицу по нужде. Слышу — говор, разговаривают двое. Это Манька и Санька, дети Сушилова Ивана, этого лодыря, семью которого мы постоянно кормим. Они говорят: «Давай Медичихе (так звали Авдоху) на ворота крест побольше нарисуем. Вон они какие богатые. Да ещё хромой белых повёз. Когда красные придут, может, к стенке его поставят».

— Ну а ты что? — спрашивает Авдоху муж.

— А я что? Когда эти выродки ушли, я подождала, потом вышла на улицу. Их уже не слышно, далеко ушли. Взяла нож и тряпку. Ножом соскоблила, а тряпкой ворота протёрла, ничего и не видно.

— Умница, — говорит Иван Михайлович и первый раз назвал её Дуней, а не Авдохой.

ГЛАВА 16

Наступила весна. Солнце всё выше и выше. Поднялась трава по щиколотку. Сельский пастух, Игнашка Воробьёв, первый раз в этом году выгнал сельское стадо к Цыганскому мостику. С ним его пёс.

Дворняга, но очень умный. Пока Игнашка вытаскивал застрявшего в трясине козлёнка, его Полкан что-то нашёл. Сидит, уткнувшись в землю, и лает.

Подходит Игнашка и видит: кусок ткани висит на прутике, а рядом что-то блестит. Наклонился Игнашка — часть кителя с крестами и погонями. Понял он, что нашёл то место, где Антон Шалыгин страшную смерть принял.

Вечером, когда пригнал стадо в село, пошёл в дом к Шалыгиным. Постучал в ворота, сам хозяин открыл их.

— Что тебе надо, Игнат? — спрашивает Михаил Прохорович, а Игнат достаёт из заплечного мешка остатки Антонова кителя.

Михаил Прохорович, увидев это, захрипел и оцепенел. Потом, постепенно выйдя из оцепенения, обнял Игнашку и повёл его в летнюю кухню. Достал четверть самогону, стаканы, квашеную капусту. Налил самогон в стаканы:

— Пей, Игнат, помяни моего сына.

И сам выпил, достал из кармана кошелёк, вытащил три золотых монеты и отдал Игнашке. Потом обнял его и говорит:

— Спасибо тебе, Игнат, что принёс Антоновы награды вместе с погонями, хоть и разбередил ещё не зажившую рану. А завтра, как стадо пригонишь, зайди ко мне. Мы с тобой сходим на то место.

Так и поступил Игнат. Поехали они на то место. Михаил Прохорович упал и обнял землю. А сам шепчет:

— Милый мой Антоша, зачем ты поехал туда, почему меня не послушался?

Долго так лежал, пока Игнашка не подошёл к нему:

— Вставай, Михаил Прохорович, земля холодная, простынешь.

А назавтра поехал в Боготол к архитектору и попросил вырубить большой камень из гранита.

Через неделю приехал с мужиками на подводе. Камень пудов шестьдесят. Загрузили на телегу и увезли на место гибели Антона. Там и поныне стоит камень.

Николай Тимченко

Призвание

Из серии рассказов о спасателе

СУДЬБОНОСНЫЙ УРОК

В это утро ему в очередной раз не повезло. На винзаводе, где таким, как он, «баловням судьбы» счастье иногда улыбалось, сегодня обошлись без его услуг. Погрузки готовой продукции в вагоны не намечалось, а на работу к конвейеру взяли, как обычно, всего-то пять человек. Все они ничем не отличались от остальных соискателей подработки, если не считать, что держались дружной компанией и никого не пропускали вперёд.

Хотя родители и нарекли его без малого сорок лет назад Виктором, но сегодня в победители он не вышел. А как здорово, когда попадаешь в винный цех! Хотя тяжело там, а работа однообразная и без отдыха, но есть в ней свои прелести. Нет, не в том, что ящик за ящиком надо снимать с непрерывно движущегося конвейера. И вовсе не в том, что эти ящики, с наполненными вином бутылками надо быстро донести до места складирования, а там... ставить в шесть ярусов. Рабочих в цехе пятеро, вот и получается, что каждому непременно достаётся и шестой ярус, покоряющийся лишь с подскока.

Прелесть, хоть и не главная, заключается в том, что на территории завода есть столовая, где в обеденный перерыв можно по-человечески пообедать — первое, второе, третье. И всё под дневную зарплату. Главная прелесть для всех работающих в цехе однозначна — приходящие по конвейеру ящики. В них какая-то бутылка может оказаться разбитой. Но это по технологии, а реальность более прозаична. Конвейер не потряхивает, и лома в ящиках нет. Но он всё равно появляется. Время от времени один из рабочих разбивает бутылку над чашкой или кружкой, а содержимое из рук в руки попадает всем пятерым. За рабочий день, при наличии битой тары, списывается до десятка бутылок, а у всех ни в одном глазу — без преувеличения потогонная работа выгоняет из людей всякую жидкость.

Да чего теперь сожалеть, что сегодня не твой день! Виктор миновал железнодорожный путь, выходящий с территории винзавода, и быстро направился к продовольственному магазину в надежде получить там работу грузчика. Случалось, что грузчик, работавший на постоянной основе, не выходил на работу, а свято место пусто не бывает — на место прогульщика тут же брали кого-то другого. Отработав несколько дней,

новичок автоматически переходил в разряд постоянных. До первого срыва, разумеется. И он сам несколько раз бывал постоянным, но в других магазинах. И каждый раз только до срыва.

Рабочий день грузчика начинается задолго до открытия магазина, но Виктор успел прийти к рабочему выходу раньше, чем туда прибыл первый продуктовый фургон. Выход открылся, а вместе с менеджером, ведущим учёт привезённых товаров, появился и штатный грузчик. Очередное невезение. Желудок ворчанием напомнил хозяину о необходимости подкрепиться. Но чем? В карманах не только не шуршит, но и не бренчит.

Спешить уже некуда, и голодный неудачник побрёл на берег пруда. Там вечерами молодёжь имела обыкновение «культурно» отдыхать, вливая в себя веселящую влагу. Чаще всего той влагой было пиво. Пластмассовые бутылки, независимо от ёмкости, не интересовали «санитаров города» — так называют в народе бомжей, промышленяющих стеклотарой. Однако бывали среди вечерних отдыхающих и любители чего-нибудь покрепче, чем пиво. После них можно было разжиться стеклянной посудой. Это если после распития они не разбивали бутылки тут же, на берегу пруда, или не пускали их в плавание по водной глади.

В летнее безветрие нередко взору представляли торчащие из воды горлышки плавающей стеклотары. Ночью был морозец, и пруд покрыл ледок, прогибающийся и хрустящий под ногами детворы. Ни о какой опасности мальчишки, естественно, не задумывались. Взявшись за руки, они разбегались и катились по первому в этом году тонкому ледку. Так было до тех пор, пока они не оказались в том месте, где уже побывали и где лёд имел трещины. Один из друзей, бежавший справа, вдруг провалился. Средний мальчишка, державшийся за крайних, инстинктивно отпустил руки своих дружков.

Два шалуна, с глазами, полными страха, ринулись бежать подальше от этого опасного места, оставив провалившегося товарища в полынье. Одежда быстро намочила и стала невероятно тяжёлой, сковала движения. Ребёнку, барахтающемуся в холодной воде, она не давала выбраться из полыньи. Край тонкого льда обламывался, как только мальчику удавалось опереться на хрупкую твердь.

В первое же мгновение, когда один из шалунов провалился, Виктор на бегу выломал от стоящей вблизи сухой черёмухи трёхметровую ветку. Избегая места с растрескавшимся льдом, по дуге побежал к тонущему подростку. До полыньи оставалось метров шесть, когда вода поглотила ребёнка, не отпуская обратно. Объятый страхом и обжигающей тело стужей, тот быстро выбился из сил.

Ветка оказалась бесполезной. Мужчина сбросил с себя куртку, ботинки и, пробежав несколько шагов, нырнул в леденящую тело воду. Он не сразу заметил медленно опускающееся ко дну детское тельце, а увидев, схватил его со спины и оценил глубину пруда под проломом.

Вынырнув и подплыв к краю полыньи, встал. Ноги обрели опору, но голова оказалась в воде. Спасатель напрягся и резко оттолкнул от себя ребёнка. Когда вынырнул, увидел мальчика лежащим на льду.

Половина дела была сделана. Чтобы не обломать лёд там, где лежал ребёнок, Виктор подплыл к другому краю полыньи и пытался вырваться из водного плена. Трижды лёд под ним обламывался, но ему удалось выбраться. Ползком приблизился к брошенной на бегу ветке, зацепил сучком за куртку спасаемого человечка, подтянул к себе. Лёд выдержал лежащих на нём людей. И мужчина стал нажимать на живот, чтобы освободить от воды лёгкие мальчугана. Из носа и рта ребёнка хлынула вода. Ещё около минуты потребовалось на искусственное дыхание и непрямой массаж сердца, прежде чем спасённый закашлялся и заплакал.

Главное было сделано — ребёнок жив. Виктор добрался до своей куртки и обернул ею мокрого, но пришедшего в сознание мальчугана. Пока он спасал мальчишку, другие участники опасной забавы благополучно выбежали на берег и позвонили в службу скорой помощи. По прерывистому дыханию и сбивчивому рассказу о несчастье, случившемся с другом, принимающий вызовы понял, что это не детский розыгрыш. Да, это реальный вызов к человеку, попавшему в беду.

Скорая довольно быстро оказалась на берегу злосчастного пруда, когда спасатель уже аккуратно подводил подростка к берегу. На льду продолжали сиротливо лежать сброшенные Виктором ботинки. Его, мокрого, вместе со спасённым ребёнком машина скорой помощи повезла в больницу. Водитель угостил промокших и продрогших горячим, ароматным сладким чаем из своего термоса. Тепло медленно наполняло блаженством внутренности мужчины, ещё не ощутившего сегодня во рту ни крошечки, ни капельки съестного.

В больнице спасённого и спасателя поместили в одну палату. Выяснив, кто есть кто, врачи сообщили взрослому, что его здоровью переохлаждение не угрожает. Обсушившись, сегодня вечером он сможет покинуть больничные стены. Приехавших к ребёнку родителей босой безработный попросил принести его ботинки, оставшиеся на льду. Отцу мальчика показалось проще купить спасателю новую обувь, чем идти на пруд. Он спросил про размер.

Когда доктор и родители вышли из палаты, мать спасённого шалуна пренебрежительно произнесла:

— Какая мелочность. Предъявил счёт за ботинки.

Доктор пояснил:

— Ничего удивительного — они у него единственные. Вашего ребёнка спас бож. Удивительно другое: растеряв в жизни всё, даже ботинки, он сохранил человечность.

При слове «бож» женщину словно пронзили несколькими кинжалами и облили кипятком одновременно. Так сложилась её жизнь,

что эта категория соотечественников вызывала в ней брезгливость, неприятие, отвращение и ненависть. И вот недочеловек-бомж прикасался к её ребёнку. Она не думала о том, что могла лишиться сына, если бы не вмешательство этого скверного отброса общества. Именно такого мнения была она о бомжах.

«Не имея ни дома, ни работы, бомжи промышляют чем придётся. Они не ограничиваются попрошайничеством и способны шантажировать тех, кто зарабатывает свои кровные», — давно уверовала мама спасённого мальчика.

Сама она никогда не работала — средства, необходимые для безбедного существования семьи, добывал муж. Отношение к бомжам продиктовало ответную реакцию на слова доктора. Она злорадно сказала: — Я бы не удивилась, узнав, как долго этот «человечный» бомж пас нашего мальчика, чтобы заполучить за него куш.

На слове «человечный» она сделала особый акцент. И тут же гневно добавила:

— Не на тех нарвался! Ничего ему от нас не обломится!

Доказывать ей что-то было бы бесполезно. Вскоре в палату вернулся отец и отдал спасителю сына новенькие ботинки. Ребёнка рядом уже не было. Как сказал потом доктор, маленького спутника Виктора перевели в другую палату по настойчивой просьбе мамы. Другой благодарности за спасённое чадо недочеловек не заслуживал. Судьба преподала ему очередной урок, и он усвоил этот жестокий дар судьбы.

«Вот так-то быть бомжем», — с грустью подумал наш герой, покидая так ненадолго приютившую его больницу. Однако как выбраться из засосавшего его бытия бомжевания, он пока не представлял.

Виктор давно хотел покончить со своим неприглядным настоящим. Неоднократно он говорил себе: «Всё, завязал». Но, увы, всякий раз после завязки наступала очередная «отвязка». И вновь он оставался ни с чем. Всё, что можно было пропить, спустил по дешёвке. Даже благоустроенную квартиру в Каменке после смерти матери он продал вдвое дешевле рыночной стоимости. Зато быстро.

И вновь он дал себе слово завязать со спиртным. Более месяца трезвого образа жизни со случайными заработками позволили ему сделать весьма скромные накопления, купить кое-что из одежды и внешне преобразиться.

Он твёрдо решил ехать в Каменку и начать там новую, совершенно трезвую, жизнь.

ПОЖАР

Преодолев на маршрутке путь от краевого центра, Виктор поселился во Времянке, временном посёлке близ Каменки, получил временную работу. После ранних заморозков вновь наступили тёплые дни. Но они очень быстро сменились резким похолоданием. В самом начале

ноября выскочили морозы за двадцать градусов. К этому оказались не готовы некоторые жители частного сектора Каменки и населения Времянки, которые отапливались печами. В стайках для кур и кроликов люди стали включать электрические обогреватели. По электропроводке и счётчикам потекли запредельные токи. В таких случаях до пожара рукой подать, но владельцы хозпостроек не торопились переходить на более безопасное печное отопление.

Виктор не пользовался электрическим обогревателем. К тем дровам, что достались ему от хозяев домика, он успел привезти ещё пять кубометров круглого леса, распилил его на чурки, расколол и сложил в поленицы. Всё это в промежутках между его рабочими сменами в котельной. Запаса вполне достаточно и для небольшого домика, и для бани. Живностью он не обзавёлся, а потому отапливать имеющиеся во дворе стайки не было необходимости.

В тот воскресный день он, свободный от работы в котельной, наводил порядок во дворе — пока щепки и опилки, оставшиеся после заготовки дров, не завалило снегом. Основную работу сделал вчера, оставались только последние штрихи. Он ненадолго вышел из дома, почти раздетым, без шапки.

Вдруг со стороны Каменки с рёвом sireны в глубь Времянки промчалась пожарная машина. Стало ясно, что где-то пожар. Хотя машина и приехала, но мужские руки на пожаре лишними не бывают. Возможно, придётся срывать с крыши обгоревшие доски и стропила, чтобы пламя не перекинулось на другие деревянные строения. Или помочь выносить вещи, если это ещё возможно.

В чём был, Виктор побежал туда, где уже остановилась машина с ёмкостью, полной воды. Кто-то уже успел доской оборвать провода, чтобы обезопасить пожарных, которые сразу спросили, нет ли внутри людей. Узнали, что хозяин на работе, а хозяйка ушла в Каменку. Развернув пожарные рукава, начали водяными струями сбивать пламя, вырвавшееся на крышу.

Одновременно с Виктором подъехала легковая машина, а из неё с воплями выбежала и бросилась к пылающему домику молодая женщина. Собравшиеся в толпу зеваки преградили ей дорогу, удерживая силой, но она вырывалась с криками:

— Сыночек, мой сыночек, он же сейчас сгорит! О Боже милостивый! Пустите, пустите меня к сыночку! Он сейчас сгорит, а я виновата, что оставила его! Он же может задохнуться, так и не проснувшись! А-а-а! — неслись по толпе материнские вопли.

В шуме и сутолоке пожарные не обратили внимания на подъехавшую легковую машину и на мечущуюся в истерике женщину — они добросовестно пытались сбить пламя. А оно вырывалось сквозь растрескавшиеся от жары оконные стёкла. С большим трудом удалось выяснить у мечущейся женщины, что ребёнок в кроватке, в комнате около печного обогревателя.

Внутреннее расположение типовых домиков Виктору известно. Спасатель подбежал к бойцу пожарной охраны и потребовал, чтобы тот направил ствол пожарного рукава на него.

— Обливай меня, быстро! — потребовал он, и боец выполнил команду.

Одежда тут же обледенела. Спасатель обогнул домик, выбил локтем стекло, рванул раму и выломал в окне отверстие, через которое можно было беспрепятственно проникнуть внутрь. Ловко нырнул в клубы дыма, повалившие из разбитого окна. Местные жители видели, когда он исчезал, и ждали появления.

Среди любопытствующих зевак была и тётя Оля, прибежавшая на пожар вслед за спасателем. В это время потолок над кухней обрушился. Женщина, удерживаемая толпой, потеряла сознание. Кто-то позвонил в скорую, которая всё не ехала. А ведь пожарную и скорую вызывали одновременно. Ожидающим исчезнувшего в дыму незнакомца казалось, что тот находится в пылающем домике целую вечность.

Рухнувший на кухне потолок через дверной проём метнул на Виктора сноп искр и коричневое от дыма пламя. Искры и пламя, набросившиеся на него сзади и вдогонку, обожгли уши, а на голове опалили кончики волос, успевшие от жары подсохнуть. Но главное сделано: он нашёл в непроглядном дыму кроватку, схватил ребёнка вместе с одеялком, наспех обернул им малютку и рванулся к еле заметному просвету, где должно быть окно. Сквозь отверстие он проник в домик, а теперь должен его покинуть.

От длительной задержки дыхания в висках громко стучала кровь, как в колокольный набат, предупреждающий об опасности. Нетерпеливо ожидавшие зевачи не решались приблизиться к пеклу, которое обдавало жаром даже в отдалении. Вдруг все увидели, как смельчак, прижимая младенца к своей груди, перевалился через подоконник и щучкой вынырнул из окна. Он коснулся свободной рукой завалинки и, перекатившись через спину, ловко встал на ноги.

Пошатываясь от удушья, спасатель вместе с малюткой влез в кабину пожарной машины, положил малыша себе на колени, развернул одеяльце и проверил пульс. Сердечко работало, но у ребёнка отсутствовали всякие реакции на внешние воздействия. Взяв в одну ладонь ручки, а в другую — ножки малыша, Виктор стал делать перекрёстные движения — подводить ножки к головке, а ручки к поясу, а затем распрямлять. Повторив всё раз двадцать, услышал заливистый младенческий плач. Укутал малыша в одеялко и открыл дверцу кабины со словами:

— Будет жить мужичок!

Передал ребёнка рвавшейся в кабину матери. Её успели привести в чувство работники только что подъехавшей скорой. Оказалось, что в пути у медиков случилась поломка. Весь мокрый, спасатель только теперь ощутил и холод, и обожжённые уши. Не задерживаясь, он побежал домой, чтобы снять мокрую одежду. Пожарный расчёт

поехал набирать в ёмкость новую порцию воды, чтобы закончить тушение коптящего сруба бывшего жилого домика. Не сумев спасти это жилище, они всё же не дали пожару перекинуться на другие строения. При такой плотной застройке сделать это было непросто.

Отец спасённого малыша после работы подъехал к обгоревшему срубу. Всё нажитое в трудах превратилось в пепел и в грязную обледеневшую кучу, где не было ничего, что могло бы ещё пригодиться. Единственное, что успокаивало, — все живы. А ведь его сын мог сгореть, не оказавшись здесь находчивого незнакомца. Позже выяснилось, что пожар возник от перегрузки электропроводки. В двух постройках, где остались зимовать куры и кролики, были включены электрообогреватели. Вероятнее всего, загорелось под счётчиком энергии, куда сходились все провода.

Спецкор районки узнала о пожаре в дачном посёлке в тот же вечер. Утром ходила в пожарное депо, чтобы получить информацию о происшествии. Почему-то о факте, что ребёнка спас не кто-то из коллег, а житель Времянки, никто в сменившемся расчёте не рассказал. Об этом журналистка узнала от очевидцев позже, когда приехала на место печальных событий. Массу подробностей о пожаре и о самом Викторе ей рассказала тётя Оля. Уж она-то знала о жителях малого посёлка если не всё, то почти всё. Рассказала, где живёт герой будущего репортажа, что сегодня он на работе, а сменят его в восемь вечера.

Она же охарактеризовала соседа как человека очень порядочного, общительного и доброжелательного, находчивого и смелого, но приехавшего из города без семьи. Главным достоинством своего нового соседа пожилая женщина назвала то, что он трезвенник. Ей ли не знать о нём? О том, кем был герой в городе последние семь лет, она не предполагала. В ходе беседы с тётей Олей, хоть это было ей известно от других очевидцев, спецкор спросила:

— А кто же вынес младенца из горящего дома?

— Да он, Виктор-то, и вынес.

И рассказала в мельчайших подробностях всё: от обливания до передачи младенца в руки матери. Позвонив начальнику караула, корреспондент спросила:

— Правда ли, что ребёнка вынес из огня местный житель?

Получила утвердительный ответ. Решив не ездить туда-сюда, она, с разрешения хозяйки, осталась ждать героя будущего репортажа. Открыв ноутбук, стала делать наброски для статьи. Свет в окнах соседа звал поскорее встретиться с загадочным героем горячих событий.

Несмотря на общительность, которая, по словам тёти Оли, присуща этому одинокому мужчине, интервью с ним не получалось. Односложными и краткими были ответы. Роившиеся в голове Виктора мысли в это время были о другом: и жильё-то у него съёмное, и на работе он последнюю неделю. На место, временно занимаемое им, на днях выходит отпускник. Всё идёт к тому, что он, как и в городе, будет

перебиваться временными заработками. Станет бомжем, искусно скрывающим это. Ни к чему ему слава, если у него такая неустроенность.

Но дотошная журналистка всё-таки узнала, что и во время аварии маршрутки, и в эпизоде со спасением с подоконника ребёнка, и здесь, на пожаре, — везде был он.

— Делал то, что было необходимо в каждом конкретном случае. В прошлом я профессиональный спасатель, — поведал собеседник без малейшего энтузиазма в голосе.

Немногословность Виктора репортёрша списала на его усталость после суток напряжённой работы, на его скромность. Понимала, что ему проще проявить себя профессионально, нежели рассказывать о событиях, украшая повествование образными эпитетами, подходящими метафорами и другими прелестями художественного слова. Но в этом — уже её профессионализм. И она написала статью о пожаре. Написала так, что весь район восхищался неординарностью спасателя-профессионала. Все читали статью на одном дыхании.

Изложила и разложила всё так, что, прочитав, начальник районной службы МЧС, в ведении которого была работа по спасению людей и их имущества, тут же позвонил в Каменку. Строго спросил, насколько достоверно описаны события. Командир пожарного расчёта ответил, что достоверность стопроцентная и сомнению не подлежит.

— Тогда почему такой профессионал работает в поселковой котельной, где может работать любой, а не по своему Богом данному призванию?! И при этом, заметьте, он успешно делает работу и вашего... коллектива! — на повышенных тонах продолжал беседу районный начальник.

После слова «вашего» он вставил такой эпитет, который с трудом вписывается даже в разговорную лексику. Подчинённый сослался на то, что у них нет текучки кадров, что и было сказано Виктору, когда он приходил, пытаясь оформиться на работу именно к ним.

— Нет текучки кадров? Уже есть! Да у вас половину можно разогнать за сплошные нарушения! Начиная от нарушений трудовой дисциплины и заканчивая ненадлежащим исполнением должностных обязанностей, — уже гневно кричал в телефонный аппарат начальник районной службы. — Приступили к тушению, не освободив помещение от людей. Это уже должностное преступление, а не халатность при исполнении, — и тут же добавил: — Чтобы через неделю этот спасатель работал у нас! Извиняйтесь, если потребуется, за то, что не дали согласие на трудоустройство, когда он к вам обращался.

Вечером знаменитости района было предложено переходить на работу в поезде. Пусть это не то же самое, что его работа в Красноярске, с командировками в разные концы страны, но всё же часть его привычной и любимой стихии.

Сослуживцы по смене, узнав из газеты, что работают со знаменитостью, настояли завтра посетить его и отметить знакомство. Утром все пятеро, включая и лаборантку, приехали в дачный посёлок. Кроме спиртного, они привезли банки домашней засолки с грибочками, огурцами, помидорами, обжаренные куриные окорочка, приготовленные женскими руками в домашних условиях...

Виктор сказал, что вечером получил приглашение работать по своему профилю, а потому поддержит компанию чисто символически и за знакомство, и за расставание — днём ему надо посетить начальника смены в поезде. Закончив приготовления, сели за стол, поздравили хозяина с предстоящим переходом в свою стихию. Все посетовали, что расстаются:

— С выходом на работу отпускника нашли бы куда пристроить и тебя — такие кадры на дороге не валяются, и ими не разбрасываются.

Винючник торжества с грустью заметил, что пристраивать его вряд ли бы стали — выше штатной численности ни один начальник не прыгнет. Все отпили и стали с аппетитом закусывать. В это время в дверь постучали, и в домик зашла она. Да, это была Марина. Она поприветствовала хозяина и гостей. Потом просто и без вступлений сказала:

— Виктор, мы все тебя ждали. Когда ты будешь у нас?

Он встал и негромко сказал товарищам по работе:

— Друзья, это, может быть, моя судьба. Я говорил вам о них.

И подошёл к недавней попутчице по маршрутке при поездке из крайцентра в Каменку. Друзья с пониманием собрали привезённое спиртное и удалились, оставив друга наедине с женщиной, к которой тот был явно неравнодушен.

— Побудешь у меня, или сразу пойдём? Я провожу тебя до Каменки, а по дороге поговорим, — спросил, когда они остались одни.

— Сейчас пойдём. Я только взгляну на твой холостяцкий быт. Можно? — спросила Марина.

Она не ошиблась в своих предположениях, не дававших покоя со дня их встречи. Женщины у него нет, иначе она бы приехала к нему.

Они вышли. Несмотря на морозец, пошли пешком. Дорогая Виктору женщина рассказала о своих сомнениях относительно женщины, которые только что разрешились для неё самым положительным образом. — Была у меня жена, есть сын. Но семья была так давно, что сын успел повзрослеть. Тогда я оставил им квартиру в городе. В качестве алиментов, — задумчиво говорил спасатель.

Виктор решил не скрывать от этой женщины своё прошлое и добавил:

— Жена подала на развод из-за пьянок. Потом, как водится, не было у меня ни жилья, ни работы. И так продолжалось семь лет. Решил вернуться на родину и начать здесь всё с чистого листа. Держался до сегодняшнего дня.

И тут он обнаружил, что после принятых ста граммов у него нет желания добавить ещё и ещё, как это бывало раньше. Сказал об этом своей спутнице.

— Не пей. Один пьяница у нас уже был,— попросила она тихим голосом.

Эти слова тронули его до самых глубин души и сознания. Если она так сказала, то не исключает, что отношения между ними могут продолжиться. Но тогда она должна быть уверена, что ему можно доверять, можно на него надеяться. И он сказал, что в котельной работал временно, а вчера ему предложили работу, которую знает и любит, за которую будет держаться. А Марина уже рассказывала, с каким нетерпением ждёт его, своего кумира, Вика. После короткой паузы добавила:

— И не только она. Вот и я сама не выдержала, пришла разыскать тебя во Времянке. Хорошо, что встретила тётя Оля. Она и сказала, что искать долго не придётся, и указала на твой домик.

За разговорами незаметно подошли к дому, где Марина с детьми жила у своей матери. Провожающий сказал:

— Сегодня заходить не буду, даже если бы и пригласила. Дети и запах алкоголя — это несовместимо.

Пообещал зайти завтра, когда решится вопрос с его новым местом работы. Марина попросила прийти часа в три, когда Вика уже вернётся из школы. Придя домой, она не сказала ни матери, ни детям, что встречалась со спасателем. Домашние дела и заботы захватили женщину так, что она больше не вспоминала о состоявшейся встрече. Лишь укладываясь спать, поразмышляла на тему призвания.

«Если профессионал длительный период не связан со своей профессией, то некоторые из необходимых в работе знаний могут забыться. С течением времени утрачивается часть навыков, без которых действия перестают быть быстрыми и уверенными. И только призвание остаётся с человеком, невзирая на житейские ситуации. Выходит,— размышляла женщина,— для него быть спасателем — это призвание».

С этой мыслью она заснула. Утром мать предупредила дочку:

— Вика, не задерживайся в школе. После уроков сразу иди домой. У меня предчувствие, что сегодня к нам придёт дядя Витя.

В глазах девочки засветились искорки радости, будто мама сказала не о предчувствии, а о том, чему обязательно суждено свершиться.

— Да, мамочка, обязательно,— сказала она, поцеловала мать и вприпрыжку побежала в школу.

Вика еле дождалась, когда уроки закончатся, и, где быстрым шагом, а где и бегом, она поспешила домой. Увидев, что дяди Вити дома нет, девочка разочарованно выдохнула: не пришёл. Чтобы ожидания дочери не были томительными и бесконечно долгими, мама предложила ей прибраться в своей комнате. И добавила:

— Дядя Витя — мужчина, а у него порядок, поди-ка, лучше нашего.

Вчера Марина отметила для себя, что у него и в доме, и во дворе, и даже на столе, за которым сидели гости, был полный порядок. И по всему было видно, что не собутельники, а именно гости. Тогда ей вспомнилось, из какого бедлама приходилось выуживать своего бывшего мужа. Кучи пустых бутылок, а на столе — в свинарнике пол чище. Из всей закуски — огрызок сухаря на всю развесёлую компанию. Хорошо, если был огурчик, на всех один. А если стояла сковорода с поджаренной на воде мойвой, то это можно было считать праздничным столом.

Виктор времени зря не терял. С утра взял направление на медосмотр и занял в поликлинике очередь во все кабинеты, которые ему предстояло посетить. Так как он недавно побывал у этих же врачей при трудоустройстве на котельную, медосмотр стал для него сущей формальностью. К обеду он получил положительные заключения всех нужных врачей, имеющих в Каменке. Оставалось съездить за вердиктами двух специалистов в районную поликлинику.

Райцентр рядом, и маршрутные такси ходят часто, но на двух врачей потратил почти весь остаток светового дня. После медосмотра зашёл в офис ЦК и уволился из котельной. Его отпустили без отработки, так как через три дня выходил тот, на чьё место он был принят временно. С заключениями врачей подал документы, необходимые при оформлении на работу в пождепо.

Было начало четвёртого часа дня, когда он вышел из магазина, купив конфеты и кондитерские вкусности к чаю. С покупками пошёл к Марине и её детям. Дверь открыла Вика. Хоть и ждала она дядю Витю, но его приход ошеломил девочку, она стояла неподвижно. Виктор чуточку пригнулся и широко расставил руки, как это делают при игре в кошки-мышки. Оцепенение у девочки прошло, она радостно бросилась к нему, обняла за шею. Друг усадил ребёнка на руку, другой рукой прижал к себе и встал, радуясь вместе с ней. Она не пыталась освободиться и не говорила, что уже не маленькая. Щёчкой прижалась к щеке своего кумира и прошептала:

— Как же я по тебе соскучилась, дядя Витя! Как долго мы все ждали тебя!

Потом отвела свою щёчку от его щеки и произнесла:

— Какой же ты колючий! Но хороший!

Вчера, при встрече с Мариной, Виктор не мог дать волю своим чувствам. Боялся, что она может принять его за ловеласа. С ребёнком же он вёл себя непринуждённо, не опасаясь чего-либо, даря девочке отеческую ласку. Невостребованные много лет отцовские чувства обрели в его душе второе рождение.

— А можно я буду называть тебя не дядей Витей, а папой? — спросила Вика с присущей ей детской наивностью.

— А вот об этом мы должны спросить у твоей мамы, — ответил кумир, и они оба посмотрели на маму.

А она, держа на руках Богдана, приближалась к ним.

— Мама не будет возражать, но при одном условии: папа останется с нами навсегда, — с улыбкой ответила женщина и подошла к ним вплотную.

Дети оказались между взрослыми, и все обнялись. А папа заверил: — Всё так и будет, непременно. Через месяц мы все станем Бушуевыми, которые не бушуют, а любят друг друга. Но мама должна будет завтра поехать со мной в районный загс. Едем?

— С тобой хоть в райцентр, хоть на край света! — улыбаясь, ответила Марина.

— Вот и замечательно! А теперь пойдёмте вместе пить чай. Сладости к чаю я принёс. Есть у нас чай на всех? Я проголодался, бегая по инстанциям и обивая пороги кабинетов, — добавил новый папа. — Конечно, проходите к столу, — пригласила всех мама Марины, наблюдавшая сцену встречи со стороны.

Этот невысокий, крепкого телосложения человек с мужественным лицом и открытым взглядом создал у будущей тёщи впечатление надёжного, умеющего быть ласковым. А это немало для того, чтобы дочь и внучата ощущали себя защищёнными и счастливыми. Вика, почувствовав от папы запах мужского одеколона, произнесла:

— Как приятно от тебя пахнет, папочка! Как тогда, когда мы ехали сюда из Красноярска.

— Этим одеколоном, доченька, я освежаю лицо после бритья. Наверное, не всё выветрилось, — нежно ответил он и спустил девочку на пол.

За чаем Виктор спросил будущую тёщу, потерпит ли она стеснение от его присутствия.

— В тесноте — не в обиде. Ради семейного благополучия можно и потесниться. А с тобой, я не сомневаюсь, всем будет хорошо.

Сегодня, придя сюда, спасатель совершил одну из самых главных спасательных операций в своей жизни — он спас себя. С божеванием покончено навсегда! Теперь у него семья. Жизнь обрела смысл: он нужен Марине, Викулечке и этому Богом данному малышу — Богдану.

«Мне поверили, на меня надеются, а главное — любят. И эта любовь взаимна!» — с радостью осознавал себя в новом качестве профессиональный спасатель.

Через два года он оказался нужен ещё и совсем маленькой Светочке.

МЕДВЕЖЬЯ УСЛУГА

1.

Второй день Анжела шагает по тайге, кажущейся ей нескончаемой. Она почти не верит, что выйдет к людям. Но надежда, что это всё-таки случится, ещё теплится в глубине души тринадцатилетней девочки. Нет, она уже не шагает, а еле плетётся по зарослям и буреломам, где много лет не ступала нога человека. Да и ступала ли она вообще в эти

дебри, покрывающие бесчисленные склоны, лишённые непогодой всяких ориентиров?

Ребёнок часто падает, но каждый раз находит силы, чтобы встать и продолжать идти. Девочка голодна. Несмотря на почти непрерывный, по-осеннему морозящий дождь, губы её успели потрескаться. Непогода разыгралась вечером первого дня странствий. Блуждание по тайге в постоянном холоде и голоде оказалось сплошной чередой мук.

Иногда дождь ненадолго прекращается, но небо остаётся затянутым низко нависшими тучами. Кое-где тучи становятся чуть светлее. Кажется, что скоро в этом месте проглянет ласковое солнышко. Но порождающий мечту участок неба быстро затягивает чернота, а еле уловимый просвет появляется в другом месте. Туда же перекочёвывает и надежда на согревающие лучики. Не имея возможности ориентироваться хоть на что-нибудь, ребёнок бредёт куда глаза глядят, пытаясь оторваться от преследования.

Она никого не зовёт на помощь в этом безлюдье, опасаясь снова навлечь гнев идущего по её следу зверя. Вот и сейчас, в сотне метров позади, до неё донёсся хруст ветки под лапой хозяина тайги. Кажется, природа делает всё, чтобы затормозить и без того небыстрое движение. Часто встречаются поваленные ветром деревья. Одни давно гниют на земле, другие упали совсем недавно, и на них ещё виднеются остатки пожелтевшей хвои. Встречаются труднопроходимые заросли молодого ельника, но надо протискиваться сквозь эти колючие чащи.

Особенно трудно преодолевать кустарники. Где плечом, где бедром, где головой, а где-то и всем телом приходится наваливаться на переплетения травы и веток, чтобы продвигаться в чаще. И обошла бы, если в обозреваемом пространстве увидела бы свободное от переплетений местечко. Она переползает через толстые туловища упавших великанов, прилагая немалые усилия.

Девочка понимает, что медведю ни буреломом, ни колючие ельники или заросли шиповника — не преграда. Хищник в любой миг может настичнуть её. Непонятно, почему он не делает этого. Анжела беззвучно плачет. Слёзы, скатываясь по щекам, смешиваются с дождевой водой, а солоноватая жидкость попадает на пересохшие губы, пощипывает их. Ей, уставшей убежать от преследователя, хочется упасть и вдоволь нареветься, как это бывало, когда её кто-то горько обижал. Но теперь это невозможно.

Может быть, зверь потому и не нападает на неё, что она, назло трудностям, идёт? Сама девочка не знает ответа на вопрос, а бессловесная громадина, идя следом, только подгоняет. Ни души, кто мог бы помочь или пожалеть. Нет, она не малышка, которую когда-то жалела мама не одну сотню раз. Но людское участие, хотя бы добрым словом, ей сейчас необходимо.

— Эх, люди, люди! Где же вы, люди? — тихим стоном вырывается в пространство давно мучивший вопрос. — Как страшно одной, когда

совсем рядом идёт медведь! Что ему надо? За что он преследует меня, как в страшном сне? Может быть, это и есть сон, а наступит утро — и я проснусь? Нет, это не сон. Мне действительно больно и страшно. И может ли во сне так хотеться есть?

Тяжесть мыслей давит на уставшие ноги дополнительным грузом. Дважды, доходя до ручья, беглянка продолжала путь по воде. Из-за наросших водорослей осколки острых глыб на дне ручьёв очень скользкие. Всё, что отмирало и падало на воду, уносилось потоком. Только эти противные водоросли сумели обжить каменистое дно. Идущая по ним девочка понимает, что в любой момент может упасть на острые камни, но с осторожностью идёт дальше. Она хочет, чтобы зверь потерял её след. «Или, может быть, он не захочет идти по воде и прекратит преследование?» — лелеет надежду Анжела. И оба раза с сожалением убеждается, что медведя, с его звериным чутьём, не обманешь. Уже в который раз по-детски наивно задаётся вопросом: «Почему хищник преследует, но не нападает, а плетётся рядом? Может быть, это медведица, мама погибшего медвежонка? Вдруг она от горя приняла меня за своё дитя? Что она со мной сделает, когда поймёт свою ошибку?»

Иногда девочка-подросток близости косолапого не ощущает. Появляется надежда, что зверю надоело преследование и он ушёл восвояси. Но через час или два вновь чувствуется сопровождение. Медведь оставляет преследование, чтобы полакомиться ягодами. Она же не может позволить себе даже этого.

Вчера уставшая от трудностей перехода, голодная, продрогшая от дождя девочка прислонилась спиной к огромному кедру и задремала, забыв об опасениях, что будет, когда медведь настигнет её. Преследователя не было слышно — отстал. Но, встрепенувшись от дрёмы, она услышала ровное сопение. Зверь, обнаружив девочку спящей, тоже уснул невдалеке. Опасаясь нарушить чуткий звериный сон хищника, Анжела осторожно оставила нагретое место и под дождём шагнула в ночь.

Она и не предполагала, что, уходя от преследователя, шла против ветра. Букет ароматов от уставшего человечка ещё долго доходил до зверя, ослабевая постепенно. Внезапное исчезновение запаха разбудило бы спящего хищника. Тихий шорох скатывающихся по листе капель дождя приглушил звуки удаляющейся беглянки. Когда забрезжил рассвет, вновь пришло ощущение близости медведя.

В это утро её посетила новая мысль: «Медведь, убедившись в том, что я, его жертва, не представляю для него угрозы, чувствуя мою беззащитность, просто сопровождает меня, чтобы уберечь от нападения другого зверя. Вот так медвежья услуга!!!»

Но тут же неожиданная мысль показалась ей абсурдной. Стараясь не развивать тему, она пошла прочь ещё решительнее, опасаясь оказаться с огромным хищником лицом к лицу. «Точнее, лицом к морде», — мысленно поправила себя девочка.

Вымотавшись за переход, начавшийся ещё ночью, села под разлапистую пихту. Ветки опустились почти до земли. Дождь, с перерывами продолжающийся вторые сутки, не замочил облюбованное местечко. Под пихту не проникает и слабый ветерок. Медведь обнаружит её здесь, но сейчас его нет, он снова отстал, чтобы насытиться.

«Ах, снова эта мысль о еде». Но в мокрой одежде нет ни крошки, ни капли чего-нибудь съедобного. Последний раз Анжела с мамой и тётёй Соней перекусывала среди кочек клюквенного болота. Сидя в безветренном сухом месте, девочка стала согреваться, ей припомнился тот день в мельчайших подробностях.

II.

Тряская от несчётного множества ухабов грунтовая дорога, начавшаяся ещё на выезде из рабочего посёлка Чибижек, неожиданно исчезла. Тётя Соня заглушила мотоцикл и властно скомандовала: — Вытряхивайтесь, красавицы, дальше идём пешком.

По заросшей кустарниками тропинке Анжела и её мама Елизавета, разминая затёкшие от длительной езды ноги, вслед за тётёй Соней пошли на болото. Оно оказалось непохожим на те, которые доводилось видеть юной ягоднице, — не сплошное, с позеленевшей жижей между кочками, а состоящее из множества небольших плоских лужаек с бугорками, в которых крапинки спелой клюквы видны только с пары шагов. Под сапогами мох вдавливается, а на его месте выступает вода.

Вокруг клюквенных лужаек на чуть возвышающихся сухих местах растёт двухметровый пырей, видны заросли шиповника, а над всем этим золотятся кронами низкорослые болотные берёзки. Оказавшись среди ягод, мать с дочерью стали их собирать, а тётя ушла искать место, где ягода ярнее, крупнее и спелее. Вскоре она позвала своих спутниц, но когда те пришли, сама отправилась искать новое, более ягодное место. И нашла, позвав к себе сестру и племянницу.

Так повторилось несколько раз. Сначала Елизавета, а потом и её дочь убедились, что ягода везде примерно одинаковая, и перестали переходить на новые места. Вот так и оказались они каждая на своей лужайке. Иногда кто-нибудь окликает, а другие отзываются, убеждаясь, что все находятся близко. Когда все вместе перекусили, разбрелись на приглянувшиеся им ягодные места. Проходя по сухим полоскам земли с одной клюквенной лужайки на другую, все обращают внимание на стойкий приятный запах чёрной смородины. Ягоды успели осыпаться — аромат испускается стеблями и последними листьями.

В буйном разнотравье попадаются и кусты кислицы. Так у нас называют красную смородину. Листва с кустов почти полностью облетела. То же можно сказать и о ягоде. Но кое-что осталось от прежних ягодных гроздей. Переспелые рубиновые бусинки кажутся прозрачными в лучах яркого осеннего солнца. Даже семена видны

сквозь тонкую бесцветную кожицу. Словно драгоценные украшения приготовлены природой для взыскательной модницы.

Ни чёрную, ни красную смородину здесь никто не собирает — такой ягоды предостаточно и ближе от дома. И не было на этом клюквенном болоте, кроме них, никого. Но вдруг... На очередной оклик матери грозным рычанием отозвался медведь. Когда кто-нибудь подаёт голос, чтобы позвать других, зверь рычит и направляется в сторону нарушительницы спокойствия. Всем стало понятно, что с этого места надо поскорее уносить ноги, и делать это необходимо без шума, не будоража нервы грозного хищника.

Вскоре на очередной оклик отступающих ягодниц хозяин тайги уже не идёт, а бежит, подминая под себя даже берёзки. Возможно, так он выгоняет незваных гостей с приглянувшегося ему лакомого местечка. Кисло-сладковатая ягода пришлась по вкусу и ему. Когда мама окликнула дочку и та отозвалась, поднялся такой рёв, словно через мгновение лесной великан набросится на жертву. Так Анжелой понято предупреждение рычанием.

Больше она не отзывается, а косолапый, перестав метаться между ягодницами, пошёл за ней. Девочке слышны ещё несколько окликов матери и тёти, но страх разозлить зверя ещё больше мешает откликнуться. Отзывается грозным рёвом медведь. Он продолжает преследование. В те первые минуты показалось, что ноги, переставшие слушаться, через мгновение отнимутся. Они стали такими тяжёлыми, словно она обута в огромные папины рыбацкие сапоги, которые полны воды.

Сердце бешено колотится, виски сжали невидимые тиски, а перед глазами всё расплылось, теряя чёткие очертания. Уже тогда обострившимся слухом она ощутила могучего преследователя и, как заклинание, мысленно повторяла: «Только бы не напал, только бы не напал».

Девочка знает, что надо постараться выйти к мотоциклу, где мама и тётя уже ждут её. Мотоцикл-то медведь не догонит, если даже попытается. Постепенно ноги стали послушными. Пытаясь уйти от лесного великана, она незаметно сменила направление следования. Потому не только не вышла к мотоциклу, но и перестала слышать голоса взрослых, зовущих её. Когда рёв хозяина тайги прекратился, Соня нашла сестру, охваченную паникой.

— Моя девочка! Анжелочка! Её больше нет. Зверюга сожрал мою кровиночку, — еле выговаривала потерявшая самообладание мать, глотая слёзы.

Опираясь на колени и локти, мать, не осознавая того, была женскими кулачками по глади лужайки, выбивая из болотного мха брызги. Она не ощущала ни прохлады воды, освежающей лицо, шею и руки, ни присутствия сестры. В те минуты Соня тщетно пыталась успокоить охваченную горем Елизавету. Не подействовали успокаивающе и слова, что Анжела не отзывается, чтобы не озлоблять зверя.

— В случае нападения она успела бы испустить душераздирающий вопль. Но его не было, значит, наша малышка жива.

Сестра потребовала от безутешной матери выходить к мотоциклу. — Надо ехать и немедленно поднимать людей на поиски.

— Нет, он съел моего ребёнка, пусть слопаёт и меня. Поезжай, а я буду искать мою доченьку.

— Конечно, я оставляю тебя здесь, чтобы потом искать двоих. Даже не надейся на это. Пошли!

С огромным трудом Соня увела сестру с болота. Обе уехали без ягод — о них вспомнили намного позже. Пока выходили — не жалея глоток, звали дорогого для них человечка. Но безуспешно.

— Домой, Лизавета, домой.

— Нет. Поедем к Виктору. Только он — профессиональный спасатель — найдёт мою девочку, если она ещё жива.

И они рассказали спасателю о том, что произошло и где именно. Оказалось, что тот знает это место и готов выехать немедленно. Благо, что всё готово к поездке — собирался подремонтировать охотничье зимовье. Рыбалка и охота — его хобби, но и к ним Виктор готовился всегда основательно. В доме сестры Соня оказалась свидетелем разразившегося скандала. В пылу нескончаемых обвинений муж Елизаветы выкрикнул: — Да какая же ты мать?! Мать твою... Другая мать на твоём месте себя отдала бы на съедение зверю, чтобы спасти дитя!..

Елизавета, нервы которой и без этих слов были на пределе, потеряла сознание. Когда очнулась, рядом на больничной койке сидела сестра. Соня тут же пояснила, что, кроме спасателя, отправившегося на поиски сразу, сегодня утром на болото уехали пятеро охотников. Она заверяла, что Анжелочку обязательно найдут, когда почувствовала, что её собеседница временами заговаривается. Врач, узнав про это, сказал успокаивающе:

— Это явление проходящее. Всё нормализуется, как только сменится к лучшему обстановка, вызвавшая нервное потрясение.

Он попросил не покидать больную.

— В таком состоянии она может сделать что угодно — даже выйти из окна второго этажа.

III.

И вот Виктор на том самом болоте. По натоптаным в траве тропам видно, как бесновался зверь, бросаясь на отступающих ягодниц. Заметил и вёдра, и рассыпанные ягоды, на которые зверь не обращал внимания. Не сразу, но обнаружил следы топтыгина, удаляющегося от болота. Помятая трава ещё не поднялась. Кое-где обнаружены сухие ветки, сломанные поступью тяжеловеса. Признаков маленького человечка увидеть не удалось.

Следопыт вышел к другому болоту. Между кочек извивается полоска открытой воды. Косолапый почти проплыл, лакомясь ягодой. Мох

и трава утонули под его тяжестью. По этой топи спасателю пришлось бы передвигаться только по-медвежьи — вплавь. Ясно, что девочка прошла в другом месте.

«Возвращаться и искать, где хищник ушёл с её следа? Но найти след ребёнка трудно даже днём. Перед уходом за горизонт солнце закрыли тучи, начался морозящий дождь. Темнота сгустилась. Медведь, выйдя из болота, продолжил преследование». Бывалый таёжник не сомневался, что ещё обнаружит следы прошедшей ранее малышки.

Обогнув непроходимое место, охотник снова пошёл по следам косолапого. Интуиция не обманула. Перелезая через валежину, беглянка рассыпала ягоды. Её сопровождающий полакомился ими. Остатки от лакомства и заметил преследователь зверя. Стало совсем темно. Чтобы не сбиться со следа, спасатель решил заночевать и разжёл костёр.

Виктор приступил к поискам с отставанием около четырёх часов. В этот вечер ребёнок уходил от преследования почти так же быстро, как шёл он сам. За всё время опытный таёжник не сделал ни единого выстрела — знал, что не услышит слабый отклик подростка, ещё далеко. А вот зверя выстрел побеспокоить мог. И как он повёл бы себя после выстрела — неизвестно.

Забрезжил рассвет. Спасатель продолжил поиск. Медведь сыт и не тронет малышку, пока его что-нибудь не подтолкнёт к этому. Как и девочке, поисковику приходилось преодолевать все препятствия, нагромождённые природой. Вскоре обнаружилась медвежья лёжка-ночлежка. А в паре десятков шагов под большим кедром — место, где Анжела провела часть ночи.

Стало ясно, что уставшая беглянка, не ощущая погони, присела под кедром отдохнуть и заснула. Медведь, насытившись, вышел на её след и около кедра почувствовал близость преследуемого человека. Побродив из стороны в сторону, нашёл удобное место и завалился на ночлег. Виктора поразило, как близко от своей жертвы был зверь, но при этом не разбудил ребёнка. В кронах вековых елей и пихт морозящий дождь собирался в крупные, холодящие тело капли.

«Каково же где-то там малышке в такую погоду? Наверное, продрогла? Время восхода солнца, но тучи нависли от горизонта до горизонта. Светилу не пробиться сквозь густую завесу осеннего небесного занавеса», — беспокоился Виктор за девочку.

На дне ручья видны камни с содранными с них водорослями. Следы уходили вниз по течению. Значит, дитя приняло решение обмануть преследователя. Идти по острым и скользким камням неудобно и опасно.

«Только не поскользнься, не поранься, милая девочка, — пронеслось в голове Виктора. — Иначе зверь озвереет. О Боже, что я говорю? Ведь зверь — он и есть зверь. И всё-таки не поранься. Почувяв запах крови, косолапый может напасть. Тогда конец твоего побега от него, тогда смерть неминуема».

Чтобы не поскользнуться и не удариться при падении, вышел на берег, но там очутился в таком непролазном кустарнике, что тут же вернулся в ручей. Терять время, выпутываясь из кустов, он не имел права. К тому же, идя по зарослям, можно было не заметить и пройти место, где следы вышли из воды. Их поиски могли стоить драгоценного времени.

То же повторилось и во втором ручье, где беглянка также пыталась не оставить преследователю запаха следов. Но на скользких камнях она машинально касалась рукой и одеждой нависших над водой кустарников. Медведю этого достаточно, чтобы продолжать преследование девочки, не теряя времени на поиск.

Следопыт запнулся о вросшую в траву ветку. И тут он заметил разорванное лапами зверя пластиковое ведёрко. В смятой траве видны ягоды. В первый раз, перелезая через колдобину, девочка просыпала не всё и продолжала идти с остатками. Теперь она лишилась набранных ягод, потому и не взяла ведёрко. Да, Анжела тоже запнулась здесь. А ведёрко топтыгин разорвал, чтобы было удобнее слизывать образовавшийся сок. Полакомившись рассыпанной ягодой и соком, косолапый ушёл в сторону, а еле заметные следы ребёнка продолжали удаляться прямо.

«О Боже, неужели хозяин тайги шёл за ней потому, что она несла медвежье лакомство?! Может, он оставил юную ягоdniцу?» Спасатель ускорил шаг. Под тяжестью дождевых капель трава осталась прижатой, следы ещё заметны, можно не сбавлять ход. Но не прошёл он и трёх километров, как увидел, что топтыгин снова вышел на след.

«Время подходит к обеду, до темноты ещё идти и идти. Вечером я должен догнать их».

Спасатель не мог знать, что место ночлега подростком оставлено ещё до рассвета. А это существенно увеличило разрыв между ними. В густом ельнике следопыт увидел бейсболку. «Она не заметила пропажу, иначе забрала бы её. Или малышка решила не терять время, не возвращаться в колючие заросли? Медведем это творение человеческого разума оставлено без внимания, — подметил Виктор. — Нет, я не сбился, идя по медвежьим следам».

Поздний вечер. В хвойном лесу следы зверя еле различимы. «Не пора ли устраиваться на ночлег? — мелькнула мысль. — Но что это?»

Ветерок донёс до него еле уловимый запах. Раньше его не было. В другое время Виктор мог бы его не уловить. Но сейчас, когда каждой клеткой мозга овладело желание найти ребёнка, ощущался неприятный привкус этого запаха. Исходил он от мокрой шерсти медведя — в этом не могло быть сомнений.

«Стоп машина! Медведь где-то рядом. Он ещё не ощущает моего присутствия. Надо действовать, пока направление ветерка не сменилось. Тишина. Значит, топтыгин расположился на ночлег. Но тогда и ребёнок очень близко, как в предыдущую ночь. Позвать, окликнуть

девочку нельзя. Это взбудоражит, подтолкнёт животное к непредсказуемым действиям».

IV.

Виктор зарядил в один ствол патрон с дробью, а во второй — с пулей.

Это на случай, если медведь не захочет уйти с миром.

«Нельзя терять время на перезарядку обоих стволов. Риск недопустим. На мне ответственность за две жизни — свою и ребёнка».

Осторожно, чтобы не потревожить зверя, спасатель удалился на несколько шагов в сторону и продолжил движение против ветра. Единственное место, где девочка могла бы укрыться от непогоды, — это разлапистая пихта. Топтыгин, почуяв близость непрошеного гостя, с грозным рычанием пошёл в наступление. Грохот предупредительного выстрела в темноту многократным эхом пронёсся по тайге, но не остановил лесного богатыря. После выстрела он уже не шёл, а прыжками летел к пришельцу, посягнувшему на охраняемую добычу.

От звука выстрела Анжела проснулась. Не осознавая после сна, где она и что с ней, резким движением попыталась встать. Пружинистые ветки остановили. В тот же миг она раздвинула их и в сгустившейся мгле увидела тёмное пятно, прыжками несущееся куда-то мимо её укрытия. Почти одновременно прогремели ещё два выстрела. Их пламя на мгновение осветило мужчину, стрелявшего в её преследователя. И хоть вспышки были чуть в стороне, стало видно огромного разъярённого хищника, готового разорвать в клочья незваного гостя.

Даже не узнав стрелка, она поняла, что с ним пришло спасение. Бывалый охотник ещё перезаряжал ружьё после неприцельного выстрела дробью, когда в темноте появилось огромное тёмное пятно, несущееся прямо на него. Две пули настигли зверя в прыжке. Смертельно раненный, он завалился на бок. В предсмертной агонии, с бешеным рёвом, огласившим таёжную тишину, лесной великан всеми лапами стал грести около себя, подминая лесную поросль. Он несколько раз попытался встать, чтобы напасть на обидчика. Молодые деревца вырваны с корнями на всей площадке, куда достали лапы озлобленного силача.

Виктор приблизился к зверю настолько, чтобы темнота не мешала выстрелить прицельно. Только этот выстрел смог навечно успокоить бушующую «землеройную машину». Лишь теперь топтыгин перестал быть опасностью для девочки и её спасателя.

— Анжелочка, не бойся медведя. И меня не бойся. Я — дядя Витя, спасатель. Ты слышала обо мне.

Да, его знают во всей округе и взрослые, и дети. Он — живая легенда Каменки и окрестностей. Из-под нависшего лапника пихты с рыданиями появилась жертва преследования. Девочка подошла и прижалась к взрослому и бесстрашному мужчине. Она знает дядю Витю, видела в школе, когда его приглашали на классный час старшеклассников.

Чуть успокоившись, девочка поделилась предположениями о причине преследования, призналась, что жаль зверя, ведь он не тронул её.

— Но я всё равно очень боялась его.

— Да, жаль загубленную жизнь, хоть это жизнь всего лишь зверя. Но иначе он не перестал бы преследовать тебя. Ты могла погибнуть от голода. К тому же я сам был на волосок от смерти. Зверюге оставалось сделать прыжок. А во втором прыжке он подмял бы меня. Освободиться от туши, ломающей кости и рвущей жертву на части, поверь, было бы нереально. Твоё предположение о медведице, ищущей своего ребёнка, оказалось ошибочным. Это топтыгин, а он не мог искать медвежонка. Не знала его шкура и ранящих выстрелов охотников. Иначе, мстя людям, он порвал бы тебя ещё на клюквенном болоте. Вероятнее всего, он воспринимал тебя как припас про запас. Сейчас зверь сыт ягодами. До тебя черёд дошёл бы позже. Но и догадку о медвежьей услуге тоже не будем исключать. Заночуем чуть дальше, чтобы поскорее забыть об этом ужасе,— посоветовал взрослый.

На следующий день следопыт вывел Анжелу к реке, а рыбаки на лодке вывезли их до дороги. Вечером девочка успела в больницу к маме и тёте. Елизавета, обрадованная появлением невредимой дочки, стала восприниматься окружающими совершенно здоровой. Доктор пообещал Анжеле, что через пару дней мама покинет это временное пристанище. Окрылённая известием о маме, дочка восхитилась спасателем:

— Спасать людей — это призвание дяди Вити!

— Смотри глубже, доченька. Его призвание — делать людям добро. А спасать их — это только часть того призвания.

Владимир Романенко

МОЕМУ ПЕГАСУ

Мой Карагёз, то бишь Пегас, устал
Носить меня по хлябям и ухабам.
Не потому, что оказался слабым, —
В смысл бега просто верить перестал.

По мокрым крыльям пробегает дрожь —
И дальше вниз, к раскованным копытам.
Он редко был рассёдланным и сытым
И на других всегда был не похож.

Без родословной, вольным стригунком
Он мне достался как подарок свыше.
О, как глумились мэтры-нувориши
Над нашим бегом и над языком...

Мы с ним ввязались в жёсткую игру.
То поднимались, то валились в штопор...
Но каждый раз я, чертыхаясь, штопал
В своей мечте огромную дыру.

В конце концов мы выровняли бег.
И вот уж враг нам норовил стать другом,
Чтоб тайно чиркнуть бритвой по подпругам,
Предугадав наш завтрашний ночлег.

Доверчивость — святая простота —
Несчётно раз нам вылезала боком.
И только нить, связующая с Богом,
Давала силы открывать уста.

Мы растопили недоверья лёд,
Пройдя пешком под сводами молчанья.
...И вот теперь — на пике озвучанья
Стихов — Пегас ни взад и ни вперёд...

Всем видом говоря мне, что устал
Носить меня по хлябям и ухабам,
Не потому, что оказался слабым, —
В смысл бега просто верить перестал...

* * *

Всё тот же сон: себя не помня,
Пронзая облако лучом,
Лечу, лечу, и парус полдня
Стреляет гулко за плечом.

Ни гравитации, ни страха.
Души мальчишеский подъём.
И мамой сшитая рубаха
В горошек синий — пузырём.

Далёкий сон, как берег детства,
За мною ходит по пятам.
Порою стоит лишь взглядеться
В себя уставшего, а там:

Не помня дня, числа не помня,
Пронзая облако лучом,
Опять лечу, и парус полдня
Стреляет гулко над плечом.

* * *

Время уходит в небыль...
Сквозь золотые спицы
Синие вёрсты неба
Вновь обживают птицы.
Кто их отлёт осудит?
Осень зовёт в дорогу.
Птицы — они как люди:
Не улетать не могут.
Грустно роняют перья,
Словно прощанья слёзы.
Бабушкины поверья —
Ждут к Покрову морозы.
Горькой полыни стебель
Давно уж не ароматный...
Трудно поверить в небыль
И перелёт обратный.

* * *

Погас огонь серебряной звезды.
Молчанье звоном заливает уши.
Твои шаги становятся всё глуше,
И всё незримей мокрые следы.

Прямая разобщённость полюсов.
Ни искорки, ни вспышки, ни разряда,
Ни скрежета зубовного, ни взгляда,
Ни эхом искажённых голосов.

Сжимает сердце холодок беды,
Осенний лист пропеллером вращая...
Тем самым снова память возвращая
К трагедии серебряной звезды.

России

Рос-си-я... Повторяю по слогам.
Я родниками строк тебе обязан,
К твоим навечно пашням и лугам
Невидимыми нитями привязан.

Настанет день, я брошу строки в бой.
Нет сил таких — меня переупрямить.
Я зрение твоё. Я голос твой,
Вечерняя и утренняя память.

И потеряться в мире не боюсь.
Куда б меня ветра ни заносили,
Я пятнышком родимым остаюсь
На материнском теле у России.

ПРИГОВОРИ МЕНЯ...

Я верю тайной ворожке,
Наитиям примет.

Приговори меня к себе
На много, много лет.

И словно чудо сотвори
(Ведь чувств не утаить) —
Приговори, приговори
Одну тебя любить.

Любить, страдая и скорбя,
Покуда хватит сил...
А впрочем, что ж, я сам себя
К тебе приговорил...

РАЗЛУКИ

И приходят разлуки...
Для чего ж ты дала,
Жизнь, мне сильные руки —
Два намёка крыла?

Крылья белого «Ила»
Распахнулись, и вновь
Центробежная сила
Рвёт из сердца любовь.

Не досказано что-то...
А над памятью лет —
Только гул самолёта
Да инверсии след.

Светлана Блохнина

Волшебный рюкзак, или Уеду навсегда

Ребёнком-дошкольником я росла любознательным и непоседливым, жажда познания мира была неуёмной. Конечно, шалила и проказничала, что греха таить. Родители, естественно, реагировали. Но иногда воспитательные меры казались мне обидными и несправедливыми. И тогда я решительно объявляла:

— Всё! Я от вас уезжаю! Навсегда!

На самом деле мне хотелось, чтобы родители расстроились, поняли, что зря обидели ребёнка, признали мою ценность и нужность. В идеале — чтобы раскаялись в содеянном и умоляли остаться. Однако они меня знали лучше.

Родители соглашались: так вещи же собрать надо. Папа вытаскивал на середину комнаты свой волшебный рыбацко-охотничий рюкзак. Его для начала нужно было освободить. Я доставала из глубоких карманов всякие интересные штучки: коробочку с блестящими мормышками (минут десять уходило на их рассматривание, перебирание), лески разной толщины на разноразмерных бобинах (по пути папа показывал, как обозначается толщина и длина лески, рассказывал, какую именно рыбу и какого веса она выдержит). Далее выуживались кусачки, пассатижи, моток новенькой синей изоляенты, свечи и спички. Свечи лежали в пакете из плотной вощёной бумаги, а спички — в круглой металлической коробочке из-под ваксы. Такие баночки во дворе именовались битками, мы играли ими в классики.

По пути папа вспоминал, что у меня есть большая баночка из-под леденцов монпансье, и не могла бы я отдать ему эту баночку для очень нужной всячины. Я вприпрыжку бежала к ящику с игрушками, доставала оттуда невероятно красивую, всю в леденцах, блестящую баночку и вручала папе. Тот, довольно крикнув, придирчиво осматривал её, открывал-закрывал и показывал маме:

— Смотри, какую баночку мне Ляля отдала!

Мама, улыбаясь, кивала головой и периодически уходила на кухню. Оттуда доносились звуки брякающей посуды, стука ножа, журчания воды в раковине и необыкновенно вкусные запахи.

Очередь доходила до большого отделения. Доставались особым образом уложенные зимние удочки, пыжи, связанные бабушкой шерстяные носки с толстой пяткой. Затем выуживалась коробка, где

в отдельных пакетиках лежали чёрный чай россыпью, карамельки и кусочки рафинада. В узком боковом кармане находился суперскладник с костяной ручкой и складная ложка-вилка. Рюкзак был и впрямь волшебный: в нём хранилось столько интересных вещей!

Так как времени на вышеописанное действие уходило довольно много, моя обида постепенно улетучивалась. Я чувствовала свою причастность и нужность, была окружена вниманием, заботой и любовью родителей. Со мной считались и помогали осуществить задуманное.

Тут вмешивалась мама:

— Сборы затянулись, надо бы перед дорогой хорошо поесть, путь-то долгий.

Куда? Зачем? Мы все вместе шли на кухню. Я за обе щёки уплетала жаренную на шкварках картошку, вкуснее которой ничего не было, заедала хрустящей корочкой хлеба, солёными огурцами и помидорами. Папа подкладывал мясо, отделяя мякоть от мосо­лыги из борща, чтоб точно наелась. Потом он наводил «папин чай». Как сейчас, так ничего особенного: чёрный чай с молоком и сахаром. И наливал его непременно в свою кружку. В ней были Здоровье, Сила Духа, Сила Воли, Зов Предков, Ловкость, Сметка, Сила Семьи.

Мама подавала испечённый за время сборов пирог с малиной (для Житейской Мудрости, Ума, Любви, Красоты и Терпения). Она как-то ловко успевала между делом и чай попить, и поесть. И почему-то они с отцом перемигивались.

Вершиной всего ужина была замуськанная в рюкзаке карамелька, фантик от которой местами отди­рался зубами — она казалась слаще халвы и мороженого.

Потом папа говорил:

— Ну, мать, Ляля подкрепи­лась, идите теперь рюкзак в дорогу собирать.

Какой рюкзак? Зачем собирать? Дома так хорошо! Пыла давешнего уже не было, но выручала мамина бодрость: надо кофточку сложить. И носочки вязаные. Шарфик. Платочек, чтоб ушки не простыли. Подушку надо бы, чтоб спать удобно. Вот с подушкой прямо беда: не лезет в рюкзак перовая подушка семьдесят на семьдесят. Вяло соглашаюсь на думочку. Потом идёт та же коробка с чаем, леденцами и рафинадом. В хозяйственное отделение помещаются мыло, свечи, спички, изолента, моток бельевой верёвки с прищепками. Очень важно не забыть любимую книжку, мишку с куклой, пистолет с пистонами (от настоящих медведей обороняться). В сборах рюкзака незаметно проходит час, а то и больше. Вроде всё нужное с собой положила.

Я, уже без былого запала и вдохновения, примериваюсь к рюкзаку. Тяжеловат — не то слово! Неподъёмный!

Глаза у меня совершенно ослотившие, всё чаще поглядываю на диван. Мама сокрушается:

— Надо же, как ты устала, пока собиралась! Надо бы сил набраться, а заодно и подрасти немного. Давай-ка я тебя уложу, расскажу сказку, спинку почешу! А завтра встанешь с новыми силами. Утро вечера мудренее.

Я соглашаюсь, плетусь умываться, кое-как переодеваюсь в пижаму и проваливаюсь в сон очень быстро, даже не дослушав сказку. Засыпаю с полным ощущением причастности и нужности в своей семье, в окружении внимания, любви и заботы.

Николай Тычинский

В ТЁМНОМ ЛЕСЕ

*В те дни, когда с задумчивых небес
Не часто смотрит вечное светило,
Мелькнёт и быстро скроется за лес...*

Данте Алигьери

Последний автобус в Коростелёво отправлялся в двадцать один двадцать. В тот день он опоздал с выходом на три минуты. Пассажиры дремали, отражаясь в тёмных окнах. Кондуктор Лена насчитала четырнадцать человек и успокоилась: выручка за день получалась вполне неплохой. На последней перед лесом остановке трое городских вышли, а в салон, как всегда, поднялся Иргизов, работавший где-то здесь, на окраине города. Водитель Сева, худощавый мужик за пятьдесят, зевнув, приоткрыл окно и закурил, в последнем рейсе он себе это позволял, знал, что возмущаться никто не станет.

Сразу за чертой города начинался густой, мощный лес. Извилистая дорога тянется долго. Снег с ветром усилились. Началась первая первая в эту позднюю осень метель. Пришлось переключиться на ближний свет — слишком уж слепили встречные снежные хлопья. За очередным поворотом свет выхватил дерево, лежащее поперёк дороги. Сева едва успел остановиться метрах в полутора от него. Сосна, видимо, упала только что, ветки ещё покачивались, ветер разбивал летающие с них комья снега о ветровое стекло.

Иргизов матюгнулся, женщины взвизгнули, кондукторша Лена вытянулась на моторном капоте, покрытом стёганым одеялом, словно на семейной кровати. Кто дремал — проснулись. Сева открыл переднюю дверь, открыл свою водительскую и вышел наружу. Мело изрядно, но было не холодно. Лес стоял сплошной чёрной стеной; казалось, что и дороги никакой нет — ни впереди, за упавшим деревом, ни сзади. Несколько пассажиров тоже вышли и смотрели на освещённую фарами сосну-преграду. Сева выплюнул погасший окурок:

— Всё, садитесь, назад поедem.

— Может, тросом подцепим, оттащим? — Иргизову надо было обязательно вернуться домой.

— Трактор я тебе? Садитесь.

— В аварийку если позвонить, они быстро приедут, — студент Юра уже держал наготове телефон.

— Тут в лесу не берёт, утомонись, пацан. Сказал, назад едем.

Сева разворачивался долго — боялся скатиться в кювет. Наконец осторожно поехали обратно.

— И чего теперь в городе я делать стану, куда деваться? — баба Зина обращалась ко всем сразу.

— На автовокзале можно ночь пересидеть, — кондуктор Лена сочла своим долгом проявить заботу.

— Сама там сиди. Ты молодая, всё нипочём.

— Баба Зина без своего деда не заснёт, да и приревнует Пал Иванович, — бойкая Аня-продавщица не унывала.

— Ты, Анька, моего Павла не трожь, а то найду чего тебе ответить. Где вот ночевать станешь? На вокзале?

— Ой, бабочка Зиночка, я да не найду? Не переживай за меня.

— Меня с собой возьмёшь, Ань?

Разговор набирал обороты, пассажиры обсуждали перспективы ночи. Но тут автобус снова остановился. В этот раз не так резко. Путь назад был перекрыт другим деревом. Толстая сосна преграждала дорогу пышными ветвями с нависшего, словно мост, ствола.

Наружу вывалили все до единого.

Метель внезапно прекратилась, и только редкие крупные снежинки медленно спускались с небес на ставший вдруг простым железом автобус и растерянных человечков.

Иргизов предложил вернуться к первой сосне и объехать её, пообещав, что покажет просеку, по которой вывозят лес. Просеками можно продвинуться и спокойно добраться до Коростелёво. Народ разделился на две группы: большинство соглашалось действовать и требовало немедленной попытки вырваться из плена; группа из пяти человек настаивала на том, что лучше переждать в автобусе, рано или поздно придут ремонтники, их вызволят. Над спором оставались водитель Сева и его соратница — кондуктор Лена. Они молчали, но решение было за ними.

Двое: молчаливый мужчина с рюкзаком и его спутница — женщина в шали, — заявили, что пешком доберутся до Коростелёво, и тут же направились назад по дороге. Сева окрикнул их, чтобы подвезти хотя бы до съезда на просеку. Автобус рванул обратно. Пока ехали, к этим двоим прибавились ещё трое. Через несколько минут автобус остановился перед разбитой обочиной — поворотом на укатанную лесовозами просеку. Пятеро ушли в темноту.

Иргизов встал рядом с водителем. Автобус бросало вверх-вниз, словно в шторм, колея от тягачей не годилась для езды. Сева боялся порвать колёса о сучки и корни, но возвращаться было поздно. Иргизов божился, что поворот вот-вот будет, его нельзя прозевать, но поворот не появлялся. Лес стал гуще, трудно было что-нибудь разглядеть даже на несколько метров. Наконец Иргизов указал на небольшую полянку впереди:

— Вот тут вроде.

— Так здесь, или не уверен? — Сева нажал на тормоз.

— Давай проверю.

— Поверну, светить тебе буду, а ты шагай — показывай.

Иргизов вышел в лес, с ним отправился студент Юра. Спотыкаясь, нащупывали дорогу. Махнули Севе — дорога нашлась. Снова посыпал снег, но уже без ветра, хотя верхушки деревьев покачивались и скрипели. Над лесом, видимо, продолжалась метель.

Автобус то подходил вплотную и слепил светом, то отставал и крался за деревьями, раскачивая лучи фар. Шли на ощупь. Дорога под ногами часто терялась. Тогда они расходились в стороны, чтобы её найти.

Юре стало страшно в темноте. Свет фар едва просматривался сквозь частокол стволов. Он пошёл на свет, падая и поднимаясь. Ободранные руки горели. Юра споткнулся обо что-то большое и навзничь упал на мох. Лежать оказалось не так холодно, и небо казалось не чёрным, а серо-голубым, словно подсвеченным откуда-то сверху. Совсем низко, почти цепляясь за качающиеся макушки сосен, над ним медленно проплыл огромный — в полнеба — слон. Слон размахивал хоботом в стороны, словно разыскивал и ловил кого-то, а уши его развевались на ветру, как боевые флаги. Когда слон скрылся, Юра поднялся. До автобуса оставалось десятка два метров.

Сева выключил фары, заглушил двигатель. За стенками автобуса стал слышен лес.

Иргизов чувствовал себя виноватым:

— Может, развернуться?

— Как я тут развернусь? — Сева был растерян и оттого необычно вежлив.

— Скоро холодно станет. Давайте укутываться кто во что может. Вот, пара одеял есть, — кондуктор стягивала накидки с капота.

— Заводиться буду редко, если уж совсем край. Бензина четверть бака.

— Я предлагаю пешком к трассе идти напрямую и по ней... — Юре становилось всё холоднее, особенно застыли ноги.

— Да, малой, пожалуй, прав. Идти надо, пока не очоурились в железе этом. Только не по направлению, а по следу нашему. Так не собьёмся, — охранник Хруничев застёгивал молнию куртки под подбородок, жалея, что оставил тёплый бушлат на работе.

— Напрямую быстрее, но я не настаиваю.

— Куда напрямую? Ты знаешь, где это? Не настаивает он...

— Кто за то, чтобы идти? — Иргизов снова проявлял инициативу.

— Лучше в одеяло замотаться и ждать. Куда в метель шараться? — баба Зина потянула одеяло к себе.

— Ну и жди. А мы пойдём.

— Машину не брошу, — Сева вернулся на водительское место.

— Я с тобой, — придвинулась к нему Лена.

—Замёрзнем тут до утра как в консервной банке, раз бензина на доньшке. С другой стороны, куда идти — непонятно, метель да темень. Сгинуть можно. Так что, думаю, до утра бы нам дотянуть, чтобы хоть светло стало, — шансов выбраться больше. А искать нас скоро точно не станут, — вдруг очнулся и подал голос дедок, что сидел в заднем углу.

Повисла пауза — задумались пассажиры автобуса номер сто два. Метель снова завывала над лесом. Иногда светлело, причуды стихии обманывали людей волнами снеговых зарядов.

—Так-то оно верно, пока ещё по следу идти можно, а потом заметёт, — прервал молчание Иргизов.

—Всё, идёмте! — баба Зина отбросила одеяло. — Нечего сидеть, так можно дуба дать. Пошли.

—Ну, бабка, ты даёшь. То — сидеть буду, то вперёд всех рвёшься... — продавщица Аня тоже встала. — Айда, народ, спасаться. Дед, где ты там? Если ты с нами, то главным будешь. Тебе, похоже, доверять можно. Я людей-то вижу, кто чего стоит. Пошли, пацан! — она толкнула Юру. — Мы с Леной остаёмся, — повторил Сева.

—Ну что же, спасибо за доверие, но командир из меня неважный, так что увольте. Однако пойти согласен. Может быть, вы правы — по следу надёжней, — дед оказался приверженцем научного подхода, он преподавал в университете.

Семеро пассажиров покинули автобус. Водитель Сева и кондуктор Лена остались при своей матчасти.

Впереди, тыкая палкой припорошённую белым землю, шагал Иргизов. Иногда он подсвечивал себе фонариком телефона. Остальные гуськом двигались за ним. След колёс виднелся фрагментами, и они появлялись всё реже. Замыкал колонну охранник Хруничев, он прихрамывал.

Юра догнал Иргизова, чтобы помочь искать следы. Однако через десяток метров след автобуса пропал окончательно. Они прошли ещё туда, где угадывался промежуток меж сосен, но скоро уткнулись в сплошную стену деревьев.

—И куда? — Юра готов был заплакать.

—Хрен его знает. Решать давайте. Чего я вам, проводник?

Они сбились в тесную кучку. Баба Зина тяжело дышала, её поддерживала Аня, а Хруничев пытался закурить, но у него это не получалось. —Теперь не следы, а направление надо определить, — сказал дед. — Думаю, на запад примерно, чтобы к трассе выбраться.

—А я не уверен, что на восток. Уж скорее на юг или на юго-восток, — Иргизов злился на себя.

—Где тут восток, где юг? Вы чё, мужики? Умничать приспичило? Вот туда нам, там дорога. И пофиг мне, юг там или север, — Аня решительно махнула в сторону.

—Вы вообще-то на север показали. Нам точно не туда, — Юра даже засмеялся.

— Молчи, пацан, я ещё ни разу в лесу не заблудилась. Чутьё у меня звериное. Бабочка Зиночка, скажи им... Туда же?

— Ой, не трогайте меня. Не знаю ничего. Чуть жива, старая дура, понесло куда-то.

— Всё-таки я считаю, что общее направление нужно держать на запад. Осталось определить, где он.

— Ты, дед, брось народ баламутить. Определимся...

— Меня зовут Иваном Сергеевичем.

— Бьюсь об заклад, что и фамилия твоя — Сусанин, — теперь Иргизов злился на всех.

— Надо мох поискать на деревьях, — Юра шагнул к толстой сосне и, подсвечивая телефоном, стал осматривать кору. — Не пойму, он тут со всех сторон растёт.

— С этой стороны его больше. Давай несколько деревьев осмотрим. Хруничев с Юрой стали бродить вокруг деревьев.

— Там север, — уверенно показал студент.

— Ну да, где-то там. Значит, нам направо.

— Да вы чего? Смеётесь, что ли? Нашли время. Говорю же: вот туда нам, к трассе.

— Мне кажется, Анята права, — Фёдор, деревенский художник, до этого не участвовавший в обсуждениях, встал на сторону продавщицы. Метель вверху стихла, но становилось холоднее.

Баба Зина села на пенёк. Юра прыгал на месте, согревая ноги. Иргизов отошёл в сторону и вглядывался куда-то. Иван Сергеевич, казалось, задремал, прислонившись к сосне. Фёдор обламывал сучки с подобранной ветки. Хруничев, наконец закурив, разминал больное колено. Аня тихо плакала. Над лесом, близко к деревьям, шелестя лопастями огромного винта, пролетел большой вертолёт. Шума двигателя не слышалось.

— Американский, — сказал Юра.

— Почему? — вяло удивилась Аня.

— Флаг американский, и знаки их армейские, — подтвердил Хруничев. Он когда-то служил в авиации. — Это пятьдесят третий «сикорский».

— Неужто нас ищут? — баба Зина поднялась с пенька.

— Ага, щас! — Иргизов швырнул окурком-искрой вдогонку скрывшемуся вертолёту.

— Ученья, видимо, — вздохнул Иван Сергеевич.

— Вы как хотите, а я вот туда, — Иргизов снова указал на предполагаемый не то юг, не то восток и зашагал, не оглядываясь.

— Вот упёртый идиот. Говорю же... Кто со мной?

— Анют, я с тобой пойду, — художник протянул Ане руку.

— Не сто́ит нам друг от друга... — Юра снова чуть не плакал.

— Что же тут поделаешь, если у каждого своё мнение. Ты не отчаивайся, парнишка, пойдём вместе, — баба Зина махнула рукой, словно всех обнимая.

Анюта с Фёдором побрели в сторону, противоположную от Иргизова. Остальные — баба Зина, профессор Иван Сергеевич, Хруничев и студент Юра — пошли направо. Цепочку возглавлял Иван Сергеевич, за ним, не отставая, двигался Юра, замыкали — баба Зина и Хруничев.

Снег под ногами становился сплошным, хоть и неглубоким, сугробом. Лес сделался гуще. Крепкие сосны иногда перемежались совершенно непроходимым кустарником.

Наперерез стремительно вышли два лыжника в маскировочных халатах. Лыжники не обратили на лесных путников внимания. Юра вдогонку им крикнул:

— Вы откуда? Как нам в деревню...

— Мы не знаем, мы не местные, — слышалось из-за деревьев.

— А куда вы? — пыталась уточнить баба Зина.

— Кто вы? — вежливо спросил Иван Сергеевич.

— Тайна...

Лыжников словно и не было. Даже лыжню тут же замело, и уже нельзя было с точностью сказать, откуда прибыли и куда исчезли люди в белых комбинезонах.

— Ученья, наверное, — неуверенно предположил охранник Хруничев.

— Скорее всего, — Иван Сергеевич снял шапку и потёр макушку. — А может, партизаны.

— Диверсанты, к железной дороге идут, — баба Зина села в снег.

Кажется, она засыпала.

— Где тут железная дорога? Тут её и близко нигде... — Юра тоже был готов задремать.

— Эти могут и построить... сначала... — старушка явно дремала.

— Да это так, образно, — махнул рукой Иван Сергеевич.

Он тоже хотел сесть в снег, но передумал и пошёл дальше.

— Пойдёмте. Идти надо, вставайте, бабушка, — Юра помог бабе Зине подняться.

Теперь они сильно растянулись. Юра подумал, что так они растеряются. Глаза закрывались сами собой, и он уже не понимал: темнота ли вокруг, или просто закрыты глаза. Ногам стало теплее, двигалось легче. Юра вдруг наткнулся на спину Ивана Сергеевича.

— Где остальные?

— Там идут...

— Отдохнуть бы.

— Давайте отдохнём, — охотно согласился Юра.

— Юра, а вы уверены, что мы верно идём?

— Нет. Я думал, вы знаете...

— Если бы... Вот и спутники наши. Кажется, дама совсем из сил выбилась.

— Ну чего? Приплыли? — голос бабы Зины оставался зычным.

— Передохнём немного. Идём час с четвертью, — Иван Сергеевич проверил наличие связи. — Так и нет приёма.

— Если на дерево залезть, может появиться, — зачем-то сказал Юра, но на дерево не полез.

На его слова никто не обратил внимания.

Баба Зина тяжело опустилась на ствол поваленного дерева. Остальные последовали её примеру и теперь сидели в ряд. Молчали. Юра всматривался в небо: над соснами ветер гнал низкие тучи.

— Мне вдруг занятая мысль пришла, — прервал всеобщее молчание Иван Сергеевич. — До сих пор мы с вами действовали рационально, находясь в нестандартной, я бы даже сказал — неопределённой, ситуации. И, имея на то совершенно неявные и неточные исходные, выстраивали логичную цепочку в выборе варианта поведения. В том числе в определении направления пути. Потому и успех наш, честно говоря, сомнителен.

— Чё он сказал? — баба Зина очнулась и толкнула Юру.

— Кажется мне, что нам полезней действовать иначе, — уточнил мысль Иван Сергеевич.

— Как? — Юра спросил из вежливости. Ему было совершенно всё равно.

— Выбор должен сложиться спонтанно. Надо отпустить ситуацию и положиться на интуицию. Вот что вы чувствуете? — обратился он к Хруничеву.

— Если ты не заткнёшься — получишь в лоб, вот что я чувствую, — Хруничев сидел с закрытыми глазами, обеими руками опираясь на палку и положив на руки голову.

— М-да... — профессор замолк.

Воцарилась тишина, в которой замечательно дремалось. Сосны раскачивались и поскрипывали, и Юре показалось на мгновение, что он в ночи плывёт на паруснике: плавные волны поднимают и опускают корабль, а рядом с ним шкипер уверенно поворачивает штурвал, и ветер наполняет паруса.

Хруничев ни с того ни с сего запел. Остальные вздрогнули от неожиданно громкого, внятного, но равнодушного голоса:

— По долинам и по взгорьям шла дивизия вперёд...

— Чтобы с боем взять Приморье, белой гвардии оплот, — хрипло подхватила баба Зина.

Оба встали, продолжая петь, взяли за руки и направились в темноту. Скоро тишина накрыла бескрайний лес. Юра очнулся оттого, что чуть не свалился на землю, но выронил палку и вскочил. От этого пришёл в себя и Иван Сергеевич:

— Что случилось?

— Мы так замёрзнуть можем, — Юре стало страшно.

— Да, пойдёмте, молодой человек. Идти!

— Ног не чувствую.

— Сейчас...

Профессор опустился на колени и стал растирать ему ступни.

Снова шли. Показалось: впереди обозначился просвет. Они зашагали туда. Откуда-то вернулись силы и уверенность, что всё будет хорошо.

Они вышли на дорогу. Это действительно была трасса на Коростелево, Юра узнал место и сообщил об этом Ивану Сергеевичу. До села оставалось совсем немного. Открылась и взошла над лесом полная луна. Они почти бежали, подгоняемые холодом. Юра вспомнил про телефон: три чёрточки из четырёх! Он немного растерялся, не зная, куда позвонить в первую очередь.

— Мы теперь сами доберёмся. Надо других... В службу спасения, — у профессора тряслись руки, и он не мог открыть собственный телефон.

— А как туда? Девять-один-один? — Юра всё ещё был растерян.

— Да что вы? Насмотрелись дурацких фильмов! У нас не Америка. Звоните: один-один-два — служба спасения.

— Давайте вы. Я не знаю, что им сказать, как...

Иван Сергеевич обстоятельно и понятно изложил их историю. Оператор МЧС всё записала. Однако, когда стали уточнять место происшествия и речь зашла о лесе, помочь отказались и прервали разговор.

— Так и сказали: «Мы этот лес больше не обслуживаем!» — Иван Сергеевич ещё вертел в руках трубку, отказываясь понять заявление серьёзной организации.

— Ни фиги себе... — Юра чуть не засмеялся.

— Что-то с нашим лесом не так. Знаете что, Юра? Идём быстрее в село — народ поднять. Искать людей, пока не поздно.

— Я друзьям прямо сейчас позвоню. Пусть собираются.

— Молодец! Я тоже позвоню кое-кому...

Руководил операцией бывший начальник военкомата майор Сергеев. Автобус нашли почти сразу. Водитель Сева и кондуктор Лена спали, сидя на переднем сиденье, укутавшись одеялами. Они медленно приходили в себя. После того, как в бак залили бензин, автобус завёлся.

От военкома Сергеева по рации пришла новость, что нашли бабу Зину и Хруничева. Они сидели в какой-то яме, соорудив навес из лапника. Хруничев выглядел бодрим. Баба Зина находилась в полудреме или в лёгком повреждении ума. Она что-то непрерывно бормотала про каких-то человечков в форме и седого лося, спасшего их. Хруничев её слова никак не объяснил, а только махнул рукой и многозначно выругался, не помянув ни лося-освободителя, ни человечков в форме. Военком с Иваном Сергеевичем решили, что бабушке всё привиделось. Но профессора накрыла задумчивость.

Продавщицу Аню и художника Фёдора искали долго. Лес прочесали до самого пригорода. И только когда к поисковикам пришло подкрепление, пару обнаружили. Оказалось, что ходили Аня с Фёдором по кругу. Причём круг этот отнюдь не был большим. Они много раз пересекали свои же собственные следы, но этого не замечали.

Держали они друг друга за руки даже после того, как их обступили спасатели. Парочка была молчалива и почему-то синхронно поглядывала в небо. Они равнодушно отнеслись к спасению и не очень охотно последовали за людьми. Когда их уже посадили в автобус, к ним прибежал Иван Сергеевич и почему-то спросил, не видели ли они чего-то необычного. Аня и Фёдор долго смотрели друг на друга и не ответили профессору.

Иргизова искали дольше всех, и найти его не удавалось. Поиски возобновлялись во всех направлениях и новыми силами. Только вечером случайно узнали, что весь день с утра Иргизов находился на работе — дежурил вахтёром на воротах строительного склада. Он уверял, что ни в каком автобусе вчера не ехал, в лесу не бродил, а ночевал у товарища в городе. У какого товарища, он сказать отказался и на очную ставку с попутчиками не согласился. Ещё добавил, что больше в Коростелёво он не ездит, ему там делать нечего.

Пятёрка пассажиров, что первыми ушли в Коростелёво по трассе, пропала. Этих людей никто не знал, не смог описать и хоть что-то вспомнить. Скоро о них и вовсе забыли.

Юра иногда встречал односельчан из того автобуса. Баба Зина отворачивалась и крестилась. Хруничев делал вид, что они незнакомы. Аня кивала приветливо, но никогда с ними не разговаривала, а художник Федя улыбался и старался быстрее уйти. Поговаривали, что художник теперь использовал исключительно краски зелёного оттенка.

Только с Иваном Сергеевичем Юра виделся часто. Обоим не давала покоя та ночь.

Вот и сегодня при встрече Юра неуверенно спросил профессора: — Странный лес у нас, да?

— Да, — согласился тот. — Технику стягивают, видели? Делить, говорят, лес будут.

— Зачем?

— Не знаю. Наверное, чтоб целым не был.

— А как же люди? Никто же не спросил... Может, ещё отменят? Автобус же в Коростелёво всё ещё ходит.

— Вы знаете, Юра, я думаю, что не отменят, а само завязнет всё по ходу, забудется. А лес наш зарастёт-затянется. Надо признать, что это просто лес. Обыкновенный сосновый бор.

Про себя Иван Сергеевич подумал, что лес-то у них хороший. Юра тоже подумал, что «чёртов лес» — их лес, только что-то настойчиво свербело в душе: «Не зарастёт!»

НА ДОНКУ

Половица у порога скрипнула, но это уже было не страшно... Дверь открылась без звука, и Юрка выскользнул из дома. Удочки с вечера спрятаны в кустах сирени у калитки, бидон и жестянка с червями,

придавленная кирпичом, чтобы эти вёрткие черти не разбежались, замаскированы у забора. Он поднял кирпич, встряхнул банку с червяками, чтобы те проснулись, зашевелились.

До спуска с высокого яра Юрка бежал, по спуску он летел, едва касаясь земли, и только по зимнику уже шагал, успокоившись, — река была рядом. Теперь его никому не остановить. Мать Юрку ругала за то, что он, кроме рыбалки, ничего делать не хочет и в книжки не заглядывает. Но это была неправда: он любил читать, особенно про путешествия, да и вообще — учился хорошо. В кого Юрка заядлым рыбаком уродился — неизвестно. Отец к реке ходил редко, да и то только искупаться, плавать он был мастер, а мать воды боялась.

Солнце всходило. Красное, как раскалённая подкова у отца в кузнице, оно плавно отрывалось от земли, от деревьев за рекой. Сейчас на солнце ещё можно смотреть, и Юрка жадно наблюдал за ним, это казалось ему очень важным. Когда он забросит удочки, на солнышко уже не взглянешь — таким оно станет ярким.

Река, просыпаясь, текла быстро, но как-то необычно тихо и мягко. И только буруны, вскипающие у большого камня, недовольно ворчали — они так здоровались. За небольшим водоворотом после мыска Юрка торопливо размотал удилища и старательно наживил первого червяка. Червяк попался длинный, пришлось его немного отщипить ниже жала крючка. Плюнув на крючок с наживкой — так полагалось, иначе первой поклёвки не дожидаться, — Юрка осторожно, словно боясь спугнуть рыбу на дне, забросил снасть. Поправил леску, чтобы поплавок встал как надо, и уложил удилище на рогатину у кромки воды. Со второй удочкой справился быстрее.

Поплавки: один — красный с белым, второй — жёлтый с синим, — встали ровно, слегка наклонившись по течению, но не смещались, верно подобранное грузило держало снасть на месте. Юрка рыбачил на донку. Иначе на их речке с удочкой и делать нечего, разве только спиннингом баловаться, гоняя щуку. Убедившись в том, что всё правильно, принялся лепить приманку. Достал из кармана горсть пшена в носовом платке, высыпал его на лист лопуха. Пшено он незаметно отсыпал вчера, пока мать доила корову. У самой воды зачерпнул горсть ила, размесил его в руках, добавил часть крупы и принялся катать из этого месива плотные шарики. Шариков получилось семь, они лежали рядом в траве. Юрка кинул один в воду, выше поплавок.

Торопливо вымыв руки и обтерев их о полы старой куртки, он сел между удочками на прохладную, ещё влажную траву. Теперь можно было просто сидеть и смотреть не только на поплавки — это, конечно, главное, — но и вокруг: на воду с её неожиданными бурунами и всплесками; на противоположный берег, на облака, кусты, траву, кузнечиков под ногами, на всё, что уже тоже проснулось и жило с ним, с Юркой, сейчас общей жизнью.

Он достал из-за пазухи свёрток с куском хлеба и яйцом, украдкой припрятанными после ужина, и луковицей, прихваченной утром в сенах. Голод начинал просыпаться, но Юрка убрал свёрток подальше в тень, под лопухи, и сосредоточился на поплавах.

Показалось, что красный начал легко подрагивать. Юрка придвинулся к удилищу, но пока не брал его в руки, ожидая настоящей поклёвки. Рука уже тянулась к удочке, но поклёвки всё не было... Рука уже лежала на шершавом конце удилища, медленно сжимала его, а поклёвки не было. Он легонько поднял удочку так, чтобы её кончик остался на своём месте,— поклёвки всё не было. Юрка придвинулся к воде, прижал удочку к боку, готовясь мгновенно подсечь добычу, но поклёвки всё не было и не было. Он вытянулся всем телом навстречу поплавку и замер...

Вместо поклёвки поплавок вдруг упал на воду, чуть проплыл по течению, а потом нехотя остановился. Значит, какая-то рыба ловко стащила червяка с крючка и спокойно ушла, а Юрка не успел её подсечь. Тяжело вздохнув, он вытянул леску с голым крючком, поправил грузило, чуть передвинув его, наживил червяка пожирнее и снова отправил снасть в воду — в то место, где должна заканчиваться яма. Поплавок встал. Юрка кинул ещё один шарик с приманкой.

«Значит, клёв будет, быстро взяла», — подумал Юрка.

Поплавки стояли ровно, не шевелясь...

Юрка слышал, как жажнули два смачных хлыста на той стороне. Это пастух повёл стадо вдоль реки. Вот его собачонка выбежала на берег к воде. Наклонилась, полакала немного и увидела Юрку. Собака подняла голову в размышлении, лаять или нет, но лаять не стала — слишком далеко.

Один из поплавок стал раскачиваться, словно им кто-то играл там, в воде. Юрка дождался, когда он начал уходить под воду, и несильно, но уверенно подсёк. На леске трепыхался приличного размера окунь. Юрка набрал полбидона воды и пустил туда рыбку. Окунь метнулся в тесном пространстве и сразу замер. Но наблюдать за ним у Юрки совершенно не было времени. Снова насадил червяка и закинул удочку, поправил второе удилище и бросил шарик с приманкой. Круги ещё разбегались мелкими волнами, а голубой поплавок кивнул и разом нырнул весь под воду. Чувствуя, что рыба уже на крючке, Юрка крутанул ручку катушки. Небольшая плотва, серебристая с красными плавниками, блеснула на солнце и точно легла в руку. Клёв начинался.

Скоро поймалась ещё одна плотвичка, поменьше, но вполне годная, её не стыдно было взять. Когда Юрке попадалась мелкая рыбёшка, он её обязательно выпускал — пусть растёт малявка до настоящей.

Потом наступило затишье. Поплавки стояли, не шелохнувшись, как оловянные солдатики. Юрка заскучал. На другом берегу никого не было, но угадывалось какое-то движение за кустами. Наверное, это стадо подошло ближе к берегу. А у самой кромки воды смешно

бегали одна за другой трясогузки. Он их распознал даже на таком расстоянии, Юрку они, суетливые, всегда смешили. Он потянулся к лопухам и достал, не глядя, хлеб и яйцо. Яйцо очистилось легко, но было мягкое, не вкрутую, как он любил, пришлось его целиком затолкать в рот. Хлеб отламывал маленькими кусочками и не жевал, а посасывал их, прежде чем проглотить. Пару кусочков бросил в воду — поделился с рекой.

Красный поплавок дрогнул и медленно пошёл от берега. Когда он нырнул, сразу глубоко, уверенно, Юрка уже держал удилище в руках и тотчас подсёк. Есть! Рыба на крючке. Сначала она потянула в сторону против течения, Юрка успел освободить тормоз на катушке, чтобы не порвалась леска. Катушка трещала, как циркулярка на пилораме. Потом катушка остановилась — рыба рванулась от берега вниз по течению. Юрка крутил ручку изо всех сил, подтягивая леску. Наматывал медленно, ощущая тяжесть и упорное сопротивление рыбы. Та метнулась вперёд, вернула себе ещё пару метров. Юрка медленно подтягивал леску, сокращая расстояние. Вдруг рыба взлетела над водой и громко плюхнулась в реку. Юрка испуганно сощурился — в глазах защипало. Рыбина была очень крупная.

Оставалось уже совсем немного — метров, может быть, пять, но рыба резко пошла в глубину. Катушка снова затрещала — леска сходила с катушки быстро, и казалось, что вот-вот уйдёт вся. Когда через несколько секунд леска перестала сбегать, Юрка, стиснув зубы, снова работал ручкой катушки. Рыба постепенно поддавалась — шла к нему. Он наматывал леску и лихорадочно соображал, как сможет вытащить такую добычу без сачка. Юрка боялся: ударит хвостом и сорвёт снасть, поминай её потом.

Расстояние сокращалось медленно. Рыба упиралась. Юрка устало крутил ручку, одной рукой прижимая удилище к животу. Он и не заметил, что уже по щиколотку забрался в реку. Рыбина чуть высунулась из воды и, словно утопающий, глотнула воздух. Их разделяло не более двух метров. Юрка медленно пятился на берег, вытягивая её за собой. Рыба, скользнув по траве, забилась, как нечаянно залетевшая в комнату птица на оконном стекле. Юрка накинулся на неё сверху, схватил за скользкие жабры и оттащил выше, на небольшой обрыв. Это был сом. Огромный, длиной почти с Юрку, сом.

Сом лежал в траве неподвижно. Юрке стало страшно взять его в руки. Он стоял над огромной блестящей рыбой, смотрел, как двигались жабры, приоткрывалась, словно в улыбке, огромная пасть. Юрка осторожно вынул жало крючка, который совсем непрочно держался на верхней губе рыбы.

Почему-то окунишек и плотву, когда он снимал их с крючка и бросал в бидон, не жалел, а вот эту, огромную, ему было жалко. Её маленькие чёрные глаза смотрели куда-то далеко, не замечая Юрку, и казалось, что рыба видела то, что он, Юрка, не видит. Рыба знала,

что умирает, а Юрка откуда-то знал, что не может её отпустить. Незнакомые сильные чувства нахлынули на него. Он заплакал.

Юрка сидел на траве, отвернувшись от рыбы, и, уткнувшись в колени, всхлипывал. Разные нестройные мысли мелькали в его голове, и он не пытался их удержатъ, связать меж собою.

Он пошёл к воде, умылся. Сорвал пучок травы, намочил и обтёр сома, расправив длинное тело, уже начавшее подсыхать на солнце. Собрал не спеша удочки, тщательно сматывая леску и очищая её от травинок. Слил почти полностью воду из бидона и потом осторожно, чтобы не выпустить мелочь, набрал туда свежей.

Он сломил длинный, но не слишком толстый прут, продел через жабры сома и скрутил прут в петлю. Одной рукой Юрка взял удочки и бидон, а другой, ухватившись за петлю, забросил сома на плечо. Рыба оказалась тяжелее, чем он ожидал. Он чувствовал, как мускулистая спина сома плотно прильнула к нему. Юрка шёл, а хвост рыбы шлёпал его по сапогам.

Перед самым домом Юрка остановился перевести дух. Солнце уже стояло высоко. Небо казалось бледным, полинявшим от времени, а не голубым, как утром, которое было так давно.

Он оглянулся на реку. Деревья в собственной тени стояли почти чёрные, обрамляя реку внизу, под яром, а та искрилась в разрывах между ними, словно подмигивая Юрке: «Вот так, брат!»

ОПЯТА

Пионерский лагерь «Колосок» прятался за краем села в лесу. Какой шутник придумал название лагерю — неизвестно. Полей здесь на километры вокруг не имелось совершенно, и колосками чего-то маломальски культурного, а подразумевалось, видимо оно, не пахло сроду. Лагерь собирал детей уже не один десяток лет и для старожилов Лесного находился тут вечно. Сосновый бор, густой и древний, тянулся на километры вдоль левого берега Катуня, а в лесу всегда много интересного.

Саныч ходил сюда за грибами. Всегда. Ещё отец показал ему за лагерьем место, где опята высыпали безотказно. В конце августа или в начале сентября, в зависимости от года. Другие грибы водились в своих местах — для каждого у Саныча имелось отдельное. Сан Саныч — заядлый грибник, специалист в этом направлении. Большинство своих знаний он добыл опытным путём, хотя и читал-изучал не только Аксакова, Салтыкова-Щедрина и Тургенева, но и статьи в интернете. Знать всё про грибы нельзя, но про местные грибы он, без сомнения, понимал больше многих. Уже с начала лета брал подберёзовики, они радовали до середины осени, дубовики — короче, но тоже длительно. В конце лета — маслята, за ними Саныч наведывался редко: хождения много, кланяешься чаще, чем в церкви, а радости не так полно. Да ещё возни с ними, жена вечно морщится, как маслята увидит. Хотя вкусные они жареные, заразы! Потом грузди. За ними

Саньч подавался на остров в августе, а к сентябрю — в лес, но в другую сторону. Знал куда.

Парнишкой — он и не помнит, с какого возраста, — они ездили с отцом по грибы на мотоцикле Иж. Набирали, сколько входило в багажник. Больше не брали. Отец не любил лишнего, ругался, ели кто-то жадничал и рвал всё, что попадалось. По другую сторону села тоже ходили, но там постоянного места не было — просто броди по лесу, выискивая грузди или маслята. А вот за опятами — всегда на «своё» место: проезжали за лагерь пару просек, потом налево до полянки размером с небольшой огород. Пеньков берёзовых там множество. Подойти к одному — и можно возвращаться полными. Они наведывались туда словно в магазин. Теперь, конечно, всё не совсем так: и место постепенно кочевало — сдвигалось от прежнего, не такие мощные попадались грибницы, да и сам гриб не тот — красоты и вкуса другого. А может, просто казалось, что всё раньше было лучше: деревья выше, пни шире, а трава гуще.

Вот и сейчас Саньч, подъезжая к месту, думал, что не так оно... Остановив машину на небольшом пятачке, как обычно, он увидел, что по «его» грибному огороду — в глубине леса — кто-то шастает. Конечно, городских грибников теперь всюду предостаточно, и дойти они могли куда угодно, но здесь он встречал кого-то впервые — слишком уж место неясное, у дороги-просеки почти, и бурьян вокруг. Обычно все его обходили и проскакивали по-быстрому в глубь леса, подальше от лагеря.

Саньч пригляделся из-за дерева: серая куртка, чёрная бейсболка, наклоняется часто... Женщина. Молодая, но не юная. Чтобы не напугать, решил обозначиться:

— День добрый. Как грибы?

— Ой! Здравьте, — незнакомка всё-таки испугалась.

— Не бойтесь. Я тоже грибочки собираю.

— Грибы? Ну да, и я собираю.

— Как урожай? — Саньч подошёл ближе и увидел, что у женщины руки пусты — ни пакета, ни корзины.

— Свои грибы не нахожу пока, не попадают, — она заметила взгляд Саньча. — Нету их что-то. И лукошко дома забыла.

— Опята не берёте?

— Нет. Не моё.

— Понял. Свинухи, наверное, ищите.

— Точно. Я только их собираю — свинухи. Люблю.

— Свинухи — гриб особенный. Не всем даётся и всем годится, — Саньч демонстрировал свои познания. — Считается он условно съедобным. Кому в самый раз, а для кого и опасный. Сам не беру, но знаю: некоторые от него в восторге. Значит вы из них.

— Ну да. Только нет их что-то. Хожу-хожу, а всё не попадают. Дедушка, подскажите, как на трассу выбраться. Телефон не берёт, навигатор не работает. Потому ничего и не найду.

— Вон оно как, значит. . .

— Один чёрт, не найду сегодня ничего. И не дозвониться. Как мне выйти?

— До трассы минут пятнадцать. Туда на просеку, — он махнул рукой в сторону, — по ней до пересечения и направо. Прямым выйдешь.

— Отдохну маленько и пойду. Спасибо, дед, — она выглядела уставшей и расстроенной. — Знаешь, собирай грибы! Мимо иди, дед, а? Я тут сама пока поищу. . .

— Выпей чаю. У меня в термосе есть.

— Спасибо, не хочу, — она поёжилась.

— Пей!

Женщина прихлёбывала чай. Молчали. Саныч закурил, присел рядом на поваленное дерево. . . Она потянулась за его сигаретой, но он достал ей новую.

— Брезгуешь?

— Нет, жалко свою изо рта вынимать. Кури.

— Прости, дед. Докурю — покажешь, как выбраться, пойду. Искать уже бессмысленно.

— Знаешь, милая, если не спешишь, я соберу немного опятков и могу тебя подвезти до села. А там в автобус сядешь. Всё быстрее, и не потеряешься.

— Да, хорошо, а сейчас уйди, пожалуйста.

Саныч отодвинулся к соседнему пеньку, присел и начал срезать мелкие опята. Краем глаза он видел, как женщина скрылась в папоротнике и искала что-то. Он слышал её всхлипы.

Скоро его пакет был полон, но подойти к ней не спешил. Саныч всё-таки вернулся к поваленному дереву. Она села рядом, уже не плакала, но была грустна.

— Хочешь, расскажу тебе, как бросил пить?

— Не пью, с чего взяли? Место просто найти не могу. Не умею я потому что с этим навигатором. . . Первый раз только.

— Просто расскажу — поделюсь.

— Ну, давай. Только не ври. Как зовут тебя, дед?

— Александр Александрович, — он привстал.

— Юля.

— Спивался я, Юля, совсем уже почти. Запой бывали сильные. Потом не помнил ничего, прямо целиком несколько дней не мог вспомнить. Это, кстати, самое страшное — не помнить. А потом и это не пугало уже. Ну и болел, конечно. Жена выгоняла, жил где попало иногда неделями. И вот однажды прихожу в себя после долгого. . . Не болит ничего, и голова почти светлая. И ясно так понимаю, словно вижу: в следующий раз запью — больше не проснусь. Никаких сомнений, точно знаю. И не то чтобы страшно стало, а как-то досадно на себя, что вот дано мне жить. Не знаю кем: Богом ли, просто ли мамкой или каким-то ещё высшим миром, но только ведь жить-то я сам

должен. А если не проснусь, то никак уже не смогу распорядиться собой, выйдет, кончится моё время. Плохо я объясняю, конечно, но такое вдруг почувствовал...

— И как? Сразу ни грамма?

— Не совсем так. Сложно было, тяжело.

— Объяснил. Хреновый, дед, у тебя алгоритм. Помог, да? Ох, тоска кака-а-ая-а! — она завyla как-то по-бабьи, раскачивалась. — Знал бы ты...

— Мой пример — не пример, наверное.

Она попросила ещё сигарету. Молчали. Саныч достал второй пакет и стал собирать опята в него.

— Ух ты, смотри: вот и твоя свинушка подвернулась, — он срезал среднего размера серый гриб. — Держи. Надо рядом ещё посмотреть. Хотя свинухи не больно-то семьями произрастают. Странный гриб, — Саныч стал рассуждать о свинушках. — Их, конечно, если вымачивать правильно да чутка отварить, я так думаю, то риска нет, да и хорош окажется. Не хуже, а может, и приятнее, чем груздь. Есть, у него свой вкус, особенный.

— Может, потому мне и нравится? — Юля ожила.

— У меня соседка одни свинухи признаёт. Правда, не здесь ходит, куда-то к Маленькой Елани. Солит целой кадушкой. Надо мной смеётся, что не понимаю я в грибах ни гроша. Чудачка. Это я-то...

— Маленькая Елань? Смешное какое название. Может, мне в другой раз туда идти? — смех оказался тонкий, девчачий.

— Далеко отсюда. Там заплутаешь, не ходи. Нет больше твоих свинухов. Придётся опятами ограничиться. Пойдём уже к машине. Довезу тебя.

— Куда мне гриб девать? Не повезу ж один, — она разглядывала свинушку. — Загадочный грибочек. Буду в бочке один гриб солить.

— Можно и пожарить, тоже съедобно, если вымочить. Выкинь его, чего морочишься? В другой раз наберёшь.

По пути к машине она сорвала что-то на ходу:

— Интересный цветок — серенький, невзрачный такой, а ведь красивый, если приглядеться. Как он называется?

Саныч обернулся, подождал, когда Юля подошла вплотную. Сейчас она была задумчива. Он уловил совсем не лесной запах. Так, должно быть, пахнут хорошие духи.

— Тысячелистник. Неказист, да хорош. Полезен для сердца.

— И правда — тысяча цветочков. И не серые они, а белые.

В машине повис грибной запах, но он не перебивал тонкий аромат духов. Они тронулись. Женщина смущённо поглядывала в окно и по-прежнему крутила в пальцах цветок, а Саныч вглядывался в дорогу, словно сотню раз объезженная просека могла предоставить ему сюрпризы. Он стал рассказывать про опята, про их особенности, как их готовить, чтобы сохранить вкус и запах. Юля рассмеялась:

— А вы гурман. Так аппетитно рассказываете, что захотелось жареных опят попробовать.

— У меня внуки называют их «гвоздики». Тоже любят. А вот другие грибы не едят. Наверное, им они больше внешне нравятся. Ты этот пакет возьми с собой — приготовь.

— Спасибо! Я их никогда и не пробовала. Некому было научить.

— Ну вот! Грибное место ты уже знаешь, только никому не рассказывай о нём. Это моё — секретное. Говорят, что если с кем поделишься местом, то грибов там больше не найдёшь.

— А вы рассказали, — она снова рассмеялась.

— Это не считается — ты сама это место нашла. Потому оно теперь не только моё.

— Тогда ладно. Может, в следующий выходной и приеду по опята.

— Юля — красивое имя.

— Обыкновенное. Сейчас Юль — как опят на вашей полянке. Приятно было познакомиться, — она опять сделалась грустной. — Спасибо вам, деда Саня.

Саньч сделал небольшой крюк, чтобы подвести новую знакомую к конечной остановке, там удобнее сесть в автобус.

— Удачи тебе, Юля. Радуйся чаще, оно полезно.

— И вам.

— Приходи за грибами. В воскресенье там буду, если увидимся — научу тебя их собирать и грузди покажу. А свинухи свои — брось, ну их, не грибы это.

— Я приеду.

Юля осталась на остановке. Саньч развернулся, снова увидел её — яркую, нездешнюю. Она помахала ему тысячелистником.

В воскресенье Саньч был на своём «опяточном» месте. Первая волна грибов спала, только кое-где в траве стояли опята-переростки, он такие не брал. Молодых семей на пеньках не было. Походил кругами — почти ничего. Нарезал не самых крупных отдельных опят, что росли среди папоротника, такие хорошо идут на сушку, получилось немного. Он вернулся к пеньку, присел и закурил.

Лес сегодня совсем не шумел, только иногда с шорохом падали медно-жёлтые листья. Их под ногами было уже много — осень в этот год наступала рано.

Татьяна Панова

* * *

Хотелось с яблонями сада,
И тихой музыки с небес,
И тех, когда спешить не надо,
Минут с дыханием и без,
Прикосновений осторожных,
И невесомости крыла,
И неотложных, неотложных
Признаний, взглядов и тепла.
Хотелось радости спокойной
В неторопливости шагов
И той неловкости невольной
От слишком долгих вечеров.
И этих высей, этих высей
С их глубиною голубой,
И жёлтых листьев, жёлтых листьев,
Подброшенных над головой.

* * *

То ли право, то ли лево —
До поры и невдомёк.
У кого-то Бог на небе,
У кого-то в сердце бог.
Знать, они неравнозначны,
Видно, разные совсем.
Тот, что в сердце, — больше зрячий,
Тот, что в небе, — глух и нем.
То ли боли, то ль неволи
От гордыни, без причин,
Тот, что в сердце, — не позволит,
Тот, что в небе, — промолчит.

* * *

По листве, по кустам, по цветам
Разливая холодные росы,
Вот и август пожаловал к нам —
В наши дни, в наши сны, в наши грёзы.
Вот и август с его ворожкой,
Лепестков облетающей пылью.
Как же мы виноваты с тобой,
Что порою неискренни были.
Не найти и не выдумать слов
В безнадежном, нелепом бессилье,
Чтоб молить небеса о былой,
В седину перекрашенной сини.
Оттого ли и мне, и тебе
Этот август особенно дорог,
От его ли уставших дождей,
От его ли рассветов нескорых?
От его ли «цвести — вопреки»
Разноцветьем — и гуще, и ярче?
Вот и мы с его лёгкой руки
Виноватых улыбок не прячем.
Не найти и не выдумать слов
В безнадежном, нелепом бессилье,
Чтоб молить небеса о былой,
В седину перекрашенной сини.

* * *

И нежней, и ласковей, и звучней
Грезят обо всём и ни о чём —
И в ветвях запутавшийся лучик,
И корнями сжатый родничок,
Сильных трав зелёные побеги,
Переливы в птичьих голосах,
И от солнца, и тепла, и неги
Бабочки, застывшие в цветах.
Тишина и робкое звучанье
Выдохов заката над рекой
От своей же нежности и тайны
Грезят откровенно и легко.
В это время — теплоты и света,
Где раскрашен каждый день и миг, —
Всё живое попадает в сети,
Всё живое расставляет их.

Николай Юрлов

Ходячий строкомер¹

К 40-летию газеты «Пригород»

Ни ночки — без строчки.

Девиз газетчиков

Публикуя свои записки, должен сказать о двух постулатах газетного дела, которые знает каждый, кто трудился когда-либо в печатных изданиях:

- 1) газета не резиновая;
- 2) не бывает газеты без корзины.

Исходя из этого, сообщаю: обо всех коллегах по работе в «Ленинских заветах» (так тогда назывался «Пригород») рассказать было абсолютно невозможно в силу первого пункта. А второй пункт рельефно обозначился уже в процессе написания и отбора материала. Что-то мне пришлось безжалостно сокращать, дабы придать целостность повествованию, потому и прошу ныне здравствующих коллег «отнестись с пониманием», как принято сейчас говорить.

БЕРЁЗОВСКИЙ И БЕРЁЗОВКА

С моей журналистской биографией слово «берёза» как символ России тесно связано не единожды. Первую запись в трудовой книжке, занесённую в августе 1976 года, открывает городская газета «Берёзовский рабочий», где я начал работу корреспондентом отдела промышленности после окончания факультета журналистики Уральского университета.

Это одна из главных причин, почему я никогда не страшился низовых печатных изданий, хотя зачастую именно они у нашего амбициозного брата вызывают высокомерное чувство, мало чем подкреплённое на практике: вот, не хватало ещё до районки в своей жизни опуститься!.. Хорошо помню, как один редактор, выпускник журфака ЛГУ, давая при мне аттестацию коллеге и отмечая штампы, которые тот использовал в публикациях, прокурорским тоном произнёс: — Он слишком долго проработал в городской газете...

---

1. Строкомер (полиграф.) — стальная линейка, которой пользовались работники типографий и ответственные секретари редакций при высокой печати: она позволяла считать строки с отпечатанных оттисков (гранок), применялась также и при составлении макетов.

Как знать, может, это был намёк и в мой адрес, только я его не принял бы никогда, потому что с большим уважением отношусь к людям, которые зарабатывают хлеб насущный нелёгким трудом «районщика». Они ближе всех к народу, и это — главное! Никогда не сотрутся из моей памяти те первые шаги на журналистском поприще вчерашнего студента, «гадкого утёнка», если хотите, которому потребовались многие годы, чтобы превратиться в птицу лебедя,— так, по крайней мере, мне представлялось тогда, представляется и теперь.

Эти шаги я делал в небольшом уральском городе Берёзовском, где люди буквально гуляли по золоту, поскольку под землёй находился рудник с его многочисленными штольнями, сделанными проходчиками ещё со времён императрицы Екатерины Великой. Что характерно, город был спутником Свердловска, фактически его *пригородом*, и данное обстоятельство удивительным образом делало его близким с Берёзовкой — районным центром в Сибири. Редакция «Берёзовского рабочего» находилась на центральной улице, в одноэтажном деревянном особняке, как, впрочем, и старая редакция в Берёзовке, куда в мае 1985 года я пришёл по совету собкора «Социалистической индустрии» Владимира Сбитнева.

Мы с ним были неплохо знакомы ещё по «Красноярскому комсомольцу», когда он представлял в нашем крае другое центральное издание — газету «Гудок». Получается, что Владимир Семёнович, давший мне рекомендацию в Союз журналистов СССР, дважды «крёстный отец», поскольку именно он предложил мне работу в «Ленинских заветах». Формально, может, и трижды, ведь мне потом тоже доведётся трудиться собкором в «Гудке»...

Наводка оказалась верной, и как только редактор «Ленинских заветов» Валентин Панов, изучив трудовую, принял меня в штат, я уже благодарил судьбу. А помимо благодарности, у меня проскользнуло удивление: в Самарканде, этом ровеснике Рима, я работал корреспондентом областной газеты «Ленинский путь». Просто поразительно, но полным её тезкой было также издание уже существовавшего в крае Берёзовского района, упразднённого перед войной. Да ведь и моя вятская районка, куда я корреспондировал в школьные годы, называлась «Путь Ильича».

Что тут оставалось делать? Только и воскликнуть в полный голос: — Верной дорогой идёте, товарищ!

Вот только дорога эта оказалась длинной — не в метафорическом смысле, конечно, а в прямом: ездить на работу в Берёзовку мне приходилось с левого берега, из района БСМП, и я делал две пересадки, на «Спутнике» и на КрасТЭЦ, чтобы на рейсовом автобусе что есть мочи мчаться в редакцию. Вставал ни свет ни заря, но чуть раньше девяти уже был на рабочем месте. На весь маршрут туда и обратно уходила уйма времени, и я чувствовал себя почти столичным жителем,

который тратит на дорогу ничуть не меньше, но стоически терпит, не жалуется на жизнь-жестянку. Терпел и я — молод потому что был...

КАДРЫ РЕШИЛИ ВСЁ!

«Ленинским заветам» к тому времени был всего лишь год с небольшим, и я, пожалуй, только сейчас, имея собственный опыт при создании новых изданий, представляю, какие сложности возникли перед Пановым.

Как профессиональный газетчик, Валентин Алексеевич интуитивно чувствовал, что с кадрами в Берёзовке проблем не возникнет, если не считать пресловутый квартирный вопрос: всё-таки рядом Красноярск, и от желающих устроиться отбоя не будет. Да так, собственно, и вышло — новые люди приходили и уходили: уехала заместитель редактора Антонина Дубра, жена райвоенкома, назначенного в город Заозёрный; отправилась на учёбу в Высшую партийную школу заместитель редактора Людмила Зайцева (на неё крайком вполне обоснованно имел большие виды). Мы с нетерпением ждали её возвращения: всё-таки освещение партийной жизни было в газете делом не самым простым, особенно в период перестройки, когда мало кто из нас понимал, куда движется партия, а вместе с ней и вся страна.

Запомнился один из самых заметных очерков Людмилы Сергеевны «Особое задание Елизаветы Дмитриевой» — рассказ о коммунисте из совхоза имени 60-летия Союза ССР, чей партийный стаж на тот момент составлял ни много ни мало — шестьдесят лет. Эта мужественная женщина, награждённая орденом Трудового Красного Знамени, сопровождала красноярский эшелон с подарками для жителей блокадного Ленинграда. И героине было что рассказать корреспонденту — да хотя бы то, как сибиряки, перегрузив продукты на полторки, преодолевали путь по зимней Ладоге, этой единственной на тот момент связующей «Дороге жизни»!

...Люди уходили из газеты и опять в неё возвращались. Так случилось в журналистских биографиях ответственного секретаря Татьяны Титенковой, дочери известного в крае журналиста, а также корреспондента Сергея Иванова, нашего демократа-правдоруба, писавшего на темы промышленности, строительства и транспорта почти всегда острые, проблемные статьи и корреспонденции. Появлялись у Сергея Сергеевича даже фельетоны, которые в современной газетной практике представить почти невозможно, — это и есть высший пилотаж журналистики. Иванов мог работать с личным клеймом: все его материалы отличало высокое качество, — но оно не давало права сдавать оригинал без визы редактора.

Ну а если народ желает в одну и ту же речку войти дважды — стало быть, вода в ней свежая, не застойная, в меру тёплая, тело от холода не ломит. Так и было: микроклимат в редакции сложился благоприятный, что позволяло коллективу сосредоточиться на решении

творческих задач, а не расходовать понапрасну силы на выяснение межличностных отношений.

Активными помощниками «коллективного пропагандиста, агитатора и организатора» выступали и технические работники редакции. Где вы найдёте такую газету, чтобы бухгалтер была ещё и внештатным корреспондентом? Лично я, посмотревшись на разные коллективы, в том числе и за пределами России, таких прецедентов, как в посёлке Берёзовка, назвать не могу. А вот наша Екатерина Бильчук нередко радовала читателя, как радовали покупателя калачи и душистые булки, которые выпекал Берёзовский хлебокомбинат, о чём, мне помнится, и сообщала землякам на страницах газеты бухгалтер редакции. Екатерина Андреевна никогда не была человеком цифры, как модно сейчас говорить, она любила слово и его неординарных носителей — берёзовских журналистов. Она мужественно перенесла случившуюся с её сыном трагедию, не ожесточившись в своём горе, сохранив человеческое сострадание к чужой беде, и переживала за нашего брата как за собственных внуков, когда что-то вдруг шло у нас не так.

И такое тоже случалось: жизнь есть жизнь, она, как и улица, полна неожиданностей. Эти «неожиданности», или «выходы», если по Лескову и его «Очарованному страннику», стоили немалых нервов нашему редактору, но Панов, надо отдать ему должное, многое терпел, порой даже закрывал глаза, надеясь всё-таки на лучший исход...

И это лучшее, как правило, приходило на пятое мая, советский День печати: совсем уж юную берёзовскую газету высоко ценили идеологи края, всегда отмечали, ставили в пример, а на её производственной базе проводили творческие семинары по обмену опытом среди коллег-газетчиков.

Корректор Надежда Козлова (в замужестве Базганова) вообще была «многостаночницей»: ей удавались корреспонденции и репортажи, но любимым жанром, конечно, оставались зарисовки, и Надежда Егоровна рассказывала не только об учителях района, к славной когорте которых она принадлежала. Она писала на профсоюзные темы, могла украсить полосу целой подборкой материалов, ей удавались лирические эссе о красоте родной природы и даже заметки туриста.

К чести Надежды Егоровны, она не лезла в авторский стиль, понимая, что материал прошёл тройную проверку: в отделе, у ответсека и редактора, который в большинстве случаев, если позволяла производственная необходимость, сам читал оригиналы. Панов любил править, у себя в Кежме он начинал с ответственных секретарей и не расставался со строкомером, пользуясь им постоянно при зачёркивании какой-либо корявой фразы или слишком резких высказываний автора, за которые прилетало в первую очередь ему, первому лицу газеты. Правка получалась аккуратной, так что мастер берёзовской

типографии Галина Фирулёва и линотипист Людмила Чистякова, пожалуй, и забыли, когда они ворчали на качество и сроки сданных в набор материалов.

«КОЛЬЧУГА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ»

Наша редакция была молодой не только по времени создания, но ещё и по возрасту штатных сотрудников, большинству из которых не было и тридцати. У многих к тому времени уже появились дети, но были и холостяки: замредактора Александр Федоткин, прекрасный аналитик сельхозотдела Вячеслав Засыпкин, который замахивался даже на целые циклы постановочных корреспонденций, и шофёр редакции Иван Вдовкин.

Ваня был всеобщим любимцем, он отличался природной тактичностью, ездить с ним на задания было одно удовольствие, его белая «Нива» в отдалённых селениях производила настоящий фурор, потому как на дверце новенькой легковой машины красовалась магическая надпись «Корреспондентская». Велика была у народа неистребимая вера в силу печатного слова, и только с тех самых пор, когда прессу объявили четвёртой властью, эти упования резко пошатнулись, и всё труднее становилось спорить с теми, кто стал считать благородную профессию второй после первой древнейшей...

Машина была нашей отдушиной, нередко в командировки выезжала целая бригада вместе с фотокором Сергеем Волковым, чтобы по максимуму отработать сразу на нескольких объектах и сделать запас не только журналистских материалов, но и фотографических снимков. Улыбающееся лицо передовика на первой полосе с обязательной расширенной текстовкой — это правило закладывалось редактором в саму модель газеты.

В корреспондентской «Ниве» частенько звучали хулиганские песни некогда опальных бардов, а мы с удовольствием этот репертуар слушали:

У павильона «Пиво-воды»
Стоял советский человек.
Он вышел родом из народа,
И вышел, и упал на снег...

По большому счёту, нам всем, истинным «солдатам партии», готовым тут же ринуться в сражение, в том числе и на схватку с Бахусом, надо было бы «поставить на вид» Ване Вдовкину, что он пропагандирует далеко не самое лучшее в нашем Отечестве творчество. А мы почему-то не возражали, находя близкие сердцу ностальгические нотки в том же «Поручике Голицыне», и ждали, когда наш водитель снова включит эту запись, невольно выжимающую слёзы. И будет она звучать где-нибудь на таёжных просторах за Маганском, ближе к Берети, а потом и Урману, где дорога проложена по скальному

грунту, где скоро блеснёт красавица Мана и станет светить нам в глаза над лесистыми отрогами всё такое же, как в этом кричащем шлягере, «русское солнце — великое солнце»...

Особенно остро болевые точки государства Российского ощущал Юрий Юрченко — лучшее перо редакции. Его соседом по лестничной площадке был простой советский человек, инженер, отмотавший срок по пресловутой пятьдесят восьмой и смело сравнивавший «лучшего немца» с «дорогим Никитой Сергеевичем» по степени вредоносного воздействия на страну. Этот взгляд постепенно находил понимание и у Юрия Георгиевича, чей земной путь безвременно оборвался вскоре после ухода из «Ленинских заветов». Юрченко искал интересных людей и всегда находил их, по-простецки вызывая на доверительный разговор. Однажды нашёл и девяностовосьмилетнего жителя Алексея Шишкина, а тот не просто поздоровался с корреспондентом — захотел взглянуть у него на ладонь.

«Я протягиваю ладонь, Алексей Петрович коротко её рассматривает и... молчит. Молчу и я: многие уже мне гадали по руке, так и сяк вертели линию жизни...»

(Из газеты «Ленинские заветы», зарисовка «Снятся кони...»)

Выходит, и впрямь прозорливцами оказывались люди, у кого за плечами была долгая и трудная, но всё же насыщенная событиями жизнь. Она как испытание и есть главное богатство человека. А у нашей страны таким богатством всегда была её история, которую в восьмидесятые годы газетчики тоже открывали с каждым разом и медленно поднимались в её постижении вверх. Корреспондент-организатор Дмитрий Голованов в этом плане подавал пример. Его рассказ «Кольчуга великого князя», опубликованный с рисунком автора, — заявка на добротную историческую прозу. Надеюсь, что Дмитрий Владимирович, как руководитель красноярского Союза журналистов России, пересмотрит свой напряжённый график, засев за неё «на совесть и на страх». Да сами можете судить:

«Когда протяжно и гулко взвыли трубы, заставив загреть и ощериться копиями скрытое в багровом тумане чудовищное скопище людей, Дмитрий уже был в седле и объезжал необъятные полки свои».

(Из газеты «Ленинские заветы», «Кольчуга великого князя»)

СВОЙ ГОЛОС И РИТМ

Тринадцатого марта 1987 года была знаковая дата у нашего издания — вышел пятисотый номер. Он стал настоящим праздником души, которого так жаждет русский человек, и на первой полосе редакционный «король поэтов» Василий Брежнев, он же штатный сатирик Д. Митрич, нашёл по такому случаю нужный стихотворный размер:

У каждой газеты
свой голос и ритм,
У каждой — набор аргументов.
Она неустанно
с людьми говорит,
Не требуя аплодисментов.

Насчёт «аплодисментов» Василий Дмитриевич явно поскромничал. Этот год был для редакции особенный, по его итогам «Заветы» стали дипломантами конкурса на лучшее оформление и полиграфическое исполнение районных и городских газет, организованного профильным управлением крайисполкома. К диплому третьей степени полагалась ещё и денежная премия, а кто в таких случаях отказывается? Но если бы сверху поступила команда, тут уж бы мы никуда не делись, а всё до копейки передали в Советский фонд мира, о деятельности которого, в том числе о немалых пожертвованиях жителей района, тоже рассказывала газета. Люди передавали немыслимые суммы, огромные по тем временам деньги, у кого-то этих перечислений набиралось до четырёх тысяч рублей. Ничего не возразишь: мир и созидание на благо Отечества — это дело святое!

От наград родной газете самолюбие моё немного грелось, но действительность не позволяла ему превращаться в гордыню...

Обретение своего лица газетой, которая выходила на высокой печати с её ограниченными возможностями, давалось непросто. И что бы я делал, если бы не мой метранпаж, красивая дивчина с кротким характером, которая чувствовала эстетику газетной полосы? Как человек, полюбивший нелёгкую и даже вредную профессию, она откликалась на редакционные новшества в части геометрии. И немало кудесничала с колонтитулами, линейками, создавая живительный «воздух» за счёт строчных заголовков и подзаголовков, скругляла углы у рантовых рамок, которые должны были выделить для читателя один, и только один (!) главный материал. Кстати сказать, архитекторы прошлого прекрасно понимали, что угол несёт агрессию, и всё их зодчество являет собой образец плавных переходов, позитивно воздействующих на подсознание.

Работа ответственного секретаря, если кто не знает, — это тяжкий, почти каторжный труд, когда ты тратишь самого себя на других, это жертвенность, но жертвенность, которая окупается сторицей, и ты видишь результат коллективного труда — свежий четырёхполосный номер, где начинают путь к читателю самые последние новости из жизни района. Они особенные, потому что пахнут типографской краской. Говорят, от неё одуревали собаки и даже напали на почтальонов. Может, это и случалось где-то в глубинке, только я ничего подобного своими глазами не видел, хотя до появления нового здания по улице Центральной, 54, мотался от старой редакции до типографии

множество раз, и псы попадались навстречу отчаянные, берёзовские, злые...

А уж кто действительно пропах, даже протух типографской краской, как сардина горячего копчения, так это районный ответсек. Что ему оставалось? Думать! И я думал, я — «ходячий строкомер», как выразился один мой студенческий друг...

Во внерабочее время нам иногда удавалось собираться небольшой компанией где-нибудь на «явочной» квартире и говорить не только о феминах, разумеется. Мы никогда не были диссидентами, вражьих «голосов» не слушали, но и запретных тем не очень-то побаивались. Смело обсуждали тот же Афган, вхождение в который я считал роковой ошибкой советского руководства. После жизни в Узбекистане можно было спокойно делать вывод, что покончить с гражданской войной на Востоке не так-то просто. Это ведь только большевикам удалось, потому что главарей басмаческих банд они делали «раисами», председателями колхозов, как правило, хлопководческой направленности, хотя и от виноградарства с его виноделием не отказывались, если Коран, конечно, позволял. А он позволял!

За подобные разговоры даже в годы перестройки можно было жестоко поплатиться, но, похоже, прививка против доноительства однажды была уже сделана в стране. И мало кто в том великом государстве СССР горел желанием отправить сослуживца по «ежовскому набору», как это сделали в тридцать седьмом с ленинградским журналистом Виктором Ясинским, отцом заведующей отделом сельского хозяйства Антонины Романенко (в замужестве Ножкиной).

Верю, что Антонина Викторовна Ножкина, ныне главный редактор газеты «Пригород», ещё дополнительно расскажет читателям о трудной судьбе своего отца Виктора Александровича, получившего по доносу пятнадцать лет колымских лагерей. Сделает это не только в газетных публикациях, но теперь уже и в более крупных литературных жанрах повести или биографического романа. Надеюсь, что «Тошкины рассказы», изданные для детей отдельной книгой, будут презентованы и в «городе над вольной Невой», родном городе её отца.

...Если кто-то предрекает гибель отечественной журналистики, испорченной беззастенчивым пиаром и многим другим, можно смело возражать, остужая пыл оппонентов: не случится. Но для этого нужно, чтобы современные коллеги как можно чаще возвращались к истокам, с любовью рассказывая о судьбах сограждан, как это делали в советские годы и мы.

Звучит как пароль

И в завершение этих записок — советы нынешним журналистам (не только газеты «Пригород»):

— как можно меньше колебаться вместе с линией правящей партии, которая, как и человек, не застрахована от ошибок;

— не отрываться от народа-страдальца и постоянно ощущать неразрывную связь с родной землёй;

— выступая в качестве колумнистов, смелее высказывать собственные мысли и не забывать наставление русского писателя-классика Ивана Гончарова, что мысль должна быть оплодотворена любовью;

— больше рассказывать в газете о людях и их судьбах — жанры очерка и зарисовки менее всего подвластны времени;

— постоянно читать лучшие образцы художественной литературы и помнить, что только так можно восполнить языковую растрату, которую не избежать на газетных страницах, и тем самым спасти от стандарта своё главное оружие — слово;

— писать в газете так, чтобы спустя годы за публикации не было стыдно, и потом, при просмотре подшивки, не мучили муки совести, ведь совесть — это часть души;

— пусть ключевое слово «газета» звучит как пароль, и не стоит страшиться мнимого вреда, якобы получаемого автором от журналистики: именно она сделала великими писателями мастеров короткого рассказа — Антона Чехова и О. Генри.

У меня всё!

Молодые о великих

Ежегодно в Красноярске проходит городской конкурс школьной публицистики «Суперперо». В нынешнем году конкурс был посвящён двум знаменательным датам: 225-летию А. С. Пушкина и 100-летию В. П. Астафьева.

Юные литераторы получи два задания:

1. вообразить и отразить в литературной форме встречу с гениальным поэтом;
2. выразить своё отношение к личности и творчеству великого писателя, нашего земляка.

Предлагаем вашему вниманию сочинения победителей конкурса.

Любовь Горлова

9 класс, гимназия №13

ПУШКИН НА ЕНИСЕЕ

В тот пасмурный день, когда я решила прогуляться по городу, невозможно было и предположить, что моя прогулка вдоль Енисея превратится в увлекательное путешествие во времени.

Я шла по набережной, наслаждаясь свежим воздухом, красотой позолоченных осенью берёз и лиственниц. Мимо меня проходили влюблённые парочки, родители с детьми, оживлённо болтающие друзья и одинокие, как я, люди. И вдруг одна фигура заставила меня остановиться. Это был невысокий молодой человек в старомодном костюме. В одной руке он держал лёгкую тросточку, в другой — книгу. На голове у него был цилиндр.

— «Горе от ума» — превосходная вещь Грибоедова! — воскликнул прохожий. — Правда, умный человек там всего один — непосредственно сам автор. Вы знакомы с этой пьесой, прекрасная незнакомка?

— О да, имею честь быть знакома, — ответила я, подражая старинному слогу.

Конечно, я узнала в странном прохожем самого Александра Сергеевича Пушкина. Удивительное дело — люди вокруг не обращали на нас никакого внимания и продолжали прогуливаться, разговаривать,

играть. Я представилась Александру Сергеевичу и спросила, как он оказался в нашем времени и почему невидим для многих.

— «Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой», — вспомнил поэт собственные стихи. — Меня, к счастью или к сожалению, знает в лицо каждый, от дошкольника до бабушки. Поэтому когда я обрёл способность перемещаться во времени, то решил, что видеть меня смогут только настоящие ценители литературы. И вы, Люба, одна из них.

Я была польщена таким комплиментом.

— Расскажите, как вы жили в Санкт-Петербурге много лет назад? — спросила я прославленного поэта. — Ведь родились вы в Москве и могли бы вернуться туда.

— Да, в Москве я провёл первые одиннадцать лет своей жизни, и она осталась в моём сердце навсегда, — задумчиво ответил Пушкин. — Однако потом волею судьбы я попал в Царскосельский лицей и окончил его осмнадцатилетним юношей. И мне хотелось веселиться! А где веселье, как не в Петербурге?! Там жили мои друзья, там можно было встретить замечательных, интересных людей. Но главное, что я люблю этот город за его красоту и историю. «Люблю тебя, Петра творенье!»

Мы продолжили нашу прогулку по центральным улицам Красноярска, где каждый дом напоминал о великих людях прошлого.

— Знаете, Александр Сергеевич, а ведь наш город немного старше Петербурга, — похвасталась я. — Если быть точным, то на семьдесят пять лет.

— Не знал, не знал, — покачал головой Пушкин.

— Но самое интересное в другом: здесь, в нашем сибирском городе, жили в ссылке декабристы, ваши товарищи. Я покажу вам улицу, названную в их честь.

Мы вышли от набережной наверх и попали через улицу Богграда как раз в начало улицы Декабристов.

— Здесь жили Михаил Фотиевич Митьков, который вёл в Красноярске метеонаблюдения, Михаил Фонвизин, племянник известного драматурга, и герой Бородинской битвы Василий Львович Давыдов.

— Василий жил здесь? Это же мой друг! — изумился Пушкин.

Александр Сергеевич с восторгом смотрел на Органный зал, старые деревянные дома улицы, стену городского сада.

— Как велика наша Россия! — сказал он. — Проходят годы, а благодаря умным и ответственным людям сохраняется культура и история для будущих поколений. Мы ещё встретимся, дорогая Люба! А пока, пожалуй, я отправлюсь в Томск — ваши слова о декабристах вызвали во мне воспоминания о Гаврииле Батенькове, также моём славном товарище... До встречи!

И Александр Сергеевич, сняв с головы цилиндр, раскланялся.

Дмитрий Залож

6 класс, школа №141

«ЗИМНЕЕ УТРО» ЗИМНИМ ВЕЧЕРОМ

Снова задали учить наизусть стихотворение Пушкина! Сколько же он стихов написал?! Каждый год учим, учим... И не лень же ему было! Что на этот раз задали?

Мороз и солнце; день чудесный!

Конечно, день чудесный! А я сижу дома и учу стихотворение. Эх, сейчас бы погулять...

Ещё ты дремлешь, друг прелестный...

И поспать тоже бы не отказался.

...Пора, красавица, проснись:

Открой сомкнуты негой взоры...

Взоры?!.. Глаза, что ли? По-русски нельзя сказать — глаза? Великий русский поэт! А нега что такое? Наверное, опечатка в учебнике! «Нугой» должно быть. Нугой покрыты взоры. От этой сладости так взоры сомкнутся, что долго не разлепишь.

...Навстречу северной Авроры,

Звездю севера явись!

Заклинания какие-то пошли... Где моя волшебная палочка? Пушкин, звездю севера явись!!! Ха-ха-ха!

— Здравствуй, отрок!

— Вы кто, дяденька? Как вы сюда попали? Я сейчас полицию вызову!

— Я Александр Сергеевич Пушкин! Ты меня позвал — я пришёл. А полицию не надо. С меня как раз надзор полицейский сняли. Я теперь волен!

— Очень смешно! Похож, конечно. Но только все знают, что Пушкин ещё в тысяча восемьсот тридцать седьмом году на дуэли погиб.

— Не надо было волшебной палочкой махать. Сказок няниных наслушался? Зачем приглашал? Зачем стихи мои искажаешь? Не нравится — не читай.

— Ага, не читай! Их ещё и наизусть учить заставляют! А то двойку поставят, а родители накажут.

— Кто заставляет? Я не для того стихи писал, чтобы отроков неразумных из-за них наказывали!

— А для чего?

— Понимаешь, это порыв души! Вот, например, «Зимнее утро», которое ты читаешь... Я его за один день написал. Как сейчас помню. Мы приехали в Павловское. Погода чудесная. Лёгкий морозец. Снег.

Солнце. Настроение такое — хоть самому в сани впрягайся и вперёд... В поля, навстречу солнцу... И эти строки сами полились. Я так мыслю, так чувствую... Понимаешь? Я готов был весь мир обнять! Бывает у тебя такое?

— Ну, наверное, бывает. Только стихи у меня не льются от этого.

— А что ты делаешь, когда тебе хорошо и весело на душе?

— Я? Не знаю... танцую.

— О-о! Так ты тоже талантливый! Танцы — это же искусство! А что танцуешь? Мазурку? Я очень мазурку люблю.

— Какую ещё мазурку? Не знаю никакой мазурки.

— Хочешь, научу?

— Некогда мне танцевать. Мне стихотворение учить надо.

— Извини. Я забыл. А тебе совсем мои стихи не нравятся? Может, я тебе почитаю и объясню?

И Александр Сергеевич начал читать... Он так это делал, что я сам невольно оказался в санях, укутанный в тулуп. Мы летели по утреннему снегу. А Пушкин всё читал и читал. И так мне стало радостно на душе, что захотелось танцевать! Я поднялся во весь рост в санях и... вывалился в сугроб!

Проснулся оттого, что лбом ударился об стол. За окном уже стемнело. А стихотворение ещё не выучено.

Я начал снова его читать, но теперь мне оно было понятно. Словно Пушкин не во сне, а наяву растолковал. Стихотворение я выучил очень быстро!

На следующий день, когда я шёл в школу, на улице было чудесное зимнее утро! И строки из стихотворения сами всплывали в моей голове:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит...

Мне снова захотелось танцевать... Я потёр шишку на лбу, улыбнулся и, весело приплясывая, побежал в школу.

За чтение стихотворения я получил «пять»! Спасибо Вам, Александр Сергеевич, за Ваши стихи! Теперь, когда мне радостно, я не только танцую, но и читаю стихи... Пушкина, конечно!

Наталья Радишевская

10 класс, школа № 24

ЧЕЛОВЕК КАК ЗВЕЗДА

Каждый житель Красноярска, конечно, знает о великом писателе-сибиряке Астафьеве, но мало кто читал его произведения за пределами деревенских рассказов, которые проходят в школе. Но этого

недостаточно для представления о его личности, пережившей много потрясений: смерть матери, воспитание у строгой бабушки, болезни, детдом, Великую Отечественную войну, похороны дочерей. Слишком много для одного человека, не правда ли? Но эти тяжкие моменты судьбы не сломали характер писателя, а помогли поставить в своих произведениях нравственные проблемы, касающиеся каждого человека.

Язык писателя сложен. Читать его произведения действительно тяжело — не только из-за сюжета, но и из-за голоса писателя, замечавшего все детали, из-за понимания, что это не вымысел, а реальные истории реальных людей, описанные литературным языком для потомков. Но в тебе рождается мысль, ты познаёшь новое, а это всегда трудно. Но постепенно читатель переносится в этот мир, навеянный реальностью, но приукрашенный для печати. Один раз Виктор Петрович поссорился со своей женой Марией Корякиной, которая тоже была писателем, потому что одно событие их жизни они описали по-разному. Астафьев немного изменил историю, не рассказал всю правду, а где-то улучшил, преуменьшил или преувеличил.

Сейчас внучка великого писателя Астафьева Полина Геннадьевна создала народный театр «Сибирячок», где ставит произведения своего деда. Я актриса этого театра и участвовала в нескольких постановках по произведениям писателя. «Конь с розовой гривой» был первым рассказом, который я прочитала у Виктора Петровича, а также первым спектаклем, в котором я играла. Мне тогда было восемь лет, сейчас мне шестнадцать, но спектакль продолжает жить и радовать зрителей уже в другом составе: мы, первые актёры этой постановки, бережно передали новому поколению свою работу, для меня это часть бессмертия Виктора Петровича и преемственность поколений, которая была обозначена в номинации конкурса.

Скучно было читать описания природы, сибирского леса, только с возрастом понимаешь всю красоту этих моментов, как тонко подходит писатель к этим частям, как подробно и ярко они написаны, а также описания играют важную роль, они передают характер героя, его настроение, предсказывают последующие события. Я думаю, эту наблюдательность, любовь к природе автор приобрёл в деревне Овсянка, где провёл своё детство до смерти бабушки. Таких живописных мест нужно ещё поискать: тайга, могучий Енисей и горы. Каждое первое мая наш театр ездил в Овсянку на праздник в честь дня рождения писателя, там мы выступали на концерте, где показывали и читали отрывки из Астафьева. Потом ходили по другим локациям, пили горячий чай после долгого пребывания на улице, в это время ещё не тепло, но выступать порой надо в сарафанах или футболках.

Для меня Овсянка — это место силы, где можно быть ближе к природе, чувствовать её могущество, гулять вдоль Енисея, погружаться в свои мысли, рефлексировать о своей жизни, прикоснуться к прошлому писателя.

Во время карантина праздник отменили, очень тяжело было на душе, тоска по Овсянке, жажде обновления и успокоения, которое обретаешь в этом месте. Астафьев всю жизнь носил в себе образ его родины, именно там сформировался его характер. Я думаю, эта деревня повлияла и на его литературный путь, манеру письма с большим количеством описаний природы, ярких деталей, самоанализом и оценкой своих поступков спустя много лет, но всё ещё будораживших и волнующих его. Мои слова можно выразить строчкой Виктора Петровича: «Нигде никогда не ощущается вечность так, как вечером и ночью, опустившимися в лес. Нет-нет, даже не опустившимися, просто здесь давно-давно пребывающими. И нет, и не было нигде другого мира, другой поры».

Особенно тяжело для меня было читать «Кражу». Я читала её, когда мне было десять лет, такому маленькому человеку трудно воспринимать жестокие события, отражённые в повести, но главная идея — взросления, принятия ответственности — помогла развитию моей личности, хотя многое было не понято из книги, но объяснено педагогом.

Многие герои не были описаны в рассказе, но Полина Геннадьевна нам помогала восстанавливать по воспоминаниям, записям, черновикам и рассказам цельную историю из жизни Астафьева, передать главную мысль автора молодому поколению. Погружение в мир писателя, буквально проживание и существование в нём определённое время позволяет глубже познать историю, прочувствовать её на себе, понять причины действий и поступков героев, увидеть события с точки зрения разных персонажей, лучше понять характеры героев, узнать их дальнейшую судьбу.

Теперь я выросла, играю другую роль в этом спектакле. Я перечитала «Кражу». Она заиграла совершенно другими красками, новыми смыслами и деталями, ведь хорошая книга не покидает тебя, а остаётся расти и крепнуть в тебе после каждого прочтения, открывая новые тайны, скрытые между строчками.

Теперь я с наслаждением читаю произведения Астафьева, общаюсь с ним сквозь годы через его книги, обращаюсь к нему как к великому учителю жизни. Я думаю, что во многом моя личность сформировалась на основе тех нравственных принципов, которые были взяты из творчества Виктора Петровича. Его талант даже после смерти продолжает помогать обществу, преподаёт людям уроки жизни на горьком опыте автора. Астафьев всё ещё живёт в наших спектаклях, сердцах людей, с которыми он общался, его родственниках, читателях, каждой библиотеке и книжной полке, где стоит томик его произведений, а теперь даже в этом тексте.

Закончить я бы хотела очень красивой цитатой Ольги Владимировны Клоковой из её рассказа «Учительница первая моя...», которая идеально подчёркивает мои мысли: «Есть люди как звёзды... Их уже нет рядом с нами, а свет, подаренный ими, долгие годы ещё будет согревать нас...»

ТРЕТЬ ДУШИ ИМЕНИ В. П. АСТАФЬЕВА

Этот текст о том, насколько огромный кусок моей души может быть по праву назван в честь В. П. Астафьева. Не в честь А. С. Пушкина с его «энциклопедией русской жизни» и не в честь Н. В. Гоголя, изобразившего все «типы русских характеров». Этот «кусочек» относится к чему-то более родному, пахнущему хвоей и деревней.

Да, В. П. Астафьев тоже изображал проблемы, но большинство из них были такими приятными и близкими, что, читая, ты даже ни разу не нахмурил брови. Речь идёт, конечно, про «деревенскую» прозу и то «полушарие» его творчества, которое не затрагивает войну. Основной конфликт, появляющийся в произведениях Виктора Петровича, происходит между природой и инфраструктурой, городом и деревней.

Это не просто народный автор, это автор своей малой родины. Вот уже излюбленный мною с пятого класса Васютка с его озером. Все эти «таёжные законы», «батюшко Енисей» и «краюшки» хлеба даже человека, всю жизнь жившего в Москве, утянут за собой в мир сибирской жизни. Мне иногда кажется, что Астафьев и есть изобретатель 3D-очков, потому что уже с первых страниц тебя окружают небрежно порванная паутина и «следики» какой-нибудь птички на снегу. Возникает мысль: «А что же там с правой стороны?» — и хоп — вот тебе и торчащий из-под снега кусочек травы, будто ты и вправду повернул голову. Автор описывает самые броские и осязаемые детали, а остальное пространство выстраивается само собой.

Природа в рассказе — это своего рода главный герой. Вот мальчика пробует воспитать мама — все её слова проходят мимо ушей; вот рыбаки со своим богатым опытом — не прислушался, и только сама природа смогла научить Васютку, заставила его повзрослеть.

«Затеси» для меня — это сборник даже не букв или слов, а собрание звуков, запахов и пейзажей. За какой рассказ ни возьмись — везде природа ставится в один ряд с чувствами человека, годичный цикл сравнивается с жизнью, а между строк звучат перешёптывание деревьев и шуршание белочек. Герои его рассказов только от взгляда на берёзы в южном краю уносятся на далёкие тысячи километров, к деревенским улицам и народным традициям. Словом, романтикам — море, людям из сибирских глубин — берёзки.

Есть в творчестве Астафьева и страшные темы: бедность, голод и безнадежность. Рассказ «Людочка». В нём автор один за другим рушит стереотипы литературы: в трудные времена любовь не спасла, материнское сердце не утешило, а справедливость не восторжествовала. Читатель до последнего ждёт чуда, но и этого не происходит: героиня совершает самоубийство. И тут хочется броситься в осуждение текста.

Где же мораль? Где же надежда? В этом и заключается специфичность автора — правда, и только. Распоряжайся ею как знаешь. Город в рассказе олицетворяет всё то отвратительное, что есть в человеке, он задавил героиню. Людочка, потеряв связь с природой и деревней, обрекла себя на несчастье.

Мне кажется, всякий архитектор, приехав в Сибирь, опустит руки. Никакое помпезное здание не сможет затмить ту роскошь, что уже имеют наши поля и леса. От такого богатства никакими стенами отгораживаться не хочется. И сейчас, когда человек всё сильнее отдаляется от природы, кто, как не Виктор Петрович Астафьев, способен восстановить эту связь?

Авторы

Беликов Юрий Александрович

Поэт, прозаик, публицист, эссеист. Родился в 1958 году в городе Чусовом Пермской области. Работал собкором ряда центральных изданий. В начале 90-х входил в редколлегия журнала «Юность». Там же опубликовано его повествование «Столбовой переселенец» («Легенды об Астафьеве»). Участвовал в Астафьевских чтениях в Красноярске, Перми и Чусовом. Лидер движения «Дикороссов» — поэтов «края бытия». Составитель антологии «Приют неизвестных поэтов» (Москва, «Грааль», 2002) и антологии трёх веков русской поэзии «Сады и бабочки» (С-Петербург, «Алетейя», 2022). Автор книг «Пuls птицы», «Прости, Леонардо!», «Не такой» и «Я скоро из облака выйду». Лауреат премий имени Павла Бажова, имени Алексея Решетова и имени Антона Дельвига «За верность Слову и Отечеству». Живёт в Перми.

Блохнина Светлана Ивановна

Родилась 19 января 1966 года в Железногорске, который тогда назывался Красноярск-26, или почтовый ящик 9, — город, которого нет. Окончила Красноярскую медицинскую академию. Работает врачом-бактериологом. Проводит исследования интереснейшим молекулярно-генетическим методом ПЦР.

Васильев Геннадий Михайлович

Родился в Томске в 1959 году. Отслужил в армии, потом по комсомольской путёвке оказался на КАТЭКе, в Шарыпово. Учился заочно в Иркутском университете на факультете журналистики. Работал в газетах «Красноярский комсомолец», «Свой голос», «Евразия», «Деловая Сибирь», «Комок», вёл еженедельную программу на красноярской студии «Автордио», участвовал во всевозможных медиапроектах. Журналист, литератор, бард. Публиковался в журналах «День и ночь», «Байкал», «Енисей», в коллективных сборниках и антологиях. Автор книг стихов «Посвящение друзьям» (1996), «Весенняя песня скворца» (2014), «Акварели» (2019), прозы «Свидетели долго не живут» (2005), «Одноклассники точка» (2018), «Времена жизни» (2019), «Частная коллекция» (стихи, рассказы, пьесы, 2022). Участник Всероссийского совещания молодых литераторов в Ярославле в 1996 году. Член Союза российских писателей.

ГЕРМАН ИГОРЬ ВИКТОРОВИЧ

Родился 10 августа 1964 года в городе Топки Кемеровской области. В 1985-м окончил Кемеровский государственный институт культуры. Работает актёром в Русском республиканском драматическом театре имени М. Ю. Лермонтова города Абакана, преподавателем актёрского мастерства в Минусинском колледже культуры и искусства, режиссёром «Домашнего театра» краеведческого музея имени Н. М. Мартянова. Рассказы и повести печатались в журналах «Огни Кузбасса», «Дальний Восток», «День и ночь», альманахе «Енисей», пьесы — в журнале «Современная драматургия». Драма «Братья Шуть» переведена на татарский язык и поставлена в Оренбургском татарском театре имени М. Файзи. Мелодрама «Прости меня» имела три постановки: в Башкирском академическом театре имени М. Гафури (пьеса переведена на башкирский язык), в Крымском академическом театре имени М. Горького (Симферополь), в Русском республиканском театре (Абакан). В 2017-м при поддержке Красноярского представительства Союза российских писателей издал сборник рассказов и повестей «Премьера». В 2021-м выпустил прозаический сборник «Театральная баллада». С 2011 года состоит в Российском авторском обществе (РАО). Член Союза российских писателей.

ГУРЬЕВА НИНА ГЕРАСИМОВНА

1951–2012

Родилась 5 октября 1951 года в деревне Ефимово Тюменской области. В Железногорск приехала в 1969 году. Окончила торговое училище, затем институт, работала в управлении рабочего снабжения ГХК. Публиковалась в альманахах «Русский писатель», «Антология поэзии закрытых городов Росатома», «Избранное красноярской поэзии XX века», «Поэзия на Енисее». Автор десяти литературных сборников: «Малиновый звон над Кантатом» (1994), «Разнотравье» (1998), «Жёлтый вальс», «Земляничная нежность» (2001), «Прозрачная тишина» (2003), «Предзимье» (2006), «Не бывает России без гроз», «Моей души прекрасная обитель» (2008), «Колокол сердца» (2011), «Живёт поэзия во мне» (2012).

ЕРЁМИН НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

Родился 26 июля 1943 года в городе Свободном Амурской области. Окончил медицинский институт в Красноярске и Литературный институт имени А. М. Горького в Москве. Член СП СССР с 1981 года, Союза российских писателей с 1991 года и Русского ПЕН-центра Международного ПЕН-клуба. Кавалер золотой медали «Василий Шукшин». Автор книг прозы «Мифы про Абаканск», «Компромат», «Харакири», «Наука выживания», «Комната счастья», «Волшебный котелок», «Чучело человека». Выпустил в свет собрание сочинений в 6 томах, трёхтомник стихотворений «Небо в алмазах». Николай Ерёмин является автором-составителем проекта

«Миражисты», под грифом которого издал альманахи «Пощёчина общественной безвкусице», «5-й угол 4-го измерения», «ЕБЖ — Если Буду Жив», «Сибирская ссылка», «Кастрюля и звезда, или Амфора нового смысла» и др. Он — лауреат премий «Хинган» и «Нефритовый Будда». Победитель конкурса «День поэзии Литературного института — 2011» в номинации «Классическая лира». Дипломант конкурса «Песенное слово» имени Н. А. Некрасова. Награждён почётной грамотой Министерства культуры РФ.

ЕРМОЛАЕВА ОЛЬГА ЮРЬЕВНА

Родилась в посёлке Подтёсово Енисейского района Красноярского края. Окончила факультет театральной режиссуры Московского института культуры. Работала журналистом, воспитателем, руководила кукольным театром. С 1978 года заведует отделом поэзии журнала «Знамя». Автор нескольких поэтических сборников.

КАРАПЕТЬЯН РУСТАМ АНАТОЛЬЕВИЧ

Родился в 1972 году в Красноярске. Работает программистом. Лауреат премий имени В. П. Астафьева, А. И. Куприна. Публикации в журналах «День и ночь», «Енисей», «Паровозь», «Мурилка», «Простоквашино», «Костёр», в различных российских и международных антологиях и сборниках. Автор двух книг лирики и семи книг для детей. Член Союза российских писателей.

ЛУКЬЯНОВ ВЯЧЕСЛАВ ГРИГОРЬЕВИЧ

Родился в 1949 году в деревне Гремячка Боготольского района (ныне её уже нет). Жил и учился в селе Боготол. Окончив среднюю школу, работал в совхозе, служил в армии. По окончании Красноярского механического техникума был направлен в закрытый город Красноярск-26 (Железногорск). Работал в научно-производственном объединении мастером, токарем, нормировщиком. Пенсионер.

МАЛИНОВСКАЯ ЕКАТЕРИНА АНДРЕЕВНА

Родилась в Красноярске 20 февраля 1990 года. Поэт, писатель, по профессии — учитель русского языка и литературы. Куратор литературных мероприятий города Красноярска и Красноярского края. Председатель Красноярского регионального представительства Союза российских писателей. Стипендиат государственной стипендии Министерства культуры Российской Федерации. Лауреат премии Главы города Красноярска молодым талантам в номинации «Культура». Участник 20-го Международного форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья, фестивалей «Волошинский сентябрь», «Петербургские мосты», «Балтийское кольцо» и др. Финалист литературной премии «Лицей». Финалист Всероссийского поэтического слэма. Автор поэтических книг «Юник», «Полая структура». Стихи переводились на

испанский язык, публиковались в журналах «Эмигрантская лира», «Юность», «Паровозъ», «Формаслов», «Образ», «Енисей», «Revista Kametsa» (Перу) и других.

МАМАЕВА АЛЬБИНА РОМАНОВНА

Родилась на Ангаре, в деревне Дворец Кежемского района Красноярского края. Долгое время работала в Туруханске. Публикации в журнале «День и ночь», альманахе «Енисей».

МАМЗИН СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Родился в 1955 году в селе Мичурино Чимкентской области в Казахстане. Окончил Ташкентский политехнический институт и заочно Литературный институт имени Максима Горького. В Красноярске жил с 1977 по 2009 год. Работал анодчиком на КраЗе. Публиковался в альманахе «Енисей», в коллективных сборниках. Автор книг «Среди друзей» (1984), «Разговор перед зеркалом» (1990), «Я помню» (1991). Член Союза российских писателей.

НЕМЕЖИКОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА

Родилась в 1965 году в Красноярске. Окончила с отличием два факультета в КИЦМ (ныне ИЦМиМ СФУ) по специальностям «горный инженер-геолог» (ленинская стипендиатка, 1987), «экономист» (1993). В 2019 году стала лауреатом краевого литературного конкурса имени И. Д. Рождественского в трёх номинациях: I степень — «Драматургия», II степень — «Поэзия», III степень — «Произведения для детей». Публикации: альманах «Енисей», журнал «День и ночь». Живёт в Красноярске.

ОВЧАРЕНКО ВИТАЛИЙ ВИКТОРОВИЧ

Поэт, бард. Родился в 1973 году в Красноярске. Учился в Красноярском государственном университете. С 1993 года работал журналистом в газетах Красноярска «Свой голос», «Городские новости», «Евразия», «Красноярский комсомолец», «Сибирская газета», «Новые времена», «Новый гудок», «Вечерний Красноярск». В настоящее время работает на телевидении. В 2012 году занял второе место в краевом поэтическом конкурсе «Король поэтов», по итогам конкурса издана книга «Бог на крыше». В этом же году стал лауреатом краевого поэтического конкурса на соискание премии имени И. Рождественского.

ПАНОВА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА

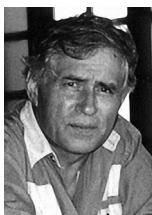
Родилась 31 августа 1971 года. Окончила Ванаварскую среднюю школу, в 1993 году — Красноярский педагогический институт (факультет физкультуры и спорта). Победитель спартакиады по зимним видам спорта среди городов и посёлков Севера. Призёр кубка СССР по спортивному ориентированию (1990). Член Союза писателей России с 2016 года.

Семь поэтических сборников, больше тридцати публикаций. Книги: «Дальний берег мечты» (2010), «Ключи от неба» (2012), «Остановись, мгновенье» (2014), «Не с первого взгляда» (2015).

РОМАНЕНКО ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ

Родился в 1945 году в селе Дубинино Красноярского края. Учился в сельской семилетней школе до шестого класса. Среднюю школу заканчивал в Донецке, куда переехали с отцом после смерти матери. Поработал шахтёром, но потом всё-таки уехал на родину. Работал в мостоотряде бетонщиком, на лесоповале вальщиком, водителем лесовоза, трактористом. В 1979-м приехал в Абакан. Двадцать лет проработал на мебельной фабрике. Стихи начал писать поздно. Печатался в местных изданиях, издал два поэтических сборника.

СОЛНЦЕВ РОМАН (СУФИЕВ РЕНАТ ХАРИСОВИЧ) 1939–2007

Родился в деревне Кузкеево Мензелинского района Татарии. Окончил в 1961 году Казанский университет, в 1973 году — Высшие литературные курсы. Работал геологом в Сибири, физиком, журналистом. В 1962 году его стихи напутствовал К. Симонов в журнале «Юность». Первый сборник «Стихи» выпустил в 1964 году. В 1978 году в Москве была поставлена его пьеса «Ждём человека». Шум в годы перестройки вызвали спектакль и фильм «Торможение в небесах». Произведения переводились на английский, болгарский, татарский, чувашский языки. П. Чухрай снял фильм «Запомните меня такой». В журналах «Новый мир», «Нева», «Октябрь» публиковались повести «Свобода ночью», «ЦБ», «Иностранцы», «Вторые люди», «Жёлтый дом», «Полураспад» и др. В 1992 году стал одним из учредителей Союза российских писателей. Был президентом сибирского ПЕН-клуба. В 1993 году основал литературный журнал «День и ночь». Основатель Красноярского литературного лица. В 2005 году — финалист премии «Русский Букер». Автор книг «Та осень» (1970), «Белая ветка» (1978), «Аэропорт „Медведь“» (1987), «Волшебные годы» (1997), «Маленькое тайное общество» (1999) и др. Похоронен в Красноярске.

ТЕПЛИЦКИЙ ВИКТОР ВАЛЕРЬЕВИЧ

Родился 1 мая 1970 года в Красноярске. Учился в СТИ (ушёл с пятого курса). В 1992-м женился. В этом же году принял крещение. В 1993-м вошёл в литературное объединение молодых писателей и поэтов под руководством поэтессы Аиды Петровны Фёдоровой. В 1994-м рукоположен в сан диакона в Свято-Никольском храме Красноярска. Через год рукоположен в сан пресвитера. До сих пор священник Свято-Никольского храма. Трое детей. Издал стихотворные сборники, книгу стихов и прозы «Ванечка», книгу прозы «Разговор с Птицей». Публикации в журналах «Старое и новое», «День и ночь», «Город детства», «Человек на земле», «Алтай».

В 2005-м — лауреат премии имени В. П. Астафьева в номинации «Иной жанр» за драму «Королевское сердце». Окончил филологический факультет КГПУ имени В. П. Астафьева. Член Союза российских писателей.

ТИМЧЕНКО НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

Родился в 1950 году в предгорье Саян в Красноярском крае. Окончил Красноярский педагогический институт. Автор трёх поэтических сборников. Проза печаталась в журнале «День и ночь» (Красноярск), альманахах «Истоки» (Москва, изд. «Перо»), «Новый Енисейский литератор» (Красноярск). Лауреат премии имени Игнатия Рождественского в номинации «Я себя не мыслю без Сибири» за 2014 год.

ТРЕТЬЯКОВ АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ

1939–2019

Родился в Минусинске. Окончил Красноярское речное училище. Учился во ВГИКе и Литературном институте имени А. М. Горького в Москве. Автор 14 сборников стихов. Печатался в журналах и коллективных сборниках Москвы и других городов России, в журналах «Русское литературное эхо» (Израиль), «Новый берег» (Дания). Член Союза писателей России с 1979 года, лауреат Пушкинской премии Красноярского края 1999 года, финалист Межрегионального поэтического конкурса «Светись, светись, далёкая звезда...», посвящённого 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова, финалист Международного конкурса русской поэзии в Израиле, призёр международного конкурса «Акупунктура миниатюры — 2011», посвящённого памяти Семёна Ванетика, автор слов официального гимна города Красноярска, действительный член Академии российской литературы с 2009 года, автор текста оратории композитора Олега Проститова «Суриков — сын земли красноярской».

ТЫЧИНСКИЙ НИКОЛАЙ ФРАНКОВИЧ

Родился в 1959 году. Вырос на Алтае, в селе Лесное Бийского района. После окончания Самарского аэрокосмического университета работал в ракетно-космической отрасли, руководил компанией, преподавал в The Open University. Писательством занимается со студенческих лет. Автор рассказов, эссе, путевых заметок и блогов. Первая книга афоризмов, «Над облаками всегда ясно», вышла в 2012 году, вторая, «Мелодия открытого окна», — в 2014-м, третья, «Рассказы не про всё», — в 2020 году. Пять лет назад вернулся на Алтай и живёт в родном селе Лесное.

ФАРМАЗЮК (ЕФРЕМОВ) ИГОРЬ ГРИГОРЬЕВИЧ

Родился в 1969 году. Живёт в Абакане. Образование: Абаканский педагогический институт, Сибирский юридический институт. Работал в правоохранительных органах, аппарате Правительства Республики Хакасия. Пенсионер МВД.

Награждался ведомственными знаками и медалями. Стихи публиковал в местной периодике, альманахе «Енисейская Сибирь». Отдельной книгой выпустил «Поэму о Гайдаре», которая была переведена на хакасский язык. Женат, двое детей, внучка. В настоящее время доброволец СВО.

Юрлов Николай Алексеевич

Родился в 1954 году в селе Вожгалы Кировской области. Окончил факультет журналистики УрГУ имени А. М. Горького (Екатеринбург). Работал в областных и краевых изданиях Самарканда, Томска, Красноярска, собственным корреспондентом газеты «Гудок» в Красноярске. Лауреат конкурса «Журналистская Россия-2009», победитель и лауреат IX межрегионального конкурса журналистского мастерства «Сибирь — территория надежд» (2010) в номинациях «Территория интеллекта» и «Добро пожаловать в Сибирь!». Публикации в «Литературной газете», «Литературной России», журналах «Молодая гвардия», «Мир Севера», альманахе «Новый Енисейский литератор». Автор портала «Российский писатель» и сетевого журнала «Парус» (Москва), редактор отдела очерка и публицистики альманаха «Новый Енисейский литератор». Автор книг «По Сибири с государевой оказией» (2002), «Шёл к Тунгуске звездолёт», «Звёздная миссия в прошлое» (2008), «По шпалам из века в век» (2011), «Зеркало антиквара» (2012). Научно-популярное издание «100 лет неизвестности» (2018) стало «Книгой года» по версии Красноярской краевой универсальной научной библиотеки имени В. И. Ленина.

